

«Кавказ»: отзывы центральных газет

Кабардинец по происхождению, ныне живущий в Иордании, писатель, в отличие от многих наших российских литераторов, стремящихся обнародовать свои произведения где угодно, только не в своем Отечестве, считает своим долгом опубликовать книгу на русском и английском языках прежде всего в России. Много лет он вел архивные разыскания истоков сегодняшних раздоров, и результаты этих исследований легли в основу его трилогии «Кавказ»...

Книга - сага о жизни трех поколений одной кавказской семьи оставляет впечатление грандиозного кинематографического полотна, яркого, в лучших традициях Голливуда, действия не только благодаря даровитости Мухадина Кандура, но и его личной как бы причастности к изображаемому им. Дело в том, что предки писателя, как и сотни тысяч кавказцев, были вынуждены в прошлом столетии покинуть землю отцов...

«Литературная газета», 23 июня 1993 г.

Его роман-трилогия «Кавказ» необычайно ярко, сочно и красочно повествует о судьбе трех поколений одной горской семьи, испытавшей трагедию беженцев, переселенцев, изгнанников. Его страницы дышат любовью к Отчизне, уважением к предкам, верой в народную мудрость и доброту... Герои его замечательной исторической хроники - горячие и страстные, неподкупные и отважные..., живут полнокровной жизнью. Радуюсь, мучаясь, страдая, веря и любя, они как бы призывают нас сегодняшних жить в доброте и любви к ближнему...

«Двадцать четыре» - международная газета,
25 июня 1993 г.

Сын кабардинских иммигрантов в поисках своих корней рассказывает историю своего народа в романе, написанном в ярком стиле, великолепно сочетая исторические события с семейными преданиями. Скрупулезно исследована роль России и ее влияние на судьбы северо-кавказских народов.

«Правда», 4 августа 1993г.

...Эта книга, трагическая история, рассказанная ярко и занимательно, объективно и с любовью к родине и предкам. Ни разу М.Кандур не задел национальных чувств ни одного кавказского народа, не выдвинул за какие-то заслуги одних перед другими.

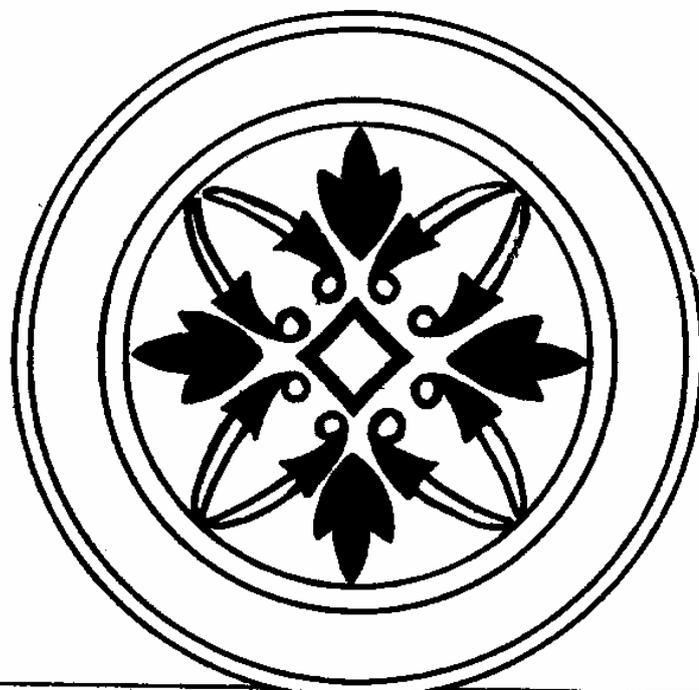
«Труд», 23 июня 1993 г.

Мудрому мусульманину
Иорданскому королю Его
Величеству Шарифу
Хусейну – ибн – Талалу.
Пусть Аллах даст ему
здоровье на долгие годы и силу
духа в служении своему народу.
А также памяти
кабардинского война, отдавшего
всю свою жизнь Его Величеству
и благородному Дому
Хашимов, моему дорогому
усопшему родителю генералу
Иззату Хасану. Да покоится
он с миром, зная, что воля его
выполнена: Книга написана.

М.И.КАНДУР

КАВКАЗ

Историческая трилогия

КАНДИНАЛЬ

От автора

В основу этого произведения легла серия сценариев, написанных мною для телевидения. Трудно даже перечислить имена тех, чьи наблюдения, замечания и советы помогли мне в создании этой книги. Друзья в Турции предоставили в мое распоряжение секретные архивы и помогли с переводом, мои знакомые в России и Кабарде также снабдили меня ценнейшими материалами (это сегодня их можно свободно получить в архивном Отделе Государственной исторической библиотеки): например, воспоминаниями и письмами русских офицеров, служивших на Кавказе. Всем этим людям я выражаю свою искреннюю благодарность.

Автор книги также весьма признателен своей коллеге Френсис Кеннет за серьезную редакторскую работу и помощь в исследовательской деятельности Дэвида Эркорта, посвященной истории черкесского народа.

Первое издание в переплете осуществлено в 1994 году компанией «Кью Фор Холдинга Лтд.», Бат Стрит, Сент Хелмер, Джерси Ченнел Айленда. На русском языке выпущено московским издательством «Кандиналь в соответствии с соглашением с компанией «Кью Фор Холдингз Лтд.»

Кандур М.И. Кавказ. Историческая трилогия: В 3 т. / Перевод ВА.Ченьшенко. - М.: Кандиналь.1994. - 336 с.

ISBN 5-88195-094-1 ISBN 5-88195-096-8 (т. 1)

Художник М. М. Горлов

Право М.И.Кандура быть идентифицированным в качестве автора данного произведения было доказано М.И.Кандуром в соответствии с Законом об авторские правах, разработках и патентах, 1988

К^0^0^29безобъявл. Т 43(03)-94

ISBN 5-88195-094-1

ISBN 5-88195-096-8 (т.1)

© М. И. Кандур, 1994

ПРОЛОГ

Май 1991. Я удобно откинулся в кресле «Трай-стара»- самолета Королевской иорданской авиакомпании, вылетавшего из Аммана. Первым пунктом назначения у меня была Москва, но там мне предстояла лишь двухдневная транзитная остановка. Конечной целью моего путешествия был Нальчик, столица Кабардино-Балкарской Республики на Северном Кавказе. Мало кто в мире когда-нибудь слышал об этой маленькой республике в составе Российской Федерации. Еще меньше известно о населяющем ее народе - адыгах, которых еще называют черкесами. Но с этим неведением будет, наконец, покончено, если наша миссия будет успешной и мы завершим то, что задумали.

Самолет взлетел поздно вечером. Подали ужин, потом пустили кино. Я уже видел эту комедию, поэтому переключил наушники на мягкую музыку, расслабился и, потягивая прохладительный напиток, придумывал, как бы задремать. (У меня всегда вызывали зависть пассажиры, которые могли мирно посапывать, паря в эмпиреях).

Я немного поворочался в кресле, посматривая на беззвучный экран, открыл дипломат и достал бумаги, чтобы взглянуть на них снова, наверное в десятый раз. Это было уведомление от организации «Родина» из Кабардино-Балкарии, написанное по-русски, где сообщалось о том, что 19 мая 1991 года в Нальчике состоится «Конгресс черкесского народа».

Я был в составе официальной делегации нашей Черкесской хасы города Аммана (Иордания) и летел, чтобы принять участие в этой акции, но имел при этом и личную цель: теперь, наконец, я ступлю на землю своих предков, начну поиск собственных корней. На повестке дня Конгресса стоял вопрос, ни много, ни мало о судьбе нашего народа. Недавние сдвиги в политической жизни Советского Союза, возникшие в результате официального курса гласности и перестройки, открыли национальностям перспективы развития, но в тоже время явились и залогом огромной опасности. Руководство нашей маленькой республики, чувствуя огромную ответственность, решило пригласить на эту встречу всех представителей черкесской диаспоры для совместного решения вопросов.

Каких только высоких и грандиозных идей не высказывали делегаты в салоне гиганта «Трайста-ра», стремительно уносившего нас на север сквозь черную пустоту. Моя же цель имела более частный и менее идеалистический характер. Конечно, я буду участвовать в работе Конгресса и внесу свой вклад. Но все же главное для меня другое.

В конце прошлого века мои близкие предки эмигрировали с Кавказа в Турцию. Лишь одна семейная ветвь осталась на Кубани. В том числе и мой двоюродный дедушка, которого звали Аза-мат. Желанием моего отца, а значит и моим тоже, всегда было узнать, что случилось с потомками Азамата, и восстановить давно потерянные семейные связи. Может случиться, что, по иронии судьбы моя миссия будет иметь результат, противоречащий задачам Конгресса. Возможно, я захочу уговорить родственников оставить Кавказ и податься со мной в свободный мир. Я не представлял себе, какой эмоциональный опыт может принести эта поездка.

Мысли вернули меня в прошлое, к моим покойным бабушке и дедушке, к «Нана» и «Дада» моего детства, проведенного на Ближнем Востоке. Это они стали первыми переселенцами, они и их родители, которые покинули когда-то благословенные зеленые склоны Кавказских гор и уехали в неизвестность пустынной и загадочной Османской Империи. Они считали, что лучше на чужбине сохранить веру, чем оказаться во власти христианского царя. Однако они не знали, как ловко манипулировали их судьбами главы двух держав - турецкий султан и русский царь.

Мне живо вспомнилась моя поездка в Иорданию в конце шестидесятых. Ко времени моего приезда дедушки уже не было в живых, но оставалась бабушка, которая встретила меня, мешая радость с печалью и одарила любовью и гостеприимством черкесской женщины. Ей уже было скоро девяносто, но для своего возраста она выглядела весьма бодрой и здоровой.

Была лунная ночь в начале сентября. Мы с бабушкой сидели на балконе ее дома в Аммане. Она взяла мою руку и нежно гладила ее, шепча ласковые слова и повторяя иногда неразборчиво какие-то стихи из Корана. Воздух был ароматным и теплым, иногда тянул легкий ветерок, он нежно ласкал нас, будто прощаясь, - ведь осень с ее холодными западными ветрами была не за горами.

Иногда бабушка поднимала глаза на полную луну, висевшую над нами, как китайский фонарик, и снова читала Коран. Вдруг я заметил, что спокойное выражение ее лица несколько изменилось, и она продолжает смотреть вверх.

-Что там такое, Нана? Что беспокоит тебя? -спросил я, придвигаясь поближе и нежно обнимая ее.

Она еще несколько секунд смотрела на луну, как зачарованная. Затем бабушка внезапно повернулась и пытливо посмотрела на меня.

- Это правда, внук, это правда, что люди добрались уже ...туда? Что они уже походили по ...ней? - спросила она, указывая на Луну своими тонкими изящными пальцами.

Я не сразу понял, что она имеет в виду. Везде только и было разговоров о великом путешествии Олдрина и Армстронга и об их знаменитой прогулке по Луне. Я представил себе, как трудно было моей девятидесятилетней бабушке воспринять это, особенно если достижение науки прямо противоречило ее вере, взглядам, которые она пронесла через всю свою долгую жизнь.

Бабушка повторила вопрос, и я увидел, как смятение, боль и растерянность отразились на ее ангельском лице. Я замялся, и она это заметила. Сказать ей правду означало пошатнуть одно из ее основополагающих верований. Бабушка верила, что Луна и звезды принадлежат небесам, а небеса - Божьи владения. Никто из смертных не может ступить туда. И как можно было объяснить это рукотворное чудо, не оскорбив веру? Я был смущен и расстроен, но все же сказал ей правду.

Три дня спустя бабушки не стало. Она умерла спокойно, во сне. Она была здоровой и бодрой, и я полагаю, что покинула сей мир потому, что не требовалось более опекать многолетнего друга и спутника жизни - своего мужа. Ее положили рядом с ним на семейном кладбище.

Я присутствовал на этих скромных семейных похоронах. Мне запомнилось, как старый бабушкин друг Мамила бережно отнес ее к последнему приюту. Его слова нежности, верности, истинно сыновней любви, произнесенные на одной ноте подавленным шепотом вызвали слезы на моих глазах, и я молча заплакал. Я оплакивал свою умершую бабушку. Я оплакивал Мамилу и все то замечательное поколение наших людей, которые уехали в такую даль от родных очагов и теперь должны умирать на чужбине.

т Я вспомнил наш с бабушкой разговор три дня назад и понял, как сильна была вера, заставившая людей ее поколения покинуть Кавказ. Этой слепой религиозностью ловко управляли тогдашние сверхдержавы с целью спровоцировать катастрофическую миграцию двух миллионов черкесов с земли своих предков. Россия, помимо прочих притязаний, стремилась овладеть плодородным Кавказом с тем, чтобы расселить там своих освобожденных от крепостного права крестьян. Турции нужна была свежая кровь для своих армий на Балканах, да и по всей империи. Общие глобальные интересы сцементировали соглашение двух враждующих сторон. Таким образом, моему народу, черкесам досталась роль жертвенного ягненка в политической игре двух мировых держав.

На земле трудно найти еще одну такую нацию или расу, на долю которой выпало бы столько страданий, сколько досталось моему народу. Исключение составляют, может быть, только евреи и, как совсем недавний пример, палестинцы. На Западе слово «черкес» или «черкесец» ассоциируется с образом прекрасной женщины или неукротимого всадника в экзотических одеждах, скачущего вдаль с саблей в руке. Трагедия моего на-

рода так долго "оставалась неизвестной из-за чьего-то безразличия, невежества, и, зачастую, вследствие явного недоброжелательства.

Перенесенные страдания - еще не свидетельство добродетели, кроме того, черкесы - народ гордый и выпячивание собственных бед для них равносильно потере достоинства. В 1790 году их численность составляла три с половиной миллиона, а затем за двести лет сократилась до менее чем полумиллиона человек, проживающих на Кавказе. Любой статистический расчет показывает, что при нормальных условиях черкесы должны были образовать нацию в двадцать или более миллионов человек.

Человек, сидящий в соседнем кресле, пошевелился, и это вернуло меня в реальность. Мысли о моем народе и моей миссии в Советском Союзе навяли нерадостные воспоминания. Я все держал в руках полученное приглашение: листочек с четкой официальной эмблемой и обращением ко мне на русском языке. Мечта стала явью. Я сложил бумагу и убрал ее в дипломат к прочим документам. Да, мне придется здорово постараться на этот раз. Не подведу свой род. Отыщу потерянных родственников и напишу историю своей семьи. Однако сначала мне нужно отыскать людей, которые помогут осуществить задуманное. Я твердо вознамерился найти свои корни.

Мне очень хотелось написать о своем народе. Мне очень хотелось понять самого себя. Черкесы хорошо ассимилировались во всем мире и стали полноценными гражданами тех стран, где они осели. Много ли утрачено ими и продолжают ли они терять свою национальную индивидуальность? Некоторые исследователи готовы чуть ли не с пожарной каланчи кричать о том, что мы, черкесы, произошли от древней и благородной расы, имевшей высокую цивилизацию уже тогда, когда европейцы еще жили в пещерах. Я же хотел лишь известить мир о том, что у нас были замечательные достижения в музыке, поэзии, мифологии. Я не ожидаю, что мир после этого сразу возлюбит нас или очень заинтересуется нашими традициями и культурой. Я просто хотел заявить о нашем существовании и о нашем прошлом.

Интересно, как психологи оценили бы этот феномен. Почему так важно, чтобы нашу историю знали? Почему мы не должны ассимилироваться и раствориться среди более многочисленных народов на этой земле, как это произошло с другими древними цивилизациями? Откуда это не дающее покоя стремление осознать свою черкесскую индивидуальность? Хотелось бы найти ответы на эти вопросы. Молюсь, чтобы некоторые из ответов я смог получить во время поездки на Кавказ.

Мы летели на север, к Москве, навстречу разгорающемуся дню. В самолете начали разносить завтрак. Я пил кофе и смотрел вниз на обширные территории, покрытые снегом и льдом. Я обернулся к своим товарищам и увидел на их лицах одобрительные улыбки. Они были возбуждены и обрадованы перспективой ступить на землю своих предков. Первый этап нашего путешествия подходил к концу.

История Кавказа отсчитывается с первых мгновений зарождения цивилизации. В греческой мифологии упоминается земля Колхида, куда аргонавты поплыли в поисках Золотого руна и где обнаружили остатки высокоразвитых искусств и ремесел. Жителями Кавказа были хазары ранневизантийской истории и аварцы, терроризировавшие Восточную Римскую и Персидскую империи. Каждая волна миграции с Востока на Запад накатывалась на его горные склоны и сбегала, оставляя там что-то после себя. Туранцы и арийцы, аккадианцы и семиты, этруски и эллины, кимбрийцы и готы, гунны и сельджуки, татары и монголы и в разное время и одновременно поили своих лошадей в холодных, как лед, ручьях этой страны и строили жилища в ее обширных лесах. Кавказ превратился в заповедник исчезнувших народов и Вавилон языков.

Я хочу рассказать историю одной семьи, жившей в этой чудесной стране Кавказ. Это история моей семьи в том виде, как она передавалась от отца к сыну на протяжении семи поколений. Но ее можно назвать и хроникой любой черкесской семьи, так как она воплощает историю всего черкесского народа, включая трагические события, приведшие к его миграции со своей исторической родины, с Кавказа.

Считается, что любое добротное повествование должно иметь завязку, кульминацию и развязку, и каждая из этих частей должна быть по-видимому, одинаково интересной, захватывающей и познавательной. Однако исторический роман не всегда соответствует этим четко определенным литературоведческим критериям. Начало истории нашей семьи теряется где-то в дебрях античного периода существования черкесской нации. Говорят, что историки готовы прийти к согласию относительно вопроса о происхождении черкесов, чего они никак не могли сделать в течение многих десятилетий. Две значительные исследовательские школы полагают, что мы являемся наследниками хеттов или викингов. Никто еще не пришел к мысли о том, что нация адыгов существовала самостоятельно с самого начала и что все попытки объяснить ее происхождение с помощью истории какой-то другой нации обречены на неудачу.

Результат этой научной дилеммы не имеет к нашему повествованию никакого отношения, ибо любой хороший археолог вам скажет, что каждый раз, когда переворачивают новый камень, вопросов возникает гораздо больше, чем ответов. Но один факт, по крайней мере, исторически точно установлен: черкесы жили на Крымском полуострове около трех тысяч лет назад и затем медленно переместились на Кавказ в результате серии племенных миграций. Сначала они селились у Черного моря и по берегам реки Кубань. Несколько позже, но тоже точно неизвестно, когда, они двинулись дальше на восток, пока не достигли реки Терек, впадающей в Каспийское море.

Черкесы, которые ушли на восток, были все из племени кабарда, а те, кто остался на западе вдоль Кубани и черноморского побережья, представляли, в основном, племена шапсуг, бжедуг, абазах и убых. Для непосвященных эти имена звучат довольно странно. Все эти основные племенные формирования говорили на адыгском языке первоначальном языке черкесского народа, правда с различными диалектами. Язык убых был последним из черкесских языков, и он фактически исчез из употребления в результате завоевания Россией этих земель в середине 19 века.

Как это всегда бывает в истории миграции племен, вследствие случайных перемещений некоторые кланы остались позади. Поэтому мы видим, что даже сегодня кабардинцы продолжают населять западную часть Кавказа среди племен бжедуг между Кубанью и побережьем Черного моря. Их не следует путать с «черкесскими кабардинцами» - среди черкесов их называют «хад-жратами» - которые вернулись из Большой Кабарды около -1820 года и вновь поселились за рекой Лабой. Наш клан состоял из кабардинцев первичных племен, оставшихся жить у Кубани, в то время как большинство их одноплеменников отправились к востоку.

Где-то в конце 18 века один из членов нашего клана покинул Кубань и двинулся на восток. Сначала он поселился среди чеченских племен Восточного Кавказа, нашел там жену, а затем присоединился к кабардинцам племени джлахст-ней, жившим по берегам Терека. Здесь он основал новую семейную ветвь и здорово преуспел на разведении коней. Его звали Ахмет. Он - прямой родоначальник нашей семьи, и именно его жизнь и судьба легли в основу первой книги нашего исторического повествования.

Другие члены семьи - дядья Ахмета, которые остались на Западном Кавказе, принадлежали к дворянскому роду «пше», и из их среды вышло несколько выдающихся князей, правивших в селении Лаша Псина совместно с князьями клана Хатукшука. Этот городок существует и сегодня, и до сих пор он четко разделен на две части, известные как «Кандурей» и «Хатукшукей».

В хаосе большевистской революции и во время сталинского террора были истреблены почти все мужчины этой семьи в Лаша Псина из-за их аристократического происхождения. Лишь один маленький мальчик, единственный из потомков последних князей, был спасен служанкой и спрятан от коммунистов. Мальчика этого звали Султан. Он пережил ужасы сталинизма, потом стал военным и вот недавно вышел в отставку в чине полковника Советской Армии. Он живет на земле женщины, спасшей его, в селении Анзорей, в десяти верстах от Лаша Псина.

В этой книге автор постарался воссоздать ход событий в истории нашей семьи на протяжении века, начиная с 1782 года. Это историческое повествование, рассказывающее о многих драматических и очень важных событиях, произошедших в это время на Северном Кавказе. Однако хотелось бы, прежде всего, отметить, что исторический роман - не есть сама история в чистом виде, а лишь определенное допущение ее, поэтому такое произведение редко можно рассматривать как бесстрастную летопись.

Автор выстраивает характеры своих персонажей и выражает свою позицию, не следуя рабски историческим фактам: ведь роман требует динамики и драматизма коллизии - только тогда он станет интересен читателю. Поэтому автор, безусловно, приносит извинения читателям-пуристам среди своих земляков, которые, возможно, ожидали не ту книгу, какую они держат в руках. Я сам, будучи прежде всего черкесом, поставил перед собой задачу отыскать свои корни и удовлетворить тем самым жажду осознать собственное «я», а несколько лет я провел значительные исследования. Надеюсь, что в результате мне удалось раскрыть в определенной степени правду о нашем народе и о трагедии, постигшей нас как нацию. Я надеюсь также, что найдутся честные люди, которые возьмутся за перо и напишут больше и глубже о том, что мне удалось лишь вытащить на поверхность. Где-то ждут своего часа целые пласты забытой, нерассказанной истории, тысячи событий должны стать достоянием людей. Мир не может пройти мимо моего народа, не ведая, откуда мы и что случилось с нами на нашем пути.

КНИГА ПЕРВАЯ

ЧЕЧЕНСКИЕ САБЛИ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Ахмет ехал вверх по узкому ущелью, и его не покидало острое чувство того, что за ним следят. Но справа и слева от тропы высились лишь отвесные скалы, на которых негде было даже ступить, не говоря уж о том, чтобы там укрыться. Его раздражало потрескивание каменных глыб, остывающих после дневного жара в вечерней прохладе. Лошадь не пугалась этих звуков, а Ахмет вздрагивал, и, чтобы взбодриться, он еще раз громко прокричал «Уэри уокуэ», как это обычно делали мужчины в его селении во время состязаний или охоты. «Уэри уокуэ!» Он слушал, как эхо разносит его голос, отскакивая от скал. Голос затих, и вместе с ним растаяли образы его прошлой жизни на реке Кубань, оставшейся где-то далеко позади.

Он покинул родной очаг и вот оказался уже в незнакомой местности. Через три дня после отъезда Ахмет пресек пределы территории, относившейся к его селению, границы высокогорных пастбищ, где он еще ребенком частенько бывал с отцом. На четвертый день пути мягкий грунт под копытами сменился каменистыми россыпями и обломками, как будто домашний уют уступал место суровости самостоятельной жизни.

Ущелье вдруг кончилось, и открылся вид горной лощины, столь же мрачной и неприступной. У стремени зашелестел кустарник с дикой ягодой, обвитый плющом и другими ползучими растениями. Ахмет решил устроиться на ночлег на краю зарослей каких-то огромных деревьев. Человеку, выросшему на пастбищных землях в долине Кубани, непривычно было разнообразие рельефа местности, по которой пришлось проезжать. Это были сплошные долины, расселины, смертельно опасные каменистые осыпи, пересохшие за лето русла ручьев, или разбегающиеся по сторонам, или ныряющие под землю, причем в таком количестве, что было просто невозможно разобраться, как все это устроено.

Раньше Ахмет никогда не видел великих Кавказских гор. День за днем проводил он в седле среди гигантских подножий гор, вершины которых были всегда окутаны густым туманом. Когда же, наконец, покажется первый местный житель? И как он будет настроен: враждебно или дружелюбно? Дома среди пшитл ходили слухи, что вся эта местность кишит ворами. Но что они, простые крестьяне, могли знать об этом?

Взглянув на звезды, которые начали медленно проступать на темнеющем небосклоне, Ахмет убедился, что по-прежнему движется на юго-восток. Дома старики учили его, что следует ехать все время на юг до гор, затем повернуть налево и двигаться так, чтобы высокая гряда оставалась по правую руку. Однако сориентироваться было трудно, так как проторенные тропы вели то вверх на гору, то вниз в долину, отклоняясь на юго-запад гораздо больше, чем он рассчитывал.

Его кобылка Кара вышла на поляну с фиалками и начала щипать их. Ахмет сбросил бурку из толстой овечьей шкуры, расстелил ее на земле. Рядом, поблескивая в лучах заходящего солнца, журчал ручей. Он подошел к воде, вымыл руки и ноги, поплескал водой себе на лицо и локти, как того требовал ежедневный ритуал андез, и только потом поднялся и прочел вечернюю молитву. Скоро нужно будет разводить огонь, чтобы отпугнуть лесных хищников.

Если за ним следит враг или разбойник, то костер не спасет. Одним метким выстрелом его можно было сразить в любой момент за эти несколько дней путешествия. И кто, кроме Господа Бога, будет знать, что он убит здесь, среди этих бескрайних гор? Одно лишь седло с оружием стоило того, чтобы решиться на это. А останки быстро растащат канюки, прежде чем кто-нибудь натолкнется на труп.

Ахмет прислонился к седлу, вскипятил воду из фляги, разогрел в ней халаму, съел ее и запил кукурузной похлебкой. Лошадь пощипывала рядом траву. Все было спокойно. Он завернулся в толстую теплую бурку - широкую меховую накидку с квадратными плечами, которая могла сама по себе стоять, как палатка, но дышать внутри нее было нелегко: лицо быстро покрывалось испариной.

Было тихо, лишь иногда раздавалось жутковатое завывание шакала, да скорбное уханье филина. Эти звуки напоминали Ахмету, что он пока жив, что может еще, находясь в этом диком месте, воспринимать окружающий мир, в котором кроме него живут еще много Божьих созданий. В этой тишине он отчетливо слышал хлопанье совиных крыльев где-то у себя над головой, и ему живо припомнился похожий шум полощущегося на ночном ветерке белья, развешанного его сестрой для просушки. Это было там, дома.

Не нужно думать об Афуасе. Не нужно потакать своим прихотям, нельзя допускать, чтобы боль и стыд с новой силой поднимались в груди. Лучшее средство облегчить душу - добиться чего-то выдающегося. Если не среди своего народа, то как-то иначе.

Однако все равно голубые глаза Афуасы не покидали его сознание, витающее между сном и явью. Он вспомнил агонию: лицо у нее вдруг побледнело и откинулось назад. Он швырнул ее на землю, и из чрева стала появляться, пробивая себе дорогу, новая жизнь. Горячая кровь хлынула, заливая ей колени... Афуаса, Афуаса... даже в вое диких собак слышится твое имя.

Для восемнадцатилетнего парня, даже такого, как Ахмет, которого жизнь заставила быстро повзрослеть, эти ночи в горах послужили суровым испытанием духа. Он заснул, но рука его, побелевшая от напряжения, продолжала сжимать рукоять кинжала на поясе.

Лошадь принялась щипать траву у его головы и разбудила еще до восхода. Обильная роса на травах предвещала ясную погоду. Ахмет прочитал утренние молитвы, перекинул бурку через седло, проверил, не отсырел ли порох, забросил заряженное ружье за спину и сел верхом. Он набрался терпения и решил пробираться через чащу, с надеждой отыскать дорогу с другой стороны. Вскоре горные пики снова скрылись из глаз и он подумал, что густой лес должен смениться сейчас более открытой местностью. Где-то совсем рядом послышался шум быстро текущей воды, значит, русло этого потока протекает через скалу и это позволит ему изменить маршрут.

Теперь Ахмет точно знал, что кто-то следит за ним. У него не было многолетнего опыта выслеживания оленей, диких козлов или редких птиц, однако он хорошо различал звуки в мелколесье. Одно негромкое слово - и лошадь перешла на легкий галоп. Ахмет делал вид, что просто хочет погреться, а не бежать. Промчавшись около двух верст, он выскочил через узкий проход из леса и оказался на широком плато, расчищенном когда-то бурной рекой.

Было тихо, но Ахмет не чувствовал себя в безопасности на открытом месте. Он решил быстро пересечь реку и скрыться под сенью деревьев, растущих на другом берегу. Войдя в воду, кобыла тихо заржала, но Ахмет поднял ей голову повыше, чтобы она не пила из ледяного потока: это могло ей повредить. Речка выглядела совсем неглубокой - почему же Кара заартачилась..?

И тут Ахмет увидел его, всадника, одетого как адыг. Как и он сам. Все адыги братья, если только между ними нет кровной вражды. Всадник был ненамного старше его, но с косматой бородой, которая придавала ему свирепый вид, и ружье он держал по-боевому, у седла.

Незнакомец имел полное преимущество перед Ахметом, так как его конь стоял двумя саженьями выше на другом берегу широкого потока, при этом не был мокрым, не храпел и не блестел от пота, как это бывает после быстрой езды. Если это был тот, кто шпионил за ним и шел по пятам, то как, черт побери, он мог оказаться там первым..?

Ахмет успокаивал себя: если ты чужак, то это еще не преступление. Он продолжал переправу с напускным хладнокровием.

- Эй, ты адыг, брат? - спросил всадник. Речь его прозвучала на диалекте, незнакомом Ахмету, не таком чистом, как его собственный, однако главные слова были понятны. Ахмет кивнул утвердительно.

Кабардинец с Кубани. А ты?

Бжедуг. Добро пожаловать.

Мужчина быстро съехал к воде, пустил коня в ритм с Карой.

- Заблудился?

По его пронзительному взгляду Ахмет понял что никто не может проскользнуть в этот раб., 1, избежав проверки.

- Нет, не заблудился. - Чем меньше слов, тем лучше. Правда всплывет сама, как говорил его отец.

Бжедуг поднял ружье вверх. Ахмет немного перевел дух. Насколько ему было известно, никто из кубанской Кабарды не враждовал с этим племенем.

- Я еду на восток, мне нужно добраться до Кабарды, что на Тереке.

Бжедуг махнул рукой: эти края были очень далеко, за много верст отсюда.

Бывал там раньше?

Нет.

- Трудный путь, брат, тебе предстоит. Много дней, много рек. Одна особенно трудна для переправы. Лаба называется. Два дня езды на юг.

- Мне все время на юг., - в словах Ахмета послышалась усталость, хотя и против его воли. Адыги никогда не жалуются. Он постарался придать твердость лицу.

Бжедуг оказался весьма обходительным.

- Моя деревня как раз по пути. Если хочешь, поехали вместе. - Он учтиво притормозил коня, ожидая ответа.

Вот это да! Нашелся проводник, к тому же вовсе не злой! Кровь радостно побежала в жилах у Ахмета, а то он было совсем оцепенел.

Хорошо. Меня зовут Ахмет.

А меня Гази.

Ситуация прояснилась. Два молодых адыга ехали бок о бок в молчаливом согласии.

Все же Ахмет поведал о себе больше, чем думал. Гази исподволь рассматривал его изящно подогнанное седло, богатые серебряные украшения на поясе и уздечке, искусную золотую вышивку по краям кафтана. Сапоги Ахмета были сделаны из мягчайшей черной кожи, а меч и кинжал - наилучшей закалки из всего того оружия, что Гази видел за долгое время. Насколько он мог понять, это были клинки из Дамаска или даже Толедо. На голове у нового знакомого красовалась ладная каракулевая шапка. Гази решил, что Ахмет, по-видимому благородного происхождения. Однако в облике его чувствовался налет какой-то печали. Быть может, он потерял в войне своих близких или его тяготили заботы защиты чести. Для адыга было естественно идти напролом и испытывать свою судьбу, но Ахмет был, пожалуй, еще молод для этого, явно моложе его, Гази. Тем не менее, он один отправился в путь, оставив родной очаг далеко позади.

Мы можем ехать еще два часа, - сказал Гази, - потом остановимся в одном укромном месте, я знаю. Следующий переход надо засветло одолеть, иначе - беда.

Разбойники..? - Ахмет был бы рад услышать о разбойниках, но только не об этих русских наемниках...

Казаки.

У Ахмета сжалось горло. Он затем и отправился на юго-запад, чтобы избежать встречи с казаками. «Зайди в предгорья, прежде чем сворачивать на восток», - советовали старики. Он бежал от своей сестры Афуасы, от их ссоры, от стыда, от воспоминаний о нанесенной ею боли. Однако в эти одинокие ночи среди пустынных предгорий Ахмет понял, что на ссылку его обрекло что-то более страшное и неумолимое.

Эти огромные горы станут его спасением. Его народ, адыги, живущий на равнинах, был стиснут двумя гигантскими силами: одной - физически, другой - политически. К северу простиралась бескрайняя Российская империя, на юге высились неприступные, как крепостные стены, Кавказские горы. Русские всегда доставляли его народу много неприятностей, никак не хотели оставить их в покое. Ахмет надеялся, что в горах и далее к востоку, среди кабардинских племен, он сможет обрести спокойную, мирную жизнь.

Его поселок стоял на левом берегу реки Кубань. Река брала начало высоко в горах, у подножия гигантского Эльбруса, и текла с юга на север прямо, пока наконец, не

сворачивала на запад, к Азовскому морю. Это было все, что знал Ахмет о географии этого района. Остальное он почерпнул из разговоров деревенских стариков. Они рассказывали о тех временах, когда адыги могли обрабатывать плодородные земли и на северном берегу реки, живя в мире и согласии с племенами ногайцев. Это были люди с широкими скулами, горящим взором, пришедшие с востока много поколений назад и жившие там до тех пор, пока русские не решили поприжать их.

С ногайцами было покончено, однако русским не удалось самостоятельно покорить адыгов. Для этого им не хватило опыта и мужества. Един-ственн, кто мог сравниться с племенами адыгов в искусстве верховой езды, мощи и ловкости были черноморские казаки, которые, по иронии судьбы, некогда ненавидели русских не меньше самих адыгов. Теперь же они были поработаны, и их сыновья пали так низко, что служили наемниками у завоевателей. Ахмет твердо верил, что если у человека нет истинных причин брать в руки оружие, то он никогда не одержит настоящей победы. Победа - это дело чести, не имеющее ничего общего с отбиранием у других земли или скота, как это делали казаки.

Адыги были непобедимы. Ахмет знал это, хотя ему было вообще очень мало известно о чем бы то ни было за пределами владений племени ка-барда с Кубани. Он помнил названия некоторых адыгских племен, знал об их славе из песен и легенд. Он слышал, что они многочисленны и неуязвимы в горах. Иногда группы племен отличаются друг от друга столь же сильно, как и от русских. Диалектов адыгского языка было как камней в ручье. Русские говорили, что их речь напоминает хруст гальки в мешке. Глупцы, безбожники, гяуры с плоскими физиономиями! Не могли даже называть их адыгами, и называли по-своему, черкесами. Так проще.

Ахмет понял, что чувство опасности, с которым он жил в последние месяцы, отчасти явилось причиной его ярости, его атак на двоюродного брата и Афуасу. Двоюродный брат был пьяницей, лишенным боевого духа, несмотря на то, что родился уорком, человеком благородного происхождения. Такие люди, как он, ведут свой народ к катастрофе.

На сердце лежала тяжесть. Единственное, что оставалось, это отправиться в земли племени кабарда на реке Терек. Они были далекими родственниками его рода. И там все будет иначе.

Гази начал рассказывать, что здесь, в предгорьях, казаки вовсю творят свое черное дело.

Они появились внезапно, - рассказывал Гази. - Крупный отряд казачьей «кавалерии». Подошли рано утром и окружили на&u деревню. Русский офицер велел нам убираться. Нам пришлось немедленно покинуть жилища.

И вы не подожгли свои дома? Многие так делали...

Не было времени... Многие дрались на саблях врукопашную. Многих ранило. Наши старики решили спасти племя и ушли. Сам все увидишь потом.

Ахмет отметил, что рассказчик не слишком красноречив. Может быть, ему больно касаться подробностей, но вдруг Гази считал его казацким шпионом? В каждом племени были такие, кто смог опуститься до этого. А может быть, это ловушка? Ему хотелось всем сердцем довериться Гази, но опыт, тем не менее заставлял быть настороже.

Тропа сузилась и повела вверх. Речка осталась где-то внизу по правую руку Ахмета. Он глянул вперед и увидел, что дорога превратилась в настоящую ниточку, бегущую по скале. Гази ехал первым, Ахмет следовал за ним на таком расстоянии, чтобы тень спутника не падала туда, куда ступала Кара. Лошадь Гази была характерной горной породы, немного меньше, чем у Ахмета, но с широкой грудью и крепкими ногами. Может быть это все не случайно? Может быть, это проверка Ахмета как наездника, или, скажем Гази хочет, чтобы он сорвался в пропасть?

Ахмет ослабил поводья и позволил лошади брести, как ей хочется. Он мог смело доверить Каре свою жизнь. Он любил коней больше обычного, даже по меркам мужчины из знатного адыгского рода. Этой же кобылой Ахмет дорожил особенно, ибо это был подарок отца.

Казалось, что пути их не будет конца. Тропа извивалась змеей, огибая горные выступы, и Ахмет вдруг понял, что назад без проводника ему не выбраться. Впереди появилась расселина в известняковой породе. Гази с ухмылкой глянул через плечо, его голубые глаза задорно блеснули. «Кобылка у тебя не тяжелая, ей это - пустяк», - прочитал Ахмет в этом взгляде.

Как дикий кот прополз Гази через расселину, Ахмет не мешкая последовал за ним, едва не содрав стремена. Неожиданно они оказались на площадке, окруженной со всех сторон утесами, в самом что ни на есть разбойничьем логове.

Гази спешился и начал собирать хворост для костра. Ахмет привязал лошадей, хотя им и так некуда было уйти с этого высокогорного пятачка. Из сумки, притороченной к седлу, Гази достал ломоть хлеба, кусок твердого сыра, мешочек с жареной кукурузной мукой и, наконец, действительно ценную в пути вещь, которую Ахмет не заметил раньше - замечательную кошму из овечьей шкуры, расстелил ее у огня и пригласил Ахмета отдохнуть.

Наконец, можно и расслабиться. По правилам Хабза, неписаным законам рыцарства у адыгских народов, Ахмет - гость Гази и находится под его защитой. Предложив ему пищу и огонь, Гази как бы подтвердил искренность своего гостеприимства. Ахмет отложил оружие и полностью доверился заботливому хозяину.

Правила приличия не позволяли Ахмету расспрашивать человека, старшего по возрасту. Он смотрел на еду голодными глазами, ожидая, когда Гази приступит к трапезе.

- Надеюсь, этой скромной пищи нам хватит пока, - сказал Гази, указывая на все, разложенное на подстилке. - Потом я силки проверю, может и дичь попадет.

Гази взял маленький ножик и отрезал Ахмету приличный кусок сыра.

Если не возражаешь, мы можем немного изменить план нашей поездки, - продолжал Гази.

А в чем дело?

Старейшины послали меня следить за казаками. Нужно знать их намерения: собираются ли они остаться в нашей деревне на зиму...

Когда это было?

Месяц, всего месяц назад.

Извини, Гази, я думал у меня будут сложности...

Гази пожал плечами: «Нам придется принимать нелегкие решения».

Некоторое время они ели молча. Ахмет знал, когда нужно придержать язык, чтобы дать человеку подумать.

- Я как раз ехал по этому делу, когда встретил тебя, - продолжал Гази. - Я проведу тебя к своим, но, может быть ты хочешь взглянуть сам...

Впервые молодое красивое лицо Ахмета озарила улыбка.

- Никогда не видел вблизи казацкого лагеря. В моей деревне они лишь скот воровали, устраивали ночные налеты.

- Тогда, значит, так: выходим до рассвета. Время пролетело быстро. Ахмет отправился

собирать топливо для ночного костра, а Гази пошел проверить силки, расставленные им здесь накануне. Ахмет проверил лошадей, и, сотворив вечерний намаз, мужчины приступили к долгожданному пиршеству из жареной дичи и мягкой халамы.

- Такое угощение скудно для гостя бжеду-га. У нас в лагере мои родственники исправят этот промах. - Гази говорил с большим чувством и оттого понравился Ахмету еще больше.

Ахмет улыбнулся, сдвинул шапку на затылок, покрепче ухватил пальцами мясистую птичью ножку и подсел поближе к огню.

И тут только Гази заметил рану на лбу Ахмета. Она была едва перевязана, и кровь на повязке еще не просохла. Глубокий след от удара, нанесенного не более недели назад. Неудивительно, что парень так измучен. Такой удар по голове можно получить только в

ближнем бою... И после этого он один отправился в столь дальний путь с Кубани. Что его гнало: чувство вины или ярости? Что он за человек, Ахмет?

Гази хотелось узнать о своем спутнике побольше, однако сам Ахмет, расслабившись от тепла, непривычно хорошей пищи и ощущения безопасности, был не слишком-то разговорчив. Кроме того, Гази считал неприличным приставать к гостю с расспросами.

Чудесно! Давненько я так не наедался! Спасибо, Гази, это был царский ужин. - Ахмет откинулся назад, на юном лице его была заметна усталость. Ему хотелось извиниться и отправиться на покой, но он промолчал: пусть хозяин объявит это сам.

Ахмет, со мной ты можешь чувствовать себя как дома, - просто сказал Гази. Он заметил, как Ахмет вздохнул облегченно * уютно завернулся в бурку и мгновенно заснул. Гази догадывался, что дома у Ахмета разыгралась какая-то трагедия. Он, по-видимому, не был шпионом, грабителем или убийцей. Вел себя скромно, набожно читал молитвы и заснул слишком быстро и безмятежно для человека, на совести которого чья-то кровь...

Ночь, как короткая передышка, пролетела для Ахмета быстро, без сновидений и тревог. Когда Гази разбудил его, тронув за плечо, юноша удивился, что не помнит, как заснул вчера, и пожалел, что сам не проснулся раньше. Вставать не хотелось, но Ахмет не подал и вида.

Спускаться с горы верхом непросто: тропа усыпана опасными острыми камнями, которые могут легко покалечить животное. Всадники умело держались в седле и благополучно преодолели путь. Солнце едва показалось, когда они достигли утеса, откуда удобнее всего было наблюдать за деревней, где жил Гази.

Внизу уже всюду шло строительство казачьей станицы. Даже на расстоянии чувствовалось, с каким азартом ведутся там работы. В застывшем утреннем воздухе раздавался устрашающий звон наковален, вереницы ухоженных лошадей получали свой утренний корм. Солдаты в облегающих мундирах, мешковатых черных штанах, тяжелых сапогах и каракулевых шапках сновали между палатками с боеприпасами, чистили ружья, точили сабли. Было невыносимо слышать их самоуверенный смех. Под неумолчный стук топоров плотники споро ставили частокол. Специальные отряды рубщиков возили на подводах из леса целые горы колючего жесткого кустарника для укрепления внешних стен лагеря. Ссылные поляки, раздетые до пояса, как кроты копали землю.

Как мы и думали, - мрачно проговорил Гази. - Посмотри на эти укрепления. Сволочи...

Они здесь надолго, - сказал Ахмет, рассматривая многочисленные траншеи, проложенные вокруг укреплений.

Они построят укрепленный лагерь, выроют ров, чтобы сбросить туда нас, потом срубят деревья и соорудят высокую стену по внутреннему периметру.

Там, самое малое, человек двести, - заметил Ахмет.

Два отряда, каждый по шестьдесят человек, два хорунжих и есаул. Посчитай повозки - и получится.

Как же тебе удалось столько узнать? - Ахмет был потрясен осведомленностью Гази.

Мы боремся с ними гораздо дольше, чем ты думаешь!

Вон там большие пушки.

Я вижу.

Давай-ка поближе подберемся.

Друг перед другом Гази и Ахмет всюду делали вид, что озабочены лишь тем, чтобы произвести удачную разведку. Однако каждого из них по разным причинам тянуло к этой станице - не просто посмотреть, но и учинить какую-нибудь дерзость. Был ли это зов адыгской крови или просто безрассудство молодости? Юноши медленно спустились с утеса и, прячась в кустах, начали все ближе и ближе подбираться к лагерю до тех пор, пока это было возможно. Затем они проскочили открытое место и укрылись в дубовой роще.

Что-то пискнуло у левого уха Ахмета, прогремел выстрел. Ему еще никогда не доводилось быть под огнем так близко и он удивился, что от такой-маленькой пули так много шума.

Гази круто осадил коня - впереди между деревьями было полно казаков, вооруженных всадников, которые направлялись прямо к ним. В едином порыве Ахмет и Гази гтзвернули лошадей и понеслись в горы, казаки бросились в погоню. Еще несколько пуль просвистели около Ахмета, но он не ощутил их смертоносного полета, а думал о том, как лучше отделиться от Гази, отвлечь на себя половину огня и, тем самым увеличить шансы спастись. Пятеро казаков из преследователей притормозили лошадей и стали в нерешительности крутиться на месте.

Пару верст Ахмет и Гази мчались что было сил. Пульс V Ахмета бился так же неистово, как у Кары. У Гази тоже хорошая лошадь, но он был более опытным наездником. Может, от страха, а, может, в азарте Ахмет издал боевой кубанский клич и начал подскакивать в седле, отклоняясь то вправо, то влево. Затем он припал к шее лошади и оглянулся. Казаки отставали. Ахмет выпрямился и нырнул за угол вслед за Гази, скакавшим галопом, вжавшись в седло. Он направлялся к ущелью. Кара набирала скорость, уверенно следуя за знакомым всадником, с которым они провели весь вчерашний день. Ахмет слышал, как последние пули еще летели им вдогонку, но уже не звенели у самой головы.

Ахмет догнал Гази, и они остановились, окутанные облаком пыли. Лошади тяжело дышали, всадники напряженно вслушивались, пытаясь уловить звуки погони.

- Оторвались от них, - сказал Ахмет, переводя ДУХ.

Гази едва кивнул и показал головой в сторону ущелья:

- Туда.

Он, слава богу, знал эти места, как свои пять пальцев. Они еще немного проехали вверх по ущелью, чтобы убедиться, что преследователи отстали, затем остановились.

Лошади вспотели и нервно подергивали мускулами. Гази стал оправлять упряжь, и Ахмет заметил, как лицо его скривилось от боли. Гази был ранен - кровь сочилась через кафтан под правой лопаткой, руку он старался не напрягать.

- Давай двигаться дальше, - с усилием проговорил Гази. Стиснув зубы, Гази ехал еще некоторое время, пока мог терпеть боль. Лицо его покрылось испариной.

Теперь мы в безопасности. Стой. Дай-ка помогу тебе сойти. - Ахмет был настойчив. Он наклонился, забрал уздечку из рук товарища. Гази молча, с трудом перекинул ногу через седло и соскользнул на землю.

Сиди тихо, я посмотрю, может смогу остановить кровь, - сказал Ахмет. Он не стал предупреждать Гази, что будет больно - это и так ясно. Гази, согнувшись, опустился на валун, и развязал пояс, остальное предоставил делать Ахмету. Ахмет осторожно стянул с него черный кафтан.

Пуля вошла Гази под лопатку. Если бы на полвершка ниже - то прямо в легкие. Сейчас Ахмет не мог извлечь ее, впереди предстоял трудный путь верхом. С открытой раной Гази потеряет еще больше крови и ослабеет. Единственное, чем мог помочь ему Ахмет - это забинтовать рану как можно' туже, чтобы остановить кровь. Оглядевшись, он заметил мох на стволе дерева, отковырнул его своим кинжалом, достал из сумки кусок ткани и разрезал его на широкие полосы. Мох Ахмет приложил к ране и крепко обмотал плечо Гази.

- Моя мать делала так, да упокоит Господь душу ее.

А твой отец..?

Тоже умер.

Гази нагнул голову в знак почтения к умершим. Его глаза на секунду закрылись, кружилась голова.

- Ты уж извини, - прошептал он побелевшими губами. - Я тебе только забот добавил. Отсюда я смогу добраться домой, _а тебе нужно ехать туда.

- Гази поморщился, указывая на тропу. - Я тебя здорово задержал.

- Глупости. Я не оставлю тебя, мне некуда спешить, и, все-таки было действительно здорово, если не считать этого...

Ахмет улыбнулся одобряюще и помог Гази подняться.

Опирайся мне на плечо. - Он подставил руки, чтобы Гази мог стать на них и сесть в седло. Тот сделал это довольно легко. Ахмет радовался, что его спутник такой стойкий и ловкий.

Слушай, со мной все в порядке. Не беспокойся. Я вправду могу добраться сам, - борода Гази сердито зашевелилась. Но Ахмет хорошо знал, как преодолеть смущение сильного, уверенного в себе человека, ставшего вдруг беспомощным.

Но ты же обещал мне гостеприимство бже-дугов... Или забыл?

О, горе мне, нерадивому! Моя семья никогда мне не простит! Тогда давай убираться отсюда, пока эти гяуры казаки не бросились в погоню. Едем прямо на юг.

Ахмет и Гази тронулись в путь. Бжедуг ехал впереди, ничуть не сбавляя скорости, ход был устойчивым, твердым. Однако лошадь Гази почувствовала, что седок ослаб и отстала на полшага от Кары.

- Эти казаки, - нерешительно проговорил Ахмет, - мне кажется, не собираются уходить из твоей деревни до этой зимы...

- Или до любой другой, - тихо ответил Гази.

* * * * *

Варвара Ивановна Прозоровская, особа, известная всем как супруга Александра Суворова, была чрезвычайно довольна собой. Над городом висел душный вечер, но прием удался: все влиятельные лица смогли явиться. Сидя в гостиной особняка Голицыных в Санкт-Петербурге, она обмахивала веером свой необъятный бюст, взирала на сливки военного общества и благодарила судьбу за то, что муж все же не дал ей развода. Суворов как раз что-то обсуждал с ее отцом в своей обычной манере - нудно и с кислой миной. Бедняга, даже военный мундир не мог скрыть его физических недостатков: тщедушного тела, редких всклокоченных волос и тощих конечностей. Да, внешне он явно проигрывал своему троюродному брату Николаю Суворову, ее бывшему любовнику. Они познакомились в пору, когда Александр служил в Крыму. Какие же они были разные! Узнав об этом романе, Александр устроил ужасный скандал, и лишь благодаря усилиям ее родных - Варвара Ивановна происходила, между прочим, из знатного рода Голицыных и ее отцом был князь Иван Прозоровский - супруги помирились. Поначалу Варвара нехотя осталась с Александром, однако теперь, когда муж удостоился великой чести - был награжден орденом Святого Владимира, она стала подумывать, что ее «жертва», пожалуй, была не напрасной.

Варвара Ивановна знала, что о ней шепчут сплетники и, будучи женщиной не слишком умной, даже находила это весьма лестным. Муж, с другой стороны, всегда напоминал ей старую высохшую клюшку. Суворов и сам сознавал свою непривлекательность и, вплоть до женитьбы, устроенной родственниками Варвары Ивановны, вообще не осмеливался близко подходить к женщинам, не говоря уж об ухаживаниях. Когда их обвенчали, ему было уже за сорок, и до этого дня он жил в армейской казарме. Варвара запомнила ужас, охвативший ее, когда она застала мужа в конюшне за чисткой ружья, которое он нежно называл «моя женушка»...

Обходя гостиную, Варвара Ивановна услышала, как «большой медведь» генерал Потемкин осыпает мужа поздравлениями, и гордость охватила ее. Александр стоял перед Потемкиным в молчаливом почтении, и единственной приметой того, что он был действительно доволен, служила его несносная манера вытягивать шею, что делало его похожим на любопытную черепаху.

- Должен Вам доложить, дорогой мой Александр Васильевич, что никогда не сомневался в Ваших способностях разбить, наконец, Ногай навсегда. Кампания прошла превосходно, и Святой Владимир на Вашей груди как нельзя более кстати...

Послышались смешки. И впрямь картина была забавной: перед гигантом Потемкиным стоял маленький со впалой грудью Суворов, и его макушка едва доставала до золотых эполетов собеседника. Варвара Ивановна знала, что болтают, будто Суворову удалось разбить ногайцев в отчаянной попытке вернуть себе и былую военную славу, и положение в свете, подпорченное неудачной женитьбой. Интуитивно она чувствовала, что в Военной Коллегии Александра простили, и это снимало камень с ее души.

Варвара Ивановна понимала, что при своей невыгодной внешности Александр всегда действовал умно. Он низко нагнулся к руке Потемкина и церемонно произнес:

- Это не моя заслуга, Ваша Светлость. Но я благодарю Вас за милость.

Потемкин явно забыл то время, когда Суворов изнывал от безделья при дворе императрицы и настойчиво ловил Светлейшего за обшлаг, умоляя дать ему какое-нибудь стоящее дело... Если Потемкин не сомневался в таланте Суворова, то как он мог допустить, чтобы тот, будучи в звании генерал-лейтенанта пятнадцать лет растратил впустую.

- Ну, это разумеется, - ответил Потемкин, важно кланяясь генералу Иловайскому (что само по себе было редкостью для этого могущественного человека). - Без таких людей, как Иловайский, никакому командующему виктории не видать.

Он помолчал, пока в бокал ему подливали шампанского.

- Впрочем, этот прием в Вашу честь, друг мой... так что давайте выпьем за здоровье нашего победоносного генерала...

К несчастью, именно в самый торжественный момент на Суворова напал приступ кашля. Увы, он был не только тщедушным, но и хворым, а только офицеры, но и все общество не могли не восхищаться фанатичной преданностью Суворова армии. Было общепризнанно, что он - блестящий стратег, прекрасный разведчик, сохраняющий отвагу в самом пекле битвы и хладнокровие как перед лицом врага, так и в обращении с ним.

Награда за разгром ногайцев была по праву получена им. В 1782 году Суворов повел Армию Потемкина. Его основной задачей было усмирение племен на территории к северу от реки Кубань. Среди прочих народностей там проживали и ногайцы, которых разные источники рисовали то веселыми людьми с горящим взором, то пассивными и угрюмыми. Они, без сомнения, являли собой остатки Татарской Орды, некогда правившей этим краем. Но теперь это уже не имело особого значения: они находились на землях, которые понадобились русским.

Суворов славно накормил и напоил шесть тысяч ногайцев, ведя с ними переговоры, наговорив им много лестного и выглядя при этом честным человеком. Никто бы не сказал, что Суворов человек нечестный. Его самолюбие было столь невелико, что он никогда не выражал официально неудовольствия, если люди менее достойные, но более знатные продвигались по службе, обходя его. Он молчал, однако такое положение, возможно, питало его раздражительность, его вспыльчивость... Когда в августе того самого года от семи до десяти тысяч ногайцев противостояли его армии, Суворов оказался на высоте. Он разбил неприятеля, уничтожил три тысячи лошадей, сорок тысяч голов рогатого скота и двадцать тысяч овец. В ходе второй битвы он преследовал ногайцев у реки Лабы, там, где она сливается с Кубанью, и отдавал неумолимые приказы о казни беглецов. Суворов гнал ногайцев десять верст вдоль берегов Лабы, а когда остановился, оказалось, что одно из ногайских племен - джембулюки - полностью истреблено.

Суворов вспоминал о своей победе без особого удовольствия. Он наблюдал, как его жена порхает между генералами, но не пожелал улыбнуться ей. В памяти остались лишь те безрадостные годы, проведенные в Крыму и Астрахани, когда она доводила его до исступления своими капризами и придирками. Запомнились дурацкая болтовня младших офицеров, особенно молодого полковника Пьери, франтоватого маленького человека из

Астраханского гарнизона, который тонко сумел дать понять, что он изумлен тем, что человек, написавший «Суздальское учреждение», это замечательное обширное руководство по премудростям военной подготовки и боевого искусства, вынужден столько лет прозябать на полузанесенных песками западных и восточных окраинах империи Ее Величества. Назначение командовать Кубанской армией было только началом...

Суворов знал, что у Потемкина большие планы в отношении Кавказа и что ему нужен человек, который смог бы блестяще их осуществить. Это будет он, Суворов. Амбиции Потемкина были столь велики, что он готов был предпочесть модным столичным генералам того, кого открыто игнорировали как лицо мало привлекательное и «нежелательное», иными словами человека, не имеющего достаточного влияния и не достойного благоволения власть предержащих. Предки Суворова не отличались знатностью. Свое первое офицерское звание он получил в 24 года, в этом возрасте его родовитые сверстники становились полковниками. Польские кампании 1770-х годов принесли ему орден Святой Анны, долгожданный орден Святого Георгия и красную ленту Александра Невского. Он отличился в турецких кампаниях под командованием генерала Каменского, подавлял восстание под предводительством Емельяна Пугачева. Потемкин не сомневался, что Суворов - офицер дисциплинированный, старательный и очень неравнодушный к карьере. Проблема состояла лишь в том, что русская армия не знала, как отнестись к человеку, главные заботы которого были посвящены самой этой армии, а не собственной карьере.

Эта проблема была для Суворова основной. Сталкиваясь с ней, он просто не верил, что его держава, его Императрица не воздадут ему должное. Он считал, что все это лишь дело времени и упорного труда. Правда, подчас, в период болезни или депрессии, Суворову приходило в голову, что, возможно, он был слишком наивен.

- Теперь, когда кампания позади, - произнес Суворов, заводя разговор о военных делах, как всегда, в самый неподходящий момент (светская беседа ему не удавалась), - Вы можете приступить к осуществлению планов по переселению, которые мы обсуждали. Вы думали об этом, Ваша Светлость?

Потемкина забавляла та церемонная манера обращения. Он решил подыграть Суворову.

- Да, разумеется, думал, - ответил он, утрируя серьезный тон собеседника. - Я начну с превращения Екатеринодара в славный, процветающий городок.

Суворов видел этот проект. Этот «городок» или поселение было центром казачьих сил на Кубани. Именно там собиралась новая рать казаков и беглых людишек, многие из которых являли собой остатки воинских частей Запорожской Сечи, насильно расформированных по приказу Екатерины, опасавшейся слишком крупных, неконтролируемых формирований на окраинах империи.

Кзаки, люди разбойничьей закваски, легкие на подъем, две сотни лет жили вольно, не присягая никакой власти, оседали в степях, на свободных землях, куда не заезжали отряды соседних правителей. Это были потомки русских и других славян, спасавшихся от притеснений, беглых крестьян и солдат, стекавшихся отовсюду в это вольное братство. Десятки тысяч казаков были разбросаны по всей Российской империи: на Волге, Днепре, Урале. Однако самыми отчаянными из этих «обитателей дикой степи» были запорожцы. Потемкин лично возглавлял штурм одного из тайных укреплений запорожцев к западу от днепровских порогов. Теперь, Но иронии судьбы, побежденные стекались под знамена бывшего противника, соединялись со сговорчивыми гребенскими казаками на востоке на реке Терек и образовывали, таким образом, сильную наемную армию, готовую выполнить любой приказ русского командования. Кзаки были прекрасными бойцами, и Суворов знал, что сможет их использовать наилучшим образом.

Екатеринодар был тогда небольшим поселком, состоящим из глинобитных лачуг. Суворов тяжело вздохнул, представив, что скажет Варвара, если ей придется туда переехать и получить в соседи казаков с их свиньями и хатами...

Генерал Иловайский включился в беседу, заметив, что Суворов замкнулся и умолк.

- Полагаю, что генерал имеет в виду Ваши прежние планы переселить на присоединенные территории немецкие общины, Ваша Светлость, - сказал он.

Потемкин повелительно махнул рукой. Власть его была огромна. Он владел 37 тысячами душ, несметными драгоценностями, дворцами, многочисленными домами и поместьями. Иловайский, как и многие русские генералы и вельможи, был убежден, что князь Григорий Александрович, генерал Потемкин, был тайно женат на императрице Екатерине II. Его могущество уступало лишь ее собственному.

- Да, - ответил Потемкин, - я уже послал курьера с депешей по этому делу. Эти немцы почтенный, трудолюбивый народ. Они научат местных жителей земледелию и тонким ремеслам. Они, в конце концов, - станут изготавливать добрые вина!

Потемкин поднял бокал, и все, находившиеся в зале, выпили вместе с ним. Нарисованная им мирная сельская идиллия плохо сочеталась с суровыми и безлюдными горами Кавказа, однако никто из присутствующих не посмел возразить Светлейшему.

К беседе присоединился генерал, много лет прослуживший в горах и знавший эту местность превосходно, в отличие от большинства тех, кто толпился в гостиной. Коренастый, с приятной внешностью, умной - таков был генерал-бригадир Комаров. Он был на несколько лет моложе Суворова, но старше богатыря Потемкина: последнему еще не исполнилось сорока...

Ныне мы владеем плодородными степями Ставрополя и всем, что лежит к северу от Кубани. Земля там тучная, ей нужен лишь добрый плуг... Это чудный край, господа ...

Вот речи знающего человека, - прогремел Потемкин, - но сие не совсем справедливо... Мы еще не всем владеем, но придет время и все будет наше. Эти изобильные равнины накормят наши будущие армии. Я уже подал прошение о переселении государственных крестьян из внутренней России на эти земли, чтобы был пахарь тому плугу, что ты, Комаров, поминал. Я сделаю эту землю настоящей страной переселенцев.

Раздались хлопки множества затянутых в перчатки рук - план вызвал восторг. Впрочем, никто из присутствующих дам не горел желанием увидеть этот самый Кавказ. Никто кроме одной -жены генерала Комарова графини Софьи. Высокая и молчаливая, она не привыкла к подобострастным манерам армейских офицеров, и ей не терпелось вернуться с мужем в расположение войск, даже раньше, чем закончится его отпуск. Если бы только она могла высказать свое мнение!

Переселенцы!.. - пробормотал Суворов. - Это был бы путь ...единственный путь овладеть этими богатыми землями и удерживать их в распоряжении Ее Величества.

Именно, Суворов. Именно это я и сам высказал Ее Императорскому-Величеству, друг мой.

Потемкину уже надоело весь вечер быть столь любезным. Суворов, этот немощный аскет, выглядел здоровым ровно настолько, насколько это было в его силах: румянец слегка проступал на его щеках, но это был еще не жар. Итак, довольно. Потемкин повернулся вполборота: все дамы Санкт-Петербурга были в его распоряжении. Но его взгляд упал именно на графиню Софью, супругу Комарова. Высокая, статная, с красивыми плечами и гордым лицом. Он отдал ей должное. Эта женщина явно умна, чего не скажешь о Варваре Суворовой.

- Хватит о войнах и баталиях... вы, мужчины, весь вечер не танцуете, - произнесла графиня Софья и повела Потемкина, победно раздвигая тесные ряды дам, как Суворов расчищал себе путь к берегам Кубани.

Музыканты заиграли бойкую мелодию и генерал Потемкин с графиней начали самозабвенно танцевать. Они выглядели жизнерадостной, беспечной парой, соединенной,

казалось общим плотским стремлением. Танец вызвал краску на щеках дамы, и ее супруг поглядывал на жену с одобрительной улыбкой. Суворов же удалился в библиотеку, чтобы в тишине поразмыслить о Кавказе.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Пути в лагерь бжедугов выдался долгим и трудным. Сначала всадники продвигались довольно быстро, но Ахмет внимательно следил за Гази и не пропустил тот момент, когда рука у того одеревенела и лицо приняло серый, мертвенный цвет. Пуля, засевавшая под лопаткой, должно быть, вызывала острую боль при каждом неверном движении и тряске на неровной дороге.

Поехали потише, - предложил Ахмет, - или, может быть, сделаем привал?

Нет. Я не хочу здесь до ночи замешкаться. Казаки еще слишком близко. Нам бы через следующий хребет перевалить, а там дорога до самого дома уже под гору идет.

Гази собрал волю в кулак и не замедлял ход коня, пока боль не парализовала все его тело. Он почувствовал, что от тряски пуля в его спине сместилась, усилив его мучения. К тому моменту, когда они достигли вершины подъема, после чего дорога спускалась вниз к лощине, Гази не чувствовал всей правой стороны тела.

Они заехали глубже в предгорья Кавказа, и Ахмету показалось, что это первая линия оборонительных стен, и что они проникли внутрь какой-то гигантской крепости, созданной самой природой. Там не было зеленых лощин, внезапно открывающихся взору, нигде не видно пастушьих хижин, уютно примостившихся на лесистых склонах. Все было призрачно и неподвижно. Не менее двух часов Ахмет и Гази перебирались через глубокое ущелье, покрытое каменистой осыпью, окаймленное с обеих сторон неприступными мрачными скалами, и лишь разбросанные кое-где зеленые пятна лишайника скрашивали картину. Неподкованные лошади с трудом передвигались по острым камням. Ахмету очень не понравилось здесь, где нет ни зелени, ни солнечных лучей.

Однообразные, угрюмые нагромождения монотонных глыб делали это ущелье похожим на каземат. Глазу не на чем было отдохнуть. Место, действительно было очень мрачным.

Ахмет вспомнил, как вчера он с детским безрассудством во все горло кричал меж скал, однако постепенно его сознание начало воспринимать эти горы, приспособившись к естественным законам бытия, по которым здесь жили люди. Взять, к примеру, звуки. Когда ты в ущелье скрываешься от врага, каждый звук для тебя трижды важен. Ахмет различал журчание слабых ручейков, сбегающих по отдаленным скалам, которые он даже не мог разглядеть. Дальний водопад говорил с ним на два голоса: первый был ревушим грохотом, а второй - скрытым звонким криком. Когда измученный Гази тайком тяжело вздохнул, этот вздох наполнил ущелье, как громкий стон.

Дыхание самого Ахмета превращалось в белое облачко. Воздух стал вдруг ледяным, как будто их заперли в забытом людьми подземелье. Он продрог до костей и чувствовал, что тело его начало остывать.

Все в этих горах воспринималось преувеличенно, и Ахмет теперь понял, почему в сказках его бабушки о предках адыгов речь всегда шла о гигантах, которые были первыми обитателями кавказских гор. Они и должны были быть гигантами, чтобы выжить в этих условиях. Нарты... Ему всегда очень нравилась легенда, в которой самый великий герой Сосруко принес огонь нартам. Чтобы отвлечься, Ахмет стал вспоминать голос своей бабушки, звучавший где-то там, у тихой Кубани.

«Сосруко был темным и в глазах его пылал огонь. Воины-нарты замерзали в горах, и он явился перед ними, и они умоляли его дать им тепло. «У меня всегда есть огонь», -

сказал он и зажег самую большую жаровню от искры, выскочившей у него из глаза. Воины бросились к теплу все сразу, отталкивая друг друга, что было непохоже на адыгов. Сосруко рассердился и бросил жаровню в реку. Нарты умоляли его вновь дать им огонь, но тот поклялся, что в нем уже не осталось пламени. И он вскочил на своего коня Тхо-жея и поскакал на гору Харам и повсюду искал хоть искру огня. Там он нашел великана, который спал в башне, свернувшись у костра. Сосруко украл у него огонь и вскочил на лошадь, ноги которой были ловки и сильны, как у барса. Великан проснулся и бросился в погоню. Он догнал его и была большая битва, и Сосруко, в конце концов, победил. Когда он вернулся к нартам, то половина их уже умерли от холода. Сосруко зажег жаровню, чтобы обогреть тех немногих, кто остался...»

Ахмет так глубоко задумался, что не заметил, как Гази остановился и сделал большой глоток из своей кожаной цЪляги с водой. Затем предложил Ахмету. Пальцы у него дрожали. Ахмет отрицательно покачал головой. Его тревожило то, что Гази много пьет: адыгских воинов всегда приучали потреблять очень мало жидкости во время - похода. Жажда мучила раненого из-за потери крови, организм сам пытался восстановить силы, чтобы выдержать новый переход. Ущелье перешло в бесплодную равнину, покрытую галькой и островками соли, будто русло высохшей реки. Это был след, оставленный древним ледником.

- Слезай, Гази, - приказал Ахмет, - я тебе повязку сменю.

Ахмет снял као^уган с Гази, но не стал разматывать старую полоску ткани: было слишком холодно. С тревогой он заметил, что кафтан у его спутника пропитался свежей кровью. Не говоря ни слова, он наложил новую повязку поверх старой.

Гази было трудно разговаривать.

- Спасибо, брат. Теперь мы должны двигаться быстро. Осталось не так уж много. Поезжай следом.

Гази вновь сел на лошадь и быстро тронулся с места. Ахмет вскочил в седло и последовал за ним след в след. Он очень тревожился, опасаясь, что здесь им могут встретиться казачьи патрули.

Он не мог понять, как Гази сумел преодолеть эту равнину. Он и его лошадь были поразительно выносливы. Для Ахмета яга поездка была самым трудным испытанием в жизни и потребовала от него всех сил и опыта. Гази ехал в немыслимом темпе: камни вылетали из-под копыт его лошади и пугали Кару. Дорога была испещрена мелкими коварными выбоинами.

С последними лучами солнца друзья поднялись на крутую гору на окраине долины. Половину пути вверх Гази проделывал какие-то сложные маневры на каменных россыпях и, наконец, вывел Ахмет на невесть откуда взявшийся горный луг длиной с версту и с полверсты шириной. Ахмету было приятно увидеть вновь широкое пространство, покрытое зеленью. Идеальное место для временного лагеря. Если разведчикам неприятеля доведется проезжать по основной дороге внизу, они ни за что не догадаются о существовании этого укромного уголка.

Как только Ахмет и Гази выехали на открытое место, недалеко появилась группа всадников, приближающихся к ним на полном галопе. Это был встречающий отряд, состоящий из молодых людей, и так было заведено в каждом адыгском селении. Молодые мужчины окружили их со всех сторон, они были взволнованы.

Гази! Наконец-то..!

Где ты был? Почему задержался?

А это кто? Адыг?

Ну давай, поехали скорее!

Глядя на этих оживленных парней, Ахмет вдруг почувствовал себя как дома, хотя они разговаривали на незнакомом ему диалекте, и на глазах у него навернулись слезы то ли от радости, то ли от холодного ветра. Всадники осадил своих коней на волосок от ноздрей их с Гази лошадей -признак мастерской верховой езды, свойственной всем

адыгам - Парни подняли ружья вверх и устремились обратно в поселок, чтобы известить старших о том, что Гази благополучно вернулся и привез с собой незнакомца.

У Гази уже не было сил прищпорить лошадь, по та прекрасно знала дорогу и, как ветер, сорвалась с места. Ахм»т не мог различить каких-либо признаков лагеря. Усталость одолевала его. Этот последний переход был просто невыносим. Он ехал по пятам за Гази. Они поднялись на холм, затем спустились вниз, миновали рошу, и вдруг оказались на месте.

Было удивительно, что здесь, среди гор, воздух был теплым и лишь легкий ветерок чувствовался в сгущающихся сумерках. Старейшины собрались в центре лагеря, чтобы выслушать рассказ Гази. Гази соскользнул с лошади, крепко держась за повод, чтобы не упасть: ноги подкашивались от слабости.

Всем было ясно, что он ранен, но по правилам чести Гази хотелось до конца выполнить свою задачу, а уж потом заняться раной. Он надел черную бурку.

- Ассалам алейкум, - произнес он без дрожи в голосе. - Мой спутник - Ахмет из кубанских кабардинцев.

Старейшины хором ответили на приветствие. Ахмет склонил голову в знак уважения, и его представили каждому из присутствующих по очереди. Один из старейшин, имам, сельский священник, крепко сжал ему руку. Старик и без объяснений понял, что Гази многим обязан своему молодому спутнику.

- Добро пожаловать, брат, - сказал он низким и звучным голосом. Он напомнил Ахмету его дядю, который в своем клане имел титул пши, и комок подкатил к горлу. Возраст этого человека был таким же - около семидесяти. Однако у имама была большая борода, а дядя Ахмета гладко брился Гази положил руку Ахмету на плечо - в знак как уважения, так и поддержки..

- Наши дороги пересеклись... Мы ехали вместе, а после того, как я был ранен, он помог мне и настоял на том, чтобы проводить до самого дома.

Имам пристально посмотрел на Ахмета. Как и Гази, он понял, что Ахмет из знатного рода, что он уорк. Однако, опыт, накопленный за долгие годы, позволил ему узнать о госте гораздо больше. В манерах Ахмета было глубокое уважение к старшим, в том числе и к нему, имаму. Каждый раз, когда их глаза встречались, на черты юноши ложилась тень скрытой печали, его честное лицо говорило о прямой и доверчивой натуре. Совсем недавно он, видимо, потерял руку, направлявшую его всю жизнь, и теперь устремился на поиски собственной независимости, а путь этот не усыпан розами. Однако уже теперь, придя на помощь раненному незнакомцу, он показал себя смелым, благородным и хорошо обученным военному ремеслу.

- Мы особенно рады приветствовать тебя, Ахмет с Кубани, - сказал имам ласково, затем повернулся к Гази, - а тебе нужна помощь.

- Чуть позже. У меня плохие новости...

. Имам поднял руку, останавливая Гази. Вокруг собралась небольшая толпа любопытных, желающих посмотреть на Ахмета узнать новости о своей деревне, однако было бы неразумно сейчас сеять тревогу.

Имам и другие старейшины вывели Ахмета и Гази из кольца возбужденных людей. Юноши-бжедуги стали разводиться коней, над которыми клубился пар.

За время короткого пути до жилища имама Ахмет успел рассмотреть лагерь бжедугов. Его удивило то, с какой скоростью и мастерством это племя отстроило себе новый лагерь, несмотря на ущерб, нанесенный казаками. Лагерь был разбит по кругу, что важно для обороны. В случае нападения в центр его помещались женщины, дети и животные. Половина семей жили в больших квадратных палатках с навесами над входом и ковриками снаружи. Ахмет заметил также несколько ковров ручной работы, украшавших жилища внутри. На циновках, устилающих пол, лежали простые подушки. Кроме этого в палатках ничего не было. Между палатками были уже возведены более прочные жилища из веток и глины. В каждом из них имелась большая комната с

переносным очагом, где горел открытый огонь, а также небольшое помещение, где можно было сидеть или лежать. Семейные постройки имели отдельные половины для женщин и для слуг, были также небольшие загон для скота и птицы. Все строения отделяли друг от друга аккуратные переносные изгороди. По краям поселка женщины уже возделали землю и разбили грядки, покрытые до обидного маленькими еще всходами овощей и кукурузы.

Ахмет видел, что бжедуги сделали все возможное для обеспечения своей безопасности, но если нападёт сильный многочисленный враг, люди сумеют за считанные минуты собрать скарб и уйти с этого места, увозя на спинах животных все, что можно увести. Все оставшееся будет предано огню, чтобы не досталось казакам.

Имам и другие старейшины удобно расселись на подушках, расположенных полукругом в доме имама, об этом позаботились слуги. По традиции на совете старейшин не могли присутствовать более молодые мужчины. Таким образом, старшие могли свободно и покойно обсуждать важнейшие дела и выносить мудрые решения. Гази коротко и четко рассказал обо всем, что делали казаки в их родной деревне. Под конец он поведал об их с Ахметом стычке с патрульными и о том, как его ранили.

- У Ахмета лошадка шустрее, - сказал Гази, пытаясь улыбнуться, - или он просто удачливее... Старейшины переглянулись. Ахмет расправил плечи, с ордостью сознавая, что отец одобрил бы его поступок.

Имам повернулся к нему:

Можешь оставаться здесь и делить с нами пищу сколько пожелаешь... Жаль только, что сейчас, мы рассеяны и бездомны. Там, у себя дома, мы смогли бы оказать тебе более достойный прием, как это предписано нашими Хабза.

Спасибо, Тхамада, - ответил Лхм(гг, придерживаясь традиционно вежливой манеры разговора со старшими. - я был бы рад остаться здесь, но не могу полироваться вашим гостеприимством в такие нелегкие времена. Я предпочел бы продолжить свой путь на восток, как только ты позволишь мне это сделать.

Имам сделал повелительный жест.

- Не может быть и речи о том, чтобы ехать сейчас. Поживи у нас несколько дней, тебе нужно как следует отдохнуть.

Имам повернулся к молодому помощнику, стоявшему у него за спиной:

- Аслан, пойди скажи женщинам, что у нас дорогой гость. Зарежь барана и приготовь ужин. Пусть двое, пожалуй, здорово наголодались за последние дни.

Затем он повернулся к Гази с выражением отеческой заботы на лице:

- Гази, теперь пора заняться раной. Я рад, что ты выполнил задание, жаль только, что сам пострадал при этом.

Товарищи помогли Гази подняться на ноги и он вышел из палатки, слегка пошатываясь.

Ахмета поразили манера поведения бжедугов и их запоминающаяся внешность: светлокочие, с орлиными носами и красивым разрезом голубых глаз, взгляд которых проникал насквозь.

Он вежливо подождал, когда имам заговорит вновь.

- Ну вот. Ты видел то же, что видел Гази. Скажи, а как ты все это оцениваешь? Мы хотели бы знать. Можешь ли дать нам какой-нибудь совет?

- Большая честь для меня давать советы такому важному собранию мудрых старцев... - Ахмет начал свою речь с фразы, которую ему, как хорошо воспитанному человеку не нужно было долго придумывать - она сама слетела с его уст.

- Но я хочу сказать, что наш опыт общения с казаками невелик. У нас на Кубани есть казаки. Живут они в Екатеринодаре и в нескольких станицах далеко от наших земель. Они часто приезжают к нам торговать. Продают, в основном, свою ужасную на вкус «чертову воду», а покупают у нас шкуры. Были также шайки, пытавшиеся отнимать скот, правда, без особого успеха. Если убить нескольких из них, остальные оставят тебя в покое.

Ахмет заметил, как старики переглянулись. Было очевидно, что они не согласны с его последней фразой.

Второй старец заговорил сердито, при этом все время нервно запахивая на себе халат, а его тонкая рука сжимала красивый кама на поясе:

- Именно этого мы еще не выполнили. Не перебили достаточно гяуров. Может быть, после этого они нас тоже оставят в покое.

Имам сохранял молчание. Ахмет заметил, что здесь, как и на Кубани, существовало правило, требовавшее, чтобы мнение каждого было выслушано с должным вниманием.

- Думаю, что наши воины смогут получить такую возможность[^] - наконец, согласился имам,

- но не раньше весны. Сначала мы должны подготовиться к приближающейся зиме и подумать о том, чем кормить людей. Главное сейчас - выжить. Нужно также послать наших людей к шапсугам и купить у них оружие и порох. К ним заезжают турецкие купцы и привозят оружие из Стамбула.

Второй старец возразил ему:

- Но пока мы будем ждать, казаки выстроят сильные укрепления! К весне выполнить нашу задачу будет гораздо труднее. Поэтому я говорю: напасть на них надо сейчас, пока снег не укрыл землю. Нашим мужчинам есть за что драться.

Третий старец, благообразный, седоусый, говорил вдумчиво, спокойно:

- С чем мы пойдем воевать против них? Я не сомневаюсь, что наши воины сумеют достойно умирать, но что наши сабли против казачьих ружей? Имам совершенно прав: нужно подождать, накопить силы. Потом, весной, мы отправим казаков в преисподнюю, когда они меньше всего будут этого ждать. Таково мое мнение.

Эти слова вызвали одобрителный шепот. Беседа продолжалась, звучали противоположные мнения. Ахмет молчал, погрузившись в думы среди бушующих вокруг страстей. Он давно уже знал, о чем говорят на таких совещаниях старейшины, хотя, конечно не присутствовал. на них лично, а лишь со слов отца, возвращавшегося с подобных встреч поздно ночью. Отец сажал его, своего единственного сына, рядом и рассказывал обо всем, что было на совете. Сверху сияли звезды, Ахмет едва слышал отца из-за неумолчного шума вечно спешащей реки, и его охватывало чувство уверенности - увы, покинувшее его сейчас - в том, что все будет хорошо, пока их жизнь и благополучие зависят от таких опытных и сильных людей, и что никогда этот мир не изменится к худшему.

Но все резко изменилось, когда его родители нелепо погибли- из-за несчастного случая. Прошлой зимой они отправились в соседнюю деревню навестить родственников. Домой возвращались поздно, и в одном месте их фургон внезапно соскользнул с крутого ледяного склона. Невозможно было понять, как это отец Ахмета, знавший дорогу как свои пять пальцев, мог допустить такую роковую ошибку. Односельчанам так и не удалось разгадать эту загадку: когда, наконец, в деревне поняли, что с ними что-то случилось и послали людей на поиски, то нашли лишь полузанесенные снегом трупы родителей Ахмета на дне глубокого ущелья. Рядом валялись обломки фургона и спутанная лошадиная упряжь.

Из близких родственников у Ахмета осталась только сестра, Аобуаса... Она была замужем за пьяницей, хотя и благородных кровей, бесланеев-ским уорком Мухамедом. Отца уже не было рядом, и Мухамед начал все больше наглеть, пока, наконец, весной дело не окончилось трагическим взрывом ярости в доме Афуасы.

Ахмет, пошли есть! - голос Гази прервал его размышления. Он вернулся уже после перевязки и выглядел гораздо бодрее.

Пулю достали. Очень просто, - сказал он так, будто ему вынули занозу из пальца. Радость возвращения домой помогла ему выздоравливать на глазах. - Я подарил ее младшему брату. Как талисман.

Он улыбнулся и пригласил Ахмета в соседнюю палатку, предназначенную для гостей, чтобы тот мог подготовиться к вечерней трапезе.

Молодая стройная девушка из числа прислуги подала Ахмету воду. Она посматривала на него смущенно, и в то же время чувствовалось, что ее чрезвычайно волнуют взгляды незнакомого красивого молодого мужчины, внешность которого отличалась от привычной ей внешности мужчин племени бжедугов. Ахмет, наверное, покраснел бы, если бы заметил, каким восторгом сияли голубые глаза девушки, когда она тайком рассматривала его мужественное, словно высеченное из камня, гладко выбритое лицо, чеканный профиль, темные дуги бровей. Но юноша был целиком поглощен размышлениями о том, как ему следует себя вести с почтенными хозяевами, поэтому мелькнувшая тонкая девичья фигурка в длинном белом одеянии, туго перехваченном на талии мягким кожаным ремешком, с красивым муслиновым шарфом на длинных косах живо напомнил ему Афуасу, и он решил не смотреть на девушку.

Рядом с ним постоянно как бы витал дух отца, призывающий Ахмета держаться с достоинством. Гази ожидал у входа, довольный тем, что теперь сможет, наконец, оказать товарищу достойный прием и позаботиться о нем. Он провел Ахмета в дом имама, где уже чинно сидели старейшины, готовые к торжественному ужину в честь гостя.

В комнате были установлены аны, низкие круглые столики на трех ножках, уставленные блюдами с дымящейся пищей. Несколько милостивых девушек молчаливо сновали вокруг, входя и выходя из комнаты. Они подносили все новые лакомства для гостей. В этих, особенно трудных условиях, женщины племени бжедугов буквально превосходили сами себя. Ноздри Ахмета приятно защекотал чудесный запах, исходивший от огромного блюда с тушеным барашком. В этом запахе чувствовались ароматы трав и специй. Один бронзовый котел был с пряным йогуртом, другой - с мамалыгой, которую покрывал толстый слой золотистой мясной подливы. При виде всего этого великолепия у Ахмета буквально свело внутренности от голода. Вокруг стояли блюда, полные пирожков с мясом, медом, козьим сыром, орехами и сушеными фруктами.

Никогда еще Ахмету не хотелось попить вволю так, как в тот вечер. Имам показал ему, что он должен сесть по правую руку от него как почетный гость их племени. Гази стоял за спинами старейшин, ожидая, пока все займут свои места - это была его обязанность младшего родственника хозяина дома, как и других молодых парней, стоявших рядом с ним.

На стенах в доме имама было развешено старинное, редкое оружие: сабли, пики, луки со стрелами, а также надежные кольчуги, - все это свидетельствовало о том, что хозяин был когда-то славным воином и хаживал в дальние военные походы. На верхней балке под крышей, прямо над головой Ахмета находилась целая коллекция черкесских седел, сбруи, отделанной серебром, и кожаных уздечек, которые от многолетнего использования стали мягкими как шелк. Множество серебряных, бронзовых и кожаных вещей в доме говорили о том, что имам ажил значительное состояние в войнах или торговлей, а может быть и тем, и другим. Ахмет заметил и красивые циновки турецкой работы и кожи, выделанные не виданным им способом.

Сказать по правде, Ахмет был сильно поражен. Он всегда полагал, что кабардинцы - аристократы среди адыгов, хотя, конечно, в каждом племени встречались особо выдающиеся люди. Но в этом доме все вещи создавали атмосферу величия и значимости его хозяина; это был дом человека, который прожил жизнь достойно и благородно, как и подобает лучшим адыгам: и как воин, и как заботливый глава рода, и как почтенный старейшина племени бжедугов.

Имам заговорил спокойно, с теплотой в голосе:

- Давайте забудем обо всех горестях! Давайте радоваться и чествовать нашего дорогого гостя. Ахмету, нашему славному брату из Кабарды, я желаю жить в добром здравии и достойно нести честь своего племени и своего адыгагэ, где бы он ни был.

Он высоко поднял рог с пенистой бахсимой - национальным черкесским напитком, собираясь продолжить тост. Ахмет и старейшины сделали то же, ожидая, что скажет имам.

- За здоровье и успех нашего гостя! Пусть Бог пошлет тебе удачу, Ахмет! Пусть Он защитит тебя от всех бед и укажет верный путь в жизни. Пусть Он, который создал всех нас и дал нам эту пищу, и дальше не оставит своей заботой всех адыгов, где бы они не находились, дарует им процветание и успех. За твое здоровье, наш молодой брат, выпьем!

Все дружно осушили роги. Ахмет думал о том, как по-разному произносят тосты у кабардинцев и здесь. Тост, провозглашенный кабардинским старцем, еще долго сопровождает громким «хва-ха», которое скандируют присутствующие. Ахмет внимательно всмотрелся в мужественное, будто кованное из металла, лицо имама. Он мог поклясться, что имаму было известно все, что случилось в его жизни до сего дня. Каждое слово, сказанное им в тосте, соотносилось с реальной жизнью: «беда», «верный путь», «удача». Каждая фраза задевала самые потаенные струны его души.

В прошлом месяце, когда он яростно поднялся на борьбу против бесчестия, были мгновения, когда он проклинал небеса за то, что из жизни его ушла добродетель. Глядя на старого имама, Ахмет увидел, что глаза его светятся горькой и лукавой мудростью, которая есть сплав сурового опыта войн и в трудах завоеванного почета. Ахмет сразу почувствовал себя еще таким молодым и неопытным, несмотря на все испытания, выпавшие на его долю. Его родители прожили долгую и сложную жизнь, и их смерть теперь не казалась самой страшной трагедией рядом с трагедией этих людей, потерявших родную деревню. И воистину огромной казалась работа по подготовке к зиме: ведь требовалось обеспечить всем необходимым несколько сот душ здесь, высоко в горах, и всего за несколько оставшихся недель. Ахмет устыдился своей жалости к себе, и в то же время воспрял духом.

Как и следовало ожидать, Гази не смог долго высидеть за трапезой. Опустошив свой рог, он извинился перед присутствующими, и, смертельно уставший, удалился на покой. Ахмету не хотелось идти спать. Ему было интересно за столом и очень хотелось узнать побольше нового, ведь это поможет ему лучше освоиться в горах. Отныне они - его жизнь...

Имам наклонился вперед:

- Твоя семья - кабардинцы. Зачем ты едешь на восток? Навестить родственников?

- Нет. Не совсем. Мои родители недавно трагически погибли. Все хозяйство перешло к зятю. Я решил, что пришла пора увидеть мир.., - Ахмет не раз уже повторял про себя эти слова во время пути, и теперь, они, казалось, прозвучали веско и убедительно.

Хорошее намерение. Скажи, а твой малха, этот самый зять, что же вовсе не имел никакой собственности? - спросил имам, исподволь проникая в суть дела.

Нет, - ответил Ахмет, вкладывая в это короткое слово столько, сколько могли бы вместить тома. Он имел в виду, что Мухамед был ленивым и заносчивым, а благородным только по происхождению, а не по своим поступкам или характеру.

Для мужчины из племени бжедугов было бы недостойно забирать дом отца своей жены. Две дыни подмышкой не унесешь!

В глазах имама блеснул огонек сочувствия.

- Он бесланеевский уорк и намного старше меня.

Имам тут же кивнул головой, как бы подтверждая, что именно такой человек должен быть мужем сестры Ахмета.

- Несомненно, это честь для твоей сестры. Дай Бог им много здоровых детей.

Ахмет вспыхнул. Это ведь его вина, конечно, что Афуаса потеряла своего первенца. Он был тогда вне себя от ярости, хотя адыг должен всегда сдерживать свои чувства. Взрыв эмоций зачастую выдает недостаток образования или хорошего воспитания.

Имам смягчил тон:

- У тебя был трудный путь. Сегодня я не хочу говорить о горестях. Мой дом - твой дом, Ахмет с Кубани. И раз уж твой отец не может более наставлять тебя, я буду твоим кунаком, радушным хозяином и защитником, пока ты находишься с нами. Если тебе нужен совет, спрашивай меня, как если бы я был твоим отцом.

- Вы так добры.

- Гази - мой племянник. Если бы я потерял его...

Имам повернул руки ладонями вверх, как бы показывая, что в этом случае его жизнь была бы опустошена.

Разговор перешел к военным делам, стали обсуждать, как лучше атаковать казаков. Ахмету было чем поделиться. Но* он знал также, что, пока гость не покинет застолье, никто из хозяев ни за что не сделает это первым. Он встал, поблагодарил всех, удалился в предоставленную ему палатку и вскоре уже спал, бормоча во сне молитву благодарности за то, что еще цел, забравшись так далеко от дома.

На следующее утро Ахмет чувствовал себя бодрым и будто обновленным, но у Гази был сильный жар и он лежал пластом. Об этом рассказал молодой бжедуг, который принес ему на завтрак чай с молоком, сдобренный специями и солью, и хлеб с сыром. Сотворив утреннюю молитву, Ахмет позавтракал.

Одевшись, он вышел на улицу, остановился и прислушался к таким знакомым, привычным звукам домашнего обихода, доносившимся отовсюду.

За Гази ухаживали женщины из домашней прислуги. Несколько их, судя по голосам и молодых, и старых, собрались вокруг ложа его друга. Они что-то щебетали, хлопали в ладоши и пели. Песни были Ахмету незнакомы, но он узнал обычай, который существовал и у них дома: больного никогда не оставляют одного. Присутствие рядом других людей поднимало больному настроение и отгоняло дурные мысли лучше любого лекарства. Что ж, нет худа без добра: благодаря этому приключению Гази произвел огромное впечатление на молодых девушек...

Какой-то молодой бжедуг, чинивший ограду, поздоровался с Ахметом.

- Где моя лошадь? - спросил Ахмет. Он так любил свою кобылу, что ему захотелось поздороваться с ней и накормить из собственных рук.

- Она там, брат, - ответил парень и провел его в загон для скота.

Кара сразу же вышла на его зов, тихо заржала, приветствуя хозяина. Она была повыше лошадок горцев и почти черной, шире в груди и соединяла в себе все характерные черты породы альп - лучшей кабардинской породы лошадей. Выдержав недавние испытания на выносливость и ловкость, она показала не меньше твердости в ногах, чем у коней бжедугов. Ахмет лениво облокотился о заборчик, рассматривая клейма. В основном, это были лошади черкесских пород, гнедые с темными подпалинами. Некоторые клейма свидетельствовали о хорошей родословной.

К Ахмету подошел имам.

У вас добрые кобылки, - заметил Ахмет.

А ты здорово управляешься с лошадьми. Среди адыгов кабардинцы - самые умелые наездники. Кстати, хорошо, что мы можем потолковать наедине.

Тхамада...

Я понимаю твою тягу к перемене мест. Оставить дом и самому лепить свою судьбу - это удел отважных. Но погода скоро испортится, Ахмет. Подумай, может быть останешься с нами до весны? Ты - сильный, опытный, а мне как раз нужны такие воины, как ты, чтобы защищать наших женщин и детей.

Я кабардинец.

Ты хочешь жить со своими?'

Ахмет повесил голову. Он едва мог сдерживать страсти, кипящие в нем.

Я должен объяснить, почему мне нужно уехать подальше отсюда. У нас с малхой произошла потасовка. Моя сестра бросилась на меня, чтобы разнять нас. Я швырнул ее на землю, ушиб. И она потеряла ребенка.. Поэтому я уехал. От стыда.

Но и для твоей сестры было недостойно поднимать руку на черкеса-мужчину, особенно своего брата, верно? Ты ведь потерял по закону принадлежащее тебе отцовское имущество и должен был оставить его человеку недостойному... Ведь так?

Ахмет вновь опустил голову в знак согласия.

- То, что случилось между вами было неизбежно. Твоя сестра предпочла вмешаться.

Острый и мудрый взгляд имама проникал в самую душу, читая истину. Ахмету захотелось рассказать ему все, как близкому родному человеку, умудренному годами:

- л не мог уже видеть ее после того, что случилось между нами. Но Афуаса всегда была очень упрямой. Отец не одобрял ее выбора, потому что у Мухамеда не было состояния, но...

- Она уговорила его. Кроме того, Ахмет, коль скоро у сестры должен был быть небогатый муж, отец знал, что она будет жить дома рядом с ним.

Вновь имам попал в самую точку.

- Он в ней души не чаял, - грустно промолвил Ахмет, понутив голову.

- Если бы отец был жив, он любил бы тебя еще больше. У адыгов не принято проявлять свои чувства к сыну. И если бы ты отправился с ним на войну, как равный...

- Я умею воевать, но почему казаки не оставят нас в покое? - воскликнул Ахмет. - Мы держим хозяйства, разводим лошадей. У нас есть хорошая земля, которую нужно хорошо обрабатывать. Это другая причина моего отъезда. Должно же быть место, где адыги могут забыть о бесчинствах этих гяуров...

- Кабардинцы славятся своим авторитетом и дипломатичностью, - согласился имам. - Если где и можно обоести покой, то это в Великой Кабар-де. Там теоя, конечно, примут, как своего. Но, Ахмет..., - имам замаялся, тщательно выбирая слова.

- Да, Тхамата?

- Прежде всего успокойся, не изводи себя. Твой путь далек и опасен. Я вижу, ты все время предаешься тягостным раздумьям, а от этого тебе только вред. В горах нужно быть все время начеку, а не уходить целиком в себя. В пустынном месте это может тебе дорого стоить.

- Но как добиться этого, Тхамата? Все забыть? - Ахмет ничуть не был задет словами имама. Он знал, что тот совершенно прав, и очень нуждался в его советах.

- Помни, что все совершается по воле Божьей. Во всем случившемся должен быть какой-то смысл, и однажды этот смысл откроется тебе. Все происходит в этом мире так, как и должно произойти, да славится Аллах.

Ахмет промолчал, разочарованный словами имама. Он был еще слишком молод и горяч и не мог мириться с таким фатализмом. Имам тихо рассмеялся:

- Я хорошо тебя понимаю, сын мой. Знаю, что ты сейчас думаешь: «Ну почему все именно так?» Верно? Но ты ведь знаешь, корова не наступит на теленка. И нам не посылается испытание большее, чем мы способны вынести. Так именно Господь заботится о нас.

- Прости меня за дерзость, Тхамата, но я хочу спросить: как же можете Вы говорить такие речи после того, как казаки разграбили вашу деревню?!

Ахмета раздражала эта обреченная мудрость имама, которая как-то не вязалась с тонкостью понимания им этого мира. Имам скрестил руки под полами своего одеяния.

- Опыт научил меня действовать так, как будто вера есть, если даже ее нет. По крайней мере, в этом случае есть шанс вступить в бой.

Ахмет ничего не ответил: было ясно, что эти слова - плод раздумий опытного старца, и они вовсе не предполагали ответа. Имам тоже замолчал, и двое мужчин некоторое время стояли безмолвно, погруженные в свои мысли, пока, наконец, кто-то из молодых воинов не отвлек имама каким-то вопросом.

Ахмет был полон решимости продолжать свое путешествие. Он не считал, что отъехал от дома так уж далеко. Ему хотелось увидеть Ошха Махо, гору Эльбрус, и затем гору Казбек, что лежала гораздо дальше к востоку, - он так много слышал рассказов о них

у себя на Кубани. Эльбрус был знаменит цветом своих снегов, которые иногда становились красными, как кровь. Это было священное место, где нарты пили «нарзан» - воду, вытекающую из горы, которая делала их непобедимыми...

Тот же молодой парень, что ранее здоровался с Ахметом, подвел к нему его оседланную лошадь. Это был симпатичный юноша, примерно его ровесник, с классическим профилем, гладко выбритый, с черкесской на широких плечах. Его статная лошадь выглядела нарядной: под высоким седлом красовался яркий коврик, а вокруг шеи вились разноцветные бусы и ленты.

- Привет, кабардинец, - весело сказал он. - Меня зовут Аслан. Мы были бы рады видеть тебя с нами сегодня на охоте. Хочешь немного размяться?

Ахмет вспомнил совет имама не копаться в собственных переживаниях и сразу согласился. Они охотились на туров - горных козлов - в окрестностях лагеря бжедугов.

Несколько дней прошли в охоте и других приятных занятиях. У Ахмета были причины не торопиться. Во-первых, состояние Гази иногда ухудшалось и он лежал без движения. Было бы неблагородно уехать, не дождавшись выздоровления своего друга. Во-вторых, Ахмету хотелось внести свою лепту в благосостояние поселка, помочь выжить приютившим его людям, отблагодарить их за гостеприимство. Поэтому он без устали охотился на туров или карабкался вместе с Асланом и другими юношами по скалам в поисках дикого меда. В доме имама для него по-прежнему накрывали замечательный стол. Казалось, что если бы у них оставался последний цыпленок, они отдали бы ему и ножки, и грудку, а сами довольствовались супом из потрохов.

Однажды к Ахмету подошла девушка из тех, что ухаживали за Гази, и, смущаясь, сообщила, что у больного спал жар. Ахмет поспешил к ложу приятеля и нашел его сидящим на подушках в веселом и бодром расположении духа.

- Я слышал, что ты отличный стрелок, - сказал Гази. - Здесь, в лагере бжедугов, ничего нельзя утаить. Сразу расскажут. Как пчелы жужжат эти бжедуги... но их болтовня - безобидный нектар безо всяких там злобных жал.

Ахмет улыбнулся:

- А меня тут Аслан развлекал, пока ты тут истории рассказывал...

Гази слегка покраснел.

- ...В конечном счете, кажется, мы уложили двенадцать казаков! - поддразнил друга Ахмет, повторяя подслушанные речи.

- Сказки для маленьких девочек.

- Ага, для той, что служила мне в первый вечер... Она твоя возлюбленная?

- Ерунда. Она еще ребенок. - Гази удобно вытянулся на подушках и принялся гладить бороду с показным равнодушием.

Ахмет рассмеялся:

- А я слышал, что у нее самое богатое приданое из всех невест.

Гази вдруг резко повернулся к нему, лицо его было озабочено.

- Слушай, сейчас не до пустяков. Скажи, Ахмет, ты останешься и будешь с нами воевать?

Ахмет покачал головой:

- Спасибо за честь, Гази. Но мне нужно спешить. Погода не всегда будет столь благоприятной...

Гази понял, что Ахмета не переубедить. Он поднялся, и все они вместе с Асланом отправились на охоту, как и обычно в эти дни. Горный воздух был свежим, бодрящим. На закате будто ударил легкий морозец, а последние солнечные лучи были уже не такими ярко-золотистыми как осенью.

- Прекрасный выстрел! - воскликнул Аслан, когда Ахмет подстрелил на гребне утеса крупного оленя. - Сейчас достану. Он спешился и полез вверх по склону. - Ахмет, эту шкуру возьми себе на память о времени, проведенном у нас...

Аслан отделил рога и торжественно поднял их высоко над головой. Его радовало, что этот странник смог хорошо отдохнуть в их компании и развлечься.

В тот вечер застолье было особенно обильным. Женщины постарались вовсю. Они прознали, что Ахмет собирается уезжать, а это значит, что еще много недель он не сможет отведать вкусной домашней пищи. Имам был непривычно спокоен. У адыгов не принято сильные чувства выражать словами, однако молодежь, поддавшись общему настроению, затянула грустную гибза - песню прощания с друзьями, уходящими на войну.

Потом Гази проводил его до палатки, взял за
РУКУ-

- Пусть Бог следует завтра с тобой, Ахмет, и оградит от всех напастей. Он послал мне тебя в трудную минуту - я мог умереть от этой раны.

- Что ж, значит моя поездка уже не напрасна. Двое молодых людей быстро обнялись.

- Знаешь, Гази, - сказал Ахмет, - Аслану понравился этот колчан, отдай ему после моего отъезда. А ты сам возьми мой кама. Убей им еще одного казака за меня. Пусть их будет тринадцать!

Если Гази и был поражен таким щедрым подарком - ведь он полагал, что это был клинок из Толедо старинной работы, - то его удивление было ничто по сравнению с тем, которое Ахмет испытал на следующее утро, когда, поднявшись, увидел, что все домочадцы и сам имам уже вовсю готовятся к его отъезду. Лошадь была уже оседлана, женщины наполняли его дорожные сумки солью, сушеными фруктами и изрядным запасом кукурузных зерен.

Имам выступил вперед, держа в руках копченую баранью ногу, завернутую в муслин. Ахмет начал отказываться:

- Я не могу забрать все это! Пища нужна будет лагерю, ведь впереди зима!

- Ты помог нам пополнить кладовые. Кто знает, когда ты теперь доберешься до своих...

Ахмет был уже в-седле, а Гази все не отпускал его руку.

- И все-таки повторю: остался бы ты лучше с нами на зиму. Едешь ты уже поздно. Пожалуйста, подумай еще раз.

Сердце Ахмета готово было разорваться.

- Спасибо, брат мой. Я никогда не забуду нашей дружбы. Но мне нужно спешить. Чем дольше задержусь, тем труднее мне будет. Спасибо, Гази! Спасибо, Тхамата! Молюсь, чтобы весной вам удалось вернуться в родные края.

Имам взял уздечку и похлопал кобылу по морде.

- Если уж решился ехать, то слушай меня внимательно. Держись предгорий, пока не достигнешь реки Лабы. Так тебе удастся избежать встречи с казаками. Там ты увидишь великан Эльбрус, он возвышается над всеми окрестностями. Поедешь прямо к его подножию, а когда приблизишься, поворачивай на восток - и так доберешься до Великой Кабарды.

- Огромное спасибо за совет., - Ахмет почувствовал, что старый имам не просто указал ему дорогу, но как будто зарядил его новой энергией, придал уверенность в себе.

Ахмет тронулся в путь, а сзади еще слышался голос имама, эхом отдававшийся вокруг:

- Держи высокие горы все время справа, но не спускайся, избегай равнин. Да хранит тебя Бог, Ахмет,

На краю долины Ахмет обернулся, бросил последний взгляд на гостеприимный лагерь бжедугов. Аслан и другие юноши, сопровождавшие его до этого места, поворачивали коней. Аслан поднял свой лук высоко над головой в прощальном приветствии:

- Доброй охоты, кабардинец! - крикнул он, и все устремились галопом к лагерю.

Ахмет остался один. Он двигался вперед. Ноги его лошади тонули в утреннем тумане, стелящемся по земле. Холодок пронизывал пригнувшегося к седлу Ахмета.

Холодок был и на сердце: жаль было расставаться с такими радушными и смелыми людьми.

* * * * *

Река Кубань, на берегах которой вырос Ахмет, рождается из маленьких ледяных ручьев у подножия великой горы Эльбрус. Затем она, набирая силу, течет на север, пока, наконец, верст через тридцать не становится настоящей рекой. Потом еще верст двадцать или около того - и она поворачивает круто, почти под прямым углом, влево, расширяется и несет свои воды на восток. Здесь, наконец, Кубань становится мощной Псих - героиней черкесского фольклора, самой великой из всех кавказских рек.

Новый укрепленный лагерь русских возник недалеко от того места, где река поворачивает на восток. Генерал Суворов, не теряя времени, вернулся на Южный фронт. Приехал он вместе с генералом Комаровым, с которым они были во Многом единомышленниками. Правда, их общество украшала лишь одна женщина - графиня Софья. Супруга Александра Васильевича предпочла остаться в Санкт-Петербурге. Суворов почувствовал облегчение. Теперь он мог спокойно заниматься делом, ни на что не отвлекаясь.

Он распорядился, чтобы офицеры собрались в его палатке. Сам Суворов стоял у карты, наклонившись вперед, и что-то старательно рассматривал на ней, не обращая внимания на присутствующих.

- Любои кадет знает, - а вы, господа, тем паче, - идею Петра Великого о том, что покойно будет державе лишь в том случае, если удастся подчинить себе Прагу! - вдруг произнес он весело, оборачиваясь к собранию. - В юности я мечтал об этом. Сейчас наши задачи куда скромнее...

С военными Суворов чувствовал себя в родной стихии, говорил легко, непринужденно. Он было уже начал излагать свой план, когда в палатку полевого штаба быстро вошел посыльный и подал командующему депешу. Суворов сломал сургучную печать и прочел бумагу.

- Господа, - сказал он с явным удовольствием, - генерал Потемкин благословляет наши планы. - Генерал Якоби, - обратился затем Суворов к седовласому пожилому человеку, - первая фаза этого плана была успешно завершена. Вы, как командующий Кубанской армией, получаете приказ создать новую линию обороны от Моздока до Форт-Дмитрия.

Суворов передал бумаги своему коллеге, получившему новое назначение:

- Что можете сказать по этому поводу, генерал?

Пока Якоби читал письмо, Суворов продолжал, обращаясь к остальным офицерам:

' - А прежде всего, господа, мы должны исключить всякую возможность помощи черкесам со стороны Турции.

Вдруг Суворов раздраженно сощурился: Якоби заговорил без приглашения. Он не перебил командующего, но, тем не менее, вел себя, по мнению последнего, недостаточно почтительно. Кстати, Якоби был выходцем из семьи, где военная служба была традиционной для мужчин, тогда как Суворов был военным в первом поколе-

- Вы слышали меня, Ваша Светлость? - Якоби прервал его мысли. - Я говорю, что здесь • - не сказано о казацких семьях. Но я, думаю, сумею убедить их переехать туда с семьями на постоянное житье. Вы согласны со мной?

Что-то в самом тоне Якоби рассердило Суворова.

- Совершенно. Однако, если позволите, я продолжу... Я намерен построить подобную же оборонительную линию от згой точки на Лабе и затем вдоль Кубани до побережья. Следующим этапом станет создание крепостей вдоль Черного моря с тем, чтобы сомкнуть эти две линии. Это как раз отвечает моим планам: полностью отрезать черкесов от Турции, чтобы не допустить их поддержки со стороны Блистательной Порты. Константинополь - вот откуда исходят все наши беды. На побережье горцы встречаются с

турецкими купцами, закупают у них порох и соль. Если они лишатся этого, усмирить их будет гораздо легче.

Он помолчал, наблюдая, какой эффект на присутствующих произвели эти стратегические проекты.

- Мы зажмем их с севера, и мы зажмем их с востока...

Суворов делал на карте аккуратные пометки карандашом, иллюстрируя свои тактические ходы, и его железный кулак рассекал воздух над всеми этими стрелками и кружками. Не дожидаясь ничьих комментариев, он добавил:

- &Гот форпост будет называться «Кавказская». Остальным дадим имена, когда построим. ^ - Но это равносильно еще одной войне с Турцией. Вы знаете, что Анапа - укрепленный турецкий порт. Это тоже входит в Ваши планы? - вставил старик Якоби.

- А когда у нас с турками войны не было? Во всяком случае, все это уже входит в другие планы, которые мы здесь не будем обсуждать, генерал Якоби. Тем не менее, я хочу, чтобы эти молодые офицеры были в курсе долгосрочных целей наших действий.

Генерал Комаров внимательно слушал главнокомандующего. В последнее время он тщательно изучал данные местных разведок. Казалось, что шпионство было для горцев явлением обычным: достаточно было хорошего подкупа, чтобы получить кучу сведений. Всегда приятно строить воздушные замки, но уж он-то знал, что эта кампания не пройдет так гладко. Комаров указал на карту:

- В этом районе между Кубанью и Лабой, насколько мне известно, некоторые черкесские формирования состоят из кабардинских племен...

Суворову было досадно, что кто-то хорошо разбирался в племенных различиях горцев. Он сам прекрасно знал разницу между ногайцами, калмыками, убыхами, шапсугами, бжедугами и чеченцами, мог узнать их с первого взгляда. Он всегда старался изучить неприятеля.

- Мне кажется, у нас с ними будут проблемы, - заметил Комаров, впрочем, менее категорично, чем Намеревался. Облик Суворова не располагал к дискуссиям: в нем было что-то безжизненное, нечеловеческое. Мертвенная бледность делала его лицо каким-то холодным, как будто искусственным. И все же Комаров любил его.

- Дорогой мой Комаров, я и не сомневаюсь, что будут. Вот ты как раз и защитишь нас с флангов при строительстве крепостей. Впрочем, после разгрома ногайцев, я не ожидаю сильного сопротивления от кубанских черкесов. Что-нибудь незначительное. Небольшие стычки, может быть. Но не больше.

Комаров хотел еще что-то заметить, но Якоби сделал предостерегающий жест рукой, останавливая его. Ему было ясно, что спорить с Суворовым уже совершенно бессмысленно. Опытный генерал был честолюбивым служакой. Теперь у него в руках было реальное дело, а в кармане - благословение от Потемкина. Ожидаемая сверкающая Награда на груди возвышала его в собственных глазах.

Насколько Якоби знал Суворова, то все «что-нибудь незначительное*» будет полностью уничтожено на всем протяжении оборонительной линии, находящейся в его ведении.

Эта «линия» была такая же жесткая и прямая, как карандаш Суворова, которым он провел ее на карте от Моздока до Форт-Димитрия. Якоби искоса взглянул на Комарова, дурные предчувствия переполняли его. Комаров был человеком карьеры, иногда даже немного педантичным. Якоби стремился не потерять ни одного солдата, если это было в его силах. На его взгляд, кавказская кампания была делом нечистым: какие-то засады, ловушки, выстрелы из-за угла. Ему не хватало настоящих боев с наступающими батальонами и реющими в воздухе знаменами. Не понимал он лишь одного: Кавказ являлся вечным полигоном для величайшей армии мира. На этом театре военных действий было предостаточно достойного противника, так что война, можно сказать, превращалась в увлекательную забаву.

- Господа, теперь мне нужно заняться письмом. Я предлагаю вам вернуться в свои подразделения. - Суворов никогда не тратил времени на любезности типа «всего наилучшего*» или «желаю успеха*».

Якоби коротко кивнул главнокомандующему и поспешил выйти из палатки вслед за Комаровым. Выйдя, натянул кожаные перчатки и накинул на плечи плащ.

- Комаров, - окликнул он. Молодой генерал обернулся. - От этой реки по ночам такая сырость. Если хотите, пойдем ко мне, у меня отличный коньячок припасен. Выпьем по чарочке.

Генералы зашагали дальше вместе.

- Есть какие-нибудь новости из Екатеринограда? Вы, кажется, завтра утром отбываете туда?

Комаров рассмеялся:

- Да, отбываю, генерал. Там меня ждут развлечения, приличная гостиница, в общем, почти современная цивилизация.

- Но это же не Санкт-Петербург!

Комаров посмотрел ему прямо в глаза.

- Дорогой мой Якоби, если мне не по душе массовые убийства, это не значит, что я легко отделался.

Якоби только хмыкнул в ответ, и они пошли дальше, обмениваясь шутками по поводу того, как легче избавиться от беспокойных кавказских аборигенов.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Испытания, выпавшие на долю Ахмета в первой части его путешествия, не шли ни в какое сравнение с теми, что наступили потом. Как только он покинул долину, где расположились бжедуги, резко похолодало. Как уютно было в гостевой палатке! Первая же ночевка под открытым небом сковала его плечи ледяным обручем. Очень рано он проснулся от морозящего дождя, который затем превратился в ливень. Натянул на себя бурку, прикрывшую даже бока его кобылы, он пригнулся к лошади, чтобы грудь и ружье оставались сухими.

Каменистая дорога превратилась в кисель. Лошадь выбивалась из сил, тяжело дыша в разреженном воздухе. Вторую ночь Ахмет провел под скалой, пожевав на ужин холодную и невкусную баранью ногу, с тяжким вздохом вспоминая свежую горячую кашу с мясной подливой.

Так он ехал день за днем, пока окончательно не убедился в том, что Кавказ больше похож не на грозную гранитную крепость, а на бесконечный лабиринт. Непрístupные утесы, вершины которых терялись в облаках, сменялись бездонными ущельями.

Несколько раз Ахмет останавливал лошадь и подолгу сидел неподвижно * стараясь усмирить бешено колотившееся сердце. Отчаяние охватывало его: казалось, он сбился с пути. Прочитав молитву, он ослаблял повод и позволял Каре самой выбирать дорогу. «Положись на Волю Божию...», - твердил он себе, борясь с усталостью, голодом и страхом.

шестая, седьмая, восьмая ночь миновала... Баранья нога обглодана до последнего хрящика, остатки ее выброшены в пропасть, которая, кстати, была так глубока, что Ахмет не слышал стука костей, ударившихся о камни. Котомки с фруктами тоже опустели. Теперь ему опять приходилось довольствоваться дождевой водой и просяной кашей. Выше в горах не встречалось даже колючего кустарника с дикой ягодой, которая хоть как-то разнообразила его рацион.

Однажды, когда пошла вторая неделя его путешествия, Ахмет проснулся утром, окоченев больше, чем обычно. Не удивительно! •• За ночь толстый слой снега покрыл все

вокруг, засыпав его. Шея была мокрой - единственная часть тела* не защищенная буркой. Днем воротник черкески обледенел и стал царапать кожу. Ночью Ахмет не мог заснуть: царапины саднили и не давали покоя.

Небольшое облегчение наступало лишь в расселинах и пещерах в горах, где он устраивался на ночь, скорчившись у маленького дымного костерка. Лошадь, подрагивая, стояла рядом. Ахмет спал практически у ее копыт «Корова никогда не наступит на теленка», - бормотал он во сне, и ему казалось, что сестра Афуаеа льет на его тело горячее парное молоко из большого кувшина. Как-то он проснулся, от воя шакалов и хлеставшего ему в лицо дождя. Остаток ночи он просидел с ружьем наготове, чтобы отпугнуть шакалов: костер едва чадил и не мог служить надежной защитой.

Прошло три недели, или четыре... Ахмет сбился со счета. Он знал только одно - двигаться все Время на восток. С самого рассвета он пробирался по раскисшим тропинкам, по снегу, пока тем* нота не заставляла его искать место для ночлега. Где же эта гора, черт возьми? Где этот Эльбрус?» Никаких признаков. Ахмет поднимал к небу уставшие покрасневшие глаза, но видел лишь плывущие темные облака, грозящие новыми дождями и снегом. Ничего. Совсем ничего.

Ахмету еще повезло, что сырость и лед не причинили большого вреда его шее. Борода и Волосы стали достаточно длинными, чтобы прикрыть ее. Юноша стал таким же косматым, как и остальные обитатели этих высот: крепкий обросший мужчина с почти ничего не видящими глазами. «Пылающая жаровня - вот что мне нужно... Нарты, нарты, не бросайте ее в реку!»

Он жалел, что не может охотиться подобно зверю. Все придуманные людьми орудия были здесь бесполезны. Однажды на другой стороне ущелья Ахмет заметил оленя и даже свалился с лошади от неожиданности. Полузарывшись в снег, он прополз на животе немного вперед и замер, вытаскивая ружье из-под бурки. Прицелился и нажал на спусковой крючок. Увы, порох все-таки отсырел и выстрела не последовало, раздался лишь громкий щелчок, усиленный эхом. Олень испугался и сорвался с места. Ахмет уронил голову в снег и в отчаянии заплакал. Слезы замерзли у него прямо на щеках, покрывая их ледяной коркой;

Еще много недель Ахмет блуждал в горах, переживая все лишения, приготовленные суровой зимой. Он научился выживать, защищаясь от волков и других диких зверей, добывать еду любыми доступными средствами. Пришлось пользоваться луком, делая примитивные стрелы из жестких прутьев с кремневыми наконечниками. Случай помог полакомиться мясом: удалось добыть зайца и оленя. Горы могут досыта накормить того, кто разгадает их секреты. Ахмет превратился в бывалого горца и выглядел соответственно. Натыкаясь на горячие источники, он подолгу плескался в них, и это позволяло ему сохранять человеческий облик.

Ахмет уже решил, что безнадежно заблудился в этой каменной пустыне, и лишь упорство заставляло его продолжать путь на восток в надежде наткнуться на верховье какой-нибудь реки: он знал лишь этот ориентир, который может помочь ему добраться до Кабарды. Однажды, проехав небольшую высокогорную рошу, Ахмет оказался на каменистом плато, огибающем большую белую скалу. Справа возвышалась неприступная стена, слева сияла бездонная пропасть. Он поехал дальше. Тропа Сузилась и внезапно кончилась небольшой террасой под нависающим мощным утесом, вершина которого терялась в снегах. Наконец Ахмет почувствовал, что находится где-то около долгожданных гигантских гор, но где же Эльбрус? Кое-где виднелись более высокие вершины, чем та, у которой стоял Ахмет, но ни одна не походила на двуглавый Эльбрус.

Казалось, пелена тумана и облака, стелящиеся внизу, отделяли Ахмета от грешной земли. Больше часа простоял он на террасе, из-под ладони озирая окрестности воспаленными глазами, пытаясь разглядеть реки далеко внизу. Но взгляд его различал лишь бескрайние облака и туманы, в Просветах между которыми можно было увидеть - только густые леса и белые утесы.

Прошло еще две недели. Ахмет осторожно ехал вдоль покрытого льдом горного кряжа. Он привычно тянул шею вверх, высматривая вершины, царящие над облаками в своих снежных покровах. Ничего. Ничего. Яркий блеск ослепил его, и он, зажмурившись, на секунду опустил глаза вниз - и не сразу даже понял, что сверкающая на солнце лента, змейкой вьющаяся влево и вправо к северу от кряжа, вовсе не лед, а незамерзающий поток. Река.

«Должно быть это Баксан... Нет, наверное, это Терек... Я миновал Эльбрус, даже не заметив его! Терек! Я добрался!»

Ахмет вдруг почувствовал, как он сильно измотан. Он позволил кобыле самой выбирать путь. Дорога, покрытая ледяным настом и каменными россыпями шла теперь только вниз. Потом пошли колючий кустарник, какая-то острая трава, и, наконец, со всех сторон зашелестел лиственный подлесок. Здесь снег уже таял и в воздухе разносились ароматы весны.

, Внизу, в долине реки, снег лежал небольшими островками, будто белые облака на зеленом небосводе. Ахмет спускался вниз, в предгорья, и чувствовал, как в него вливается бодрость и возвращается надежда.

Вдруг раздался выстрел. В этой тишине он был подобен взрыву. Как мог забыть он наказ мудрого имама помнить об осторожности! Конечно, нельзя было так забыться и расслабиться. Ахмет собрал волю в кулак и приготовился достойно встретить любую опасность. Он натянул повод, кобыла поднялась на дыбы, и наш герой осторожно посмотрел вперед.

Он увидел хорошо наезженную дорогу. На повороте, в четверти версты от него, два здоровенных казака вытрясали душу из молодого горца. Тот неподвижно лежал на земле, а тяжелые сапоги казаков молотили его по ребрам и животу. Один из казаков нагнулся и стащил с жертвы толстый кафтан: они любили трофеи. Рядом находилась повозка горца, запряженная волами. Волы равнодушно стояли в упряжке, а казацкие кони безразлично пощипывали траву на обочине. .

Однако кобылка Ахмета быстро сообразила, что к чему. Кару не пришлось даже прищипывать, она сама рванулась вперед изо всех сил. Этот рывок был таким стремительным и органичным, что Ахмет, подскочив в седле, легко, одним движением руки, выхватил свою большую черкесскую саблю и налетел на казаков прежде, чем они успели издать хоть звук или обернуться. Со всей накопившейся яростью Ахмет опустил саблю на голову первого из гяуров. Кровь хлынула из его шеи так сильно, что даже забрызгала Кару. С разгона Ахмет проскочил далеко вперед и, поэтому, пока он разворачивался, второй казак успел подобрать ружье и зарядить его.

Тут Ахмету пригодился весь опыт, полученный за годы тренировок. Он обхватил ногой высокий валик впереди седла и сильно выгнулся, держа саблю, как пику в стальном кулаке. На второго врага он обрушился словно дьявол, несущий смерть. Казак упал Навзничь, широко раскинув руки. Ахмет с налету спрыгнул с седла прямо на казака и вонзил ему клинок в живот.

Ему стало жарко. До этого он умирал от холода, а теперь ледяных смертоносных месяцев как будто и не было. Сердце Ахмета победно стучало в груди. Он стоял над поверженными гяурами, и его душа освобождалась от горечи и злобы. Ему довелось убить впервые, и он не подозревал даже, что при этом можно одновременно чувствовать и торжество и отвращение. Вид мертвых тел, раскинувшихся на земле, вызывал у юноши почти тошноту.

Ахмет вдруг заметил свою шапку, которая валялась рядом, подобрал ее, отряхнул от грязи и надел. Тот, кого били казаки, лежал неподвижно и, возможно, тоже был мертв. Какая все-таки страшная вещь - смерть. Ахмету вдруг стало трудно стоять, ноги задрожали. Он опустился на колени перед избитым. Глаза того были закрыты, Ахмет прислонил ухо к его груди и с облегчением услышал ровный стук сердца.

Но что делать? Ахмет поднял горца и положил в Повозку. Затем вернулся и подобрал кафтан, который казаки стянули со своей жертвы, и только тут заметил лужу крови там, где лежал спасенный им человек. Выстрел, который он слышал, нашел свою цель - пуля угодила в плечо этого горца. Он схватил кафтан и поспешил к повозке, плотно завернул пострадавшего, чтобы тот не замерз. Однако рану нечем было перевязать. Раздумывать было некогда: кроме этих двух, наверняка неподалеку были еще казаки. Самым благоразумным было убираться отсюда, да побыстрее.

После стольких недель одиночества Ахмет вдруг оказался в гуще событий. Все происшедшее наполнило его душу, чувство удовлетворения сняло накопившееся напряжение. Он радовался, что наконец-то смог отомстить врагу. Ахмет свалил тела казаков в повозку и как следует прикрыл своей буркой. Сорвав пучок веток, старательно вытер кровь с повозки: она уже стала свертываться в сухие темные лепешки, которые могли вызвать подозрения у казаков. Это заняло немного времени.

Привязывая кобылу к задку повозки, Ахмет услышал какой-то шорох. Сердце его упало. Показалось, что рука одного из казаков тянется, чтобы схватить его за горло. Нет, это раненый горец пытается поднять голову. Ахмет подошел к нему, и человек благодарно улыбнулся.

- Ух...ух..., - он пытался что-то сказать, но кашель мешал ему. Паренек откинулся назад, и Ахмет заметил темную кровотокающую рану у него в плече.

- Не пытайся говорить, только подай знак: ты

- адыг?

Лицо незнакомца было очень бледным. Он вряд ли понимал, что ему говорят. Его глаза, казалось, пытались разглядеть Ахмета, чтобы понять, друг это или враг. Ахмет осторожно взял его за руку. Давно замечено, что в минуты особого нервного напряжения люди, выражая свои чувства без слов, по интонации понимают друг друга.

- Не волнуйся, друг. Я с тобой.

Раненый затих, и Ахмету показалось даже, что он потерял сознание, но тот опять попытался что-то сказать, и снова безуспешно.

Ахмет не мог больше терять времени. Нужно было замести следы. Он поднес палец к губам раненого.

- Молчи. Просто кивай, если поймешь меня,

- сказал Ахмет, крепко сжимая руку горца и как бы вливая в него свои силы. Тот вновь попытался говорить, но слова его были невняты. Ахмет покачал головой. Так ничего не добиться. Ш?

- Я не понимаю тебя. Нам нужно выбираться отсюда. - Ахмет безнадежно глянул по сторонам.

- Куда ехать: вверх или вниз по дороге? Где твоя деревня? Аул, аул... где?

Глаза незнакомца выражали страдание. Он попытался, поднять руку.

- Аул, аул? - повторял Ахмет.

Человек кивнул и слабо улыбнулся: по крайней мере, одно слово он разобрал - «аул». Его рука с трудом приподнялась и указала вверх по дороге.

Ахмет присел на край повозки, взял поводья. Нужно было ехать как можно быстрее, но тогда будет такая тряска, которой раненый не выдержит, истечет кровью и умрет. Впрочем, даже если он привезет домой бездыханное тело, семья погибшего будет вечно ему благодарна. Так, по крайней мере, принято у адыгов: для любой семьи самая большая трагедия - невозможность похоронить усопшего родственника по всем обрядам.

Ахмет вдруг подумал, а что происходит в таких случаях в казацких семьях? Есть ли у них подобные заботы? Он глянул через плечо. От тряски бурка соскользнула с одного из трупов. Теперь казак вовсе не казался врагом, он даже не походил на человека: просто что-то багрово-черное. Это даже нельзя было сравнить с охотой - ведь убитый зверь кормит все племя. Ахмет поправил бурку и прикрыл мертвеца.

Волы брели привычным шагом, не замедляя и не ускоряя движения. Они прекрасно знали дорогу домой. Ахмет вздохнул с облегчением, когда они свернули с основной дороги, однако повозка тут же нырнула в какую-то яму и раненый застонал.

- Погоди, погоди. Почти приехали, - приговаривал Ахмет, нервно подстегивая волов.

Упряжка долго пробиралась сквозь кустарники, хрустя щебнем, пока, наконец, взору Ахмета не предстала панорама плодородной долины меж Двух горных пиков. У въезда в нее, словно часовые, высились великолепные грабы. В долине приютилась небольшая, словно игрушечная, горная деревушка с ее дымками над крышами и музыкой звуков обыденной жизни: детского смеха, блеяния коз, постукивания деревянных ступок, в которых женщины растирали кукурузные зерна. Хижины из камня, крытые соломой, островки снега на площади, девочка в меховой одежде, развешивающая белье, вздорная собачонка, путающаяся под ногами.

Однако эти люди не были так гостеприимны, как радушные бжедуги. Ахмет уловил враждебность, которая буквально наполняла воздух. От дурных предчувствий лицо его омрачилось, сердце замерло. Здесь жили смуглые узколикие люди, чьи блестящие черные глаза смотрели на Ахмета подозрительно. Женщины загоняли детишек домой, а греющиеся на солнышке старики с трубками поднялись и молча наблюдали за ним.

Двое молодых парней направились к повозке, расчехляя на ходу какие-то старинные турецкие ружья и зловеще клацая затворами. Еще несколько мужчин вышли из домов вооруженные, с саблями, пистолетами и кинжалами, предназначенными явно для Ахмета.

Ахмет сидел спокойно с поводьями в руках. Немного погодя, обернулся к раненому, но тот был плохим помощником. Трупы казаков были скрыты буркой, зрелище не из приятных. «Какой-то парень вскочил в повозку и увидел раненого. Он что-то крикнул, как понял Ахмет, это было имя пострадавшего:

- Хамзет!

Все вдруг заговорили, мужчины и женщины ринулись к повозке. Один из них забрался в нее и приложил ухо к груди Хамзета. Другой, свирепого вида мужчина, размахивая охотничьим ножом, что-то сердито выкрикивал. Раненого бережно вытащили из повозки. Нашли казаков, и это тоже вызвало общий переполох. Ахмет только хотел было рассказать о случившемся, как чьи-то сильные руки грубо вытащили его из повозки и бросили на землю, а у горла он почувствовал нож. Если б даже Ахмет и попытался сказать хоть слово, горло у него было бы перерезано.

Над площадью раздался зычный голос. Фигура говорившего виднелась в дверях того дома, куда внесли Хамзета. Краем глаза Ахмет разглядел старца, одетого в длинный темный халат муллы. Слава Богу, появился старший...

Нож убрали от горла. Ахмет глотнул воздуха. Но тут же по приказанию пришедшего ему завернули руки за спину, а кисти свернули веревкой. Затем прямо по земле поволокли к другой каменной постройке.

- Адыги! Я кабардинец! Послушайте, я не враг вам! Клянусь, что я помог вашему односельчанину!

Однако окружающие были совершенно равнодушны к его словам. Мулла тоже не обратил на них никакого внимания и снова ушел в дом. Открылась маленькая дверь в стене, и Ахмета толкнули куда-то головой вперед. Он здорово ушиб плечо, падая на груды глиняных кувшинов.

- Черт побери, надо было оставить его умирать! - в сердцах воскликнул Ахмет и яростно лягнул горшки. Инстинктивно он стал осматриваться по сторонам в поисках хоть лучика света и струйки свежего воздуха, прикидывая, нельзя ли попробовать бежать. Вскоре глаза привыкли к темноте и он понял, что находится в сарае, служащем зимой кладовкой, полном кувшинов и каких-то засаленных мешков. В углу сочилась вода, образуя темную вонючую лужицу.

Ахмет замерз. Его бурка осталась в повозке. Чтобы согреться, он топал ногами и толкался плечами в стену, обрушивая все мыслимые проклятия на головы жителей этой

деревни. Неужели он перенес столько лишений в своих скитаниях только для того, чтобы ему перерезали глотку в какой-то горной деревушке... И его семья никогда не узнает о его судьбе, и не прочитают молитву над его могилой. Со смешанным чувством печали и удовлетворения Ахмет вдруг понял, как дороги ему эти привычные ритуалы. Стремление жить по законам своего Хаоза победило чувство ожесточенности и злобы.

Казалось, он целую вечность провел в темном углу, иногда приседая на корточки или прохаживаясь по сараю, чтобы разогнать кровь в жилах, шепча при этом то крепкие ругательства, то короткие молитвы.

Вдруг щелкнула задвижка и дверь отворилась. Ахмет зажмурился от яркого солнечного света. Вошел высокий, приятной наружности человек в черкесской шапке, отороченной лисьим мехом. Он держался с важностью человека, облеченного властью.

- Брат..., ты адыг? Ты понимаешь меня? Он говорил по-кабардински! Ахмет вздохнул с облегчением. Он не верил своим ушам: незнакомец говорил на его родном языке!

- Я... да... Я адыг, слава Богу... Я не слышал своего языка уже недели, месяцы..! Я Ахмет с Кубани.

- А меня зовут Мурад. Я кабардинец с Терека. Сожалею о том, что здесь произошло. Ошибка выпит. Давай скорее покинем это ужасное место.

Ахмет, спотыкаясь, вышел из чулана вслед за своим спасителем. На площади стояла толпа селян, смотревшая на Ахмета с прежней подозрительностью. Мурад начал им что-то быстро говорить на том же гортанном наречии, которое Ахмет слышал из уст раненого казаками парня.

Мурад, очевидно, был старше его, по крайней мере лет на пять-шесть, и вел он себя без бравады, как Гази. Все говорило о том, что этот человек рожден повелевать, а кроме того, это был один из самых красивых мужчин, которых Ахмет когда-либо видел: светлокожий с карими глазами, высокий, как и все адыги, но не такой коренастый, как Гази, стройный, с сильным тренированным телом. Его голос был самым благозвучным из всех голосов, что мог припомнить Ахмет. Его удивляло, что такой человек находится здесь, в этой бедной деревушке. Ему бы восседать среди шелковых подушек на кабардинском военном совете, а не командовать этой кучкой вооруженных людей.

Вперед вышел тот самый парень со злым лицом, который приставлял нож к горлу Ахмета, и тем же ножом разрезал путы у него на руках. При этом он слегка ткнул Ахмета своим кама в живот, как бы показывая, что еще не полностью доверяет ему.

Мурад, однако, не обращал внимания на эти проявления враждебности и представил Ахмету этого и еще одного молодого воина, примиряющее простирая руки.

- Эти двое - сыновья старейшин нашей деревни. Познакомься: Куэр и Арсби. Ты среди чеченцев...

Чеченцы! Как же он сразу не догадался! Это самый горячий и независимый народ среди горцев. Местность, где они жили, была покрыта густым лесом и, как рассказывали старинные предания адыгов, в этих лесах обитали многие их боги и богини. Так что ему еще повезло, он легко отделался.

Мурад заметил признательность в открытом взгляде Ахмета.

- Эти парни просят извинить их за их поведение. Ты знаешь, чеченцы очень круты нравом... Тот, кого ты спас - единственный сын муллы. Представь себе их гнев, когда они увидели его в таком состоянии...

- Да, я чудом остался жив! - Ахмет, растирая затекшие кисти, улыбнулся Куэру и Арсби, стараясь вложить в эту улыбку и благодарность, и почтительность. - Еще немного и они покончили бы со мной.

- Раненый Хамзет пришел в себя и рассказал отцу, что произошло. Старый мулла лично хочет поблагодарить тебя.

Мурад повел Ахмета через деревенскую площадь, рассказывая, что он сам живет в другой деревне, и его позвали как переводчика, на случай, если он, Ахмет, действительно окажется адыгом.

- Но я не могу предстать перед муллою в таком виде, - прервал его, останавливаясь, Ахмет. На его черкеске темнели пятна казачьей крови, а волосы были спутаны после долгих недель блуждания в горах. - Чеченцы любят бороды, но людям будет неприятно смотреть на меня, - заключил Ахмет, проводя ладонью по заросшему подбородку.

Мурад понимающе улыбнулся. Истинные кабардинцы чтят общепринятые вкусы. Впервые за многие годы Мурад почувствовал теплоту родственной близости рядом с этим заросшим парнем. Он по-чеченски отдал Арсби какие-то распоряжения, затем обратился к Ахмету:

- Я, велел ему отвести тебя в дом родственников своей жены. Они хорошо примут тебя. Туда же я попросил отнести и твои вещи.

Вскоре Ахмет очутился в хорошем каменном доме, строители которого не пожалели труда. Самые младшие члены семьи принялись прислуживать ему. Паренек лет четырнадцати принес ему бритву, турецкое зеркало, кувшины с водой. Ахмет разделся и вымылся как следует. Теперь без этой грязи, от которой зудит все тело, и колючей щетины он чувствовал себя прежним Ахметом.

Какая же это все-таки радость - жить! Как здорово, когда у тебя упругая кожа и стальные мускулы, окрепшие в многонедельном трудном переходе. Ахмет выпрямился, ощутив мощь своего молодого тела - свободного, свежего и здорового, и нырнул в чистый халат.

Тут он заметил красивую сероглазую девушку, ожидающую у дверей со свежим бельем в руках. Его дорожные сумки были раскрыты и она с любопытством рассматривала искусное золотое и серебряное шитье на его черкеске и кафтане - в каждом племени женщины по-особому ткали материю и украшали шитой каймой одежды своих мужчин.

Она взглянула на Ахмета с интересом, как будто хотела спросить: «Кто же вышил все эти узоры для тебя, симпатичный адыг? Твоя мать, сестра или, может быть... возлюбленная? Хотела бы я знать!»

Их глаза встретились и остановились друг на друге. Однако девушка не покраснела и не отвела взгляда, как он ожидал. Адыгская женщина никогда бы не посмела смотреть вот так прямо в глаза молодому мужчине. Девушка улыбнулась так очаровательно искренне, что сразу поразила Ахмета прямо в его измученное сердце. На ней было простое платье и безрукавка из овчины, голова непокрыта. Возможно, присутствие ее младшего родственника, державшего зеркало, придало ей больше храбрости, но Ахмет предпочитал думать иначе. Скорее всего, чеченские девушки из знатной семьи имели больше свободы, чем кабардинские. Но это были только догадки. Ахмет был в незнакомом краю и местные обычаи были ему неизвестны.

Они не могли даже поздороваться, но глаза и жесты заменяли им язык. Девушка раскинула его одежду на подушках низкого диванчика, осторожно разгладив полы кафтана нежной рукой. Она вела себя так, как будто была одна, хотя прекрасно понимала, что Ахмет внимательно следит за каждым ее движением. Вот она Ловкими пальцами приподняла вышитый ворот. Этот жест был таким женственным и невинным, безо всякого следа кокетства, что настал черед покраснеть самому Ахмету.

Он был смущен. Сколько раз девушки обслуживали его в домах соплеменников! Но никогда еще у него не возникало при этом таких запретных желаний.

Эта девушка, казалось, олицетворяла собой свет и свободу: светлые серые глаза, толстая коса, бегущая по спине, грациозные движения рук и стана, когда она гибко наклонялась и выпрямлялась. Все это длилось несколько секунд, но Ахмет почувствовал, что это были, может быть, главные секунды в его жизни... Он влюбился. Девушка вышла из комнаты. Ахмет закончил свой туалет: расчесал бороду, втер смягчающее масло в кожу лица, огрубевшую от непогоды, а волосы слегка смазал душистой восточной помадой. Аромат мускуса и гвоздики привел его в еще большее смятение. Слишком много выпало

сегодня на его долю... Битва, плен, встреча с соплеменником и, наконец, эта девушка, пробудившая в нем желание.

Давно уже в жизни Ахмета не было нежности. Пятилетним его увезли из дома, и его воспитанием занялся аталик. Столь важным лицом - воспитателем и учителем - был выбран его дядя, горский князь. Этот аталик, которому было уже за семьдесят, вставал до рассвета, купался в ледяном ручье и объезжал лошадей наравне с молодыми мужчинами своего племени. У него Ахмет обучился секретам боевого искусства и мастерству верховой езды, стойкости и выдержке, умению владеть собой.

Обычай подбирать аталика - воспитателя для мальчика - был столь же древним, как и народ адыгов. Цель тут была двойной. Во-первых, расширялись родственные связи между разными ветвями племени. А во-вторых, для людей постоянно, ритуально участвовавших в войнах, это была полезная дипломатическая практика. Участие в войне для адыгов было почти ритуалом, спортивным состязанием, просто образом жизни.

Однако с началом российской экспансии, проводимой с помощью казаков, обычай отдавать мальчиков аталикам получил у адыгов и другую функцию. Мужчины-воины из всех деревень могли быть в постоянной готовности к войне, не беспокоясь о судьбе своих сыновей.

Можно представить себе, как мать и бабушка Ахмета страдали от разлуки с ним, но все адыгские женщины знали, что без таких жертв племени не выжить. Всего два года назад Ахмет вернулся в родную деревню смелым и сильным воином, причем он был привязан к женщинам из своей семьи еще сильнее от того, что не вырос на их руках. Особенно сильно он любил Афуасу за ее ум, сильный характер и острый язычок. Это была женщина, достойная обожания.

Ахмет накинул бурку на плечи, как будто стараясь спрятать в глубине ее складок мучительные воспоминания о прошлом. Они, должны, наконец, уйти в тень. После, сегодняшней смертельной схватки ему особенно захотелось обрести душевный покой и начать новую жизнь.

Паренек проводил его до дома муллы. У дверей ждал Мурад.

- Кровь у них вскипела, - тихо сказал он. - Казаки зашли слишком далеко. Думаю, сегодня мы решим, как отомстить им.

Убранство дома с его многочисленными подушками и весьма искусно вытканными коврами было достаточно богатым, но здесь отсутствовали те изящно сработанные атрибуты войны, которые Ахмет видел у бжедугов. Все здесь дышало строгостью, сочетавшейся с глубокой религиозностью хозяина.

Старик мулла оказался человеком с плотной фигурой, возраст его было трудно определить из-за ниспадающей седой бороды. Глаза у него сверкали, но все движения крупного тела были неспешными и осторожными. Остальные старейшины деревни располагались по старшинству возле него. Был тут и Хамзет, он лежал на подушках и был очень бледен. Старики с жаром что-то обсуждали, а мулла сидел отстраненно, полуприкрыв глаза и беззвучно шепча в бороду свои молитвы.

Как только Мурад и Ахмет вошли внутрь, все присутствующие вдруг замолчали и встали, приветствуя гостя, спасшего жизнь Хамзету. Ахмет заметил, как изменилось их отношение к нему, особенно сейчас, когда он предстал перед ними в облике кабардинца благородных кровей. Однако Куэр и Арсби, по-видимому, были иного мнения: они стояли за спинами старцев и взирали на Ахмета с явным недоброжелательством.

Мурад заговорил по-чеченски, затем переводил Ахмету. «Это наш друг Ахмет. Он кабардинский черкес и едет с Кубани на восток». Ахмету пришлось выдержать пожатия множества крепких, способных расплющить ладонь, рук. Мурад говорил спокойно, переводил почти без заминок.

- Я объяснил ему, что произошла ошибка. Он не таит на нас никаких обид.

Мурад посадил Ахмета рядом с собой.

Вперед выступил какой-то гигант в черной одежде и начал яростно говорить, обращаясь к Мураду и хлопая себя руками по коленям.

- Он говорит, что это большая редкость, когда кабардинец оказывается в наших краях, и что нам очень повезло.

Ахмет еле сдержал улыбку, глядя как этот человек руками выражает свои чувства.

Завязался общий разговор. Постепенно Ахмет начал привыкать к звукам чеченской речи и улавливать общий смысл беседы: речь шла о том, как прикончить побольше гяуров.

Мулла произнес благодарственную речь. Ахмет встретился взглядом с Хамзетом. Тот кивнул головой в знак согласия и признательности.

- То, что ты совершил сегодня, Ахмет, делает честь твоему племени. Мулла просит тебе это передать. И я сам очень рад помочь своему соплеменнику-кабардинцу.

Мурад скользил взглядом по присутствующим, рассказывая о них Ахмету.

- Вот этот мужчина в черной бурке... его зовут Эльдар. Это отец Куэра. Однажды я видел, как он на полном скаку спрыгнул на землю, вонзил нож в казака и затем вновь вскочил в седло, не сбавляя хода... Вон тот другой, - Мурад указал на седобородого старца, - это наш связной с турками, один из лучших добытчиков оружия, А тот, лёт тридцати, с кротким лицом, который так внимательно слушает муллу, один из наших лучших разведчиков. Его зовут Ати. Он свободно говорит по-русски и смело разгуливает по ближним станицам, принимая разные обличия. Он раз как-то даже притащил несколько ружей, украденных им у русского квартирмейстера в Кизляре!

- Я не думал, что казаки проникли так далеко, - заметил Ахмет.

- В общем, нет, пока не проникли. Они плохо воюют в горах, а чеченцы ловки и стремительны, как козы. Гяурам никогда не удастся покорить Чечню. Пусть только попробуют - для них это будет бесконечная изматывающая война!

Ахмет взглянул на лица сидящих в комнате, которые еще так недавно казались ему чужими и враждебными. Мурад помог ему лучше понять достоинства этих людей. Внешняя свирепость лишь скрывала глубокое чувство гордости и национального достоинства. Их не сложно было возбудить, они легко брались за оружие для Кровавой мести, но Ахмет чувствовал, что, если уж чеченцы посчитают его другом, он может надеяться на них до конца жизни.

Хамзета в десятый уже, наверное, раз просили повторить историю о нападении казаков, но он только махнул рукой, сказав, что не в силах и что хочет только подкрепиться мясом и побыть со своим спасителем. Бледность его была вызвана сильной потерей крови.

Подали мясо дикой козы - чеченский деликатес - тушенное со специями, маринованные огурцы, кабачки, фаршированные рисом, и клецки из теста. Все эти блюда были незнакомы Ахмету, он попробовал и нашел еду очень вкусной. Он спросил Мурада, что это за клецки с таким странным вкусом, и тот объяснил, что это национальное чеченское блюдо - гелниш. Подошли молодые женщины, неся кувшины с фруктовым соком и чем-то наподобие бахсимы - пенистым налитком для стариков."

Вдруг Ахмет увидел, что она, девушка с серыми глазами, стоит перед ним. Низко наклонясь, наполнила она его чашу до краев. Пальцы их слегка соприкоснулись. Ахмет тут же потерял контроль над собой и густо покраснел.

- Остры же приправы в этой еде..., - пробормотал он в сторону Мурада, который зорким взглядом, конечно же, уловил эту вспышку любовного огня.

Мурад слегка улыбнулся:

- С этими людьми я живу уже около трех лет. Женился на девушке из этой деревни. Двое маленьких детей. Девушки здесь замечательные, и намного независимее наших.

Ахмет рассеянно слушал Мурада. Его взгляд невольно скользил за девушкой по всей комнате, и он заметил, что она что-то довольно фамильярно шепнула на ухо мулле. Тот покровительственно держал ее за руку и затем взглянул на Ахмета, слегка со щурясь.

Это тоже не ускользнуло от внимания Мурада. Кстати, о дипломатии: он знал, что мулла скоро попросит его поделиться впечатлениями об этом молодом незнакомце. Надо побольше узнать о нем.

- Мы оба оказались далеко от дома, - начал он.

- Да, оказались. А почему ты решил жить здесь? Кабарда далеко отсюда? - спросил Ахмет.

, - Не так уж далеко. Три дня пути. А почему... Это долгая история, расскажу как-нибудь потом. Скажу только одно: я здесь обрел свое счастье. Это чудесные люди, Ахмет, думаю, ты это и сам поймешь...

- Они, конечно, совсем другие... - неуверенно сказал Ахмет.

- У них такие же Хабза, как и у нас. Но нет князей. Всегда есть глава верующих, вроде муллы.

- В этих горах много чеченцев?

- Да. Возможно столько же, сколько всех кабардинцев. Таких деревень, как эта, здесь сотни. Есть и большие города, как Кизляр.

Ахмет едва его слушал. Девушка вышла из комнаты, и ему показалось, что она сразу опустела.

- Говоришь, нет князей? Но если это так, кто же возглавляет народ и объединяет его своей властью?

- Они ненавидят гяуров. Это их объединяет. Мурад не стал пускаться в долгие объяснения,

умолчал он и о грандиозном восстании, которое, как он знал, было уже близко. Его молодому другу сейчас было явно не до политики.

Девушка вернулась, неся медовые пироги. Ставя блюдо перед Ахметом, она повернула его так, чтобы самый большой кусок оказался ближе всего к гостю, Ахмет взял его и пробормотал благодарность.

Как вспыхнули ее глаза, когда она услышала его! Ахмет надеялся, что его голос прозвучал довольно зычно, хотя здесь ему до Мурада было далеко, речь того лилась как мед. Ахмет даже начинал ревновать, ведь красноречие среди адыгов считалось одним из главных достоинств мужчины. Рядом с Мурадом он чувствовал себя таким молодым и зеленым. Что он мог предложить? Ничего. У него не было ни дома, ни земли. Ничего. -

Мурад повернулся к мулле, тот что-то спрашивал у него. Между переменами блюд Мурад удовлетворял его любопытство, выступая в качестве посредника между старцем и гостем. Таким образом он узнал о жизни Ахмета на Кубани, его встрече с бжедугами и намерении добраться до Великой Кабарды.

- Дорогой, да будет тебе известно, что ты здорово заплутал в горах и «промахнулся» мимо Кабарды самое малое на три дня пути, - сказал Мурад. - А кроме того,, ты пересек землю осетин.

Ахмет хлопнул себя по лбу.

- Я так и думал! Несколько раз я попадал в сильную метель, запасы кончались, и, должен признаться, положение мое было отчаянным. Не встретил я и осетин. Два дня назад я увидел внизу длинную извилистую реку, бегущую с гор на север. Что это за река?

- Должно быть, наш кабардинский Терек. Он начинается в горах к востоку отсюда. Те горы, где мы находимся сейчас, называются Хахалки.

Терек... Он проехал Эльбрус^

- Значит, будет несложно отыскать его и держаться горы до самой Кабарды, - сказал Ахмет.

- Не так просто, как ты думаешь. Ты спустился с гор, и теперь тебе придется подниматься снова, а тут легко заблудиться. Кроме того, Ахмет, давай не будем пока говорить о твоём отъезде...

Мурад наклонился ближе и указал куда-то глазами. Ахмет повернулся туда и увидел, что сероглазая Девушка и ее подруги стоят у двери, выжидательно глядя на них. Мурад

знал, что у них на уме, то же самое проделала когда-то и его будущая жена. Они ждали, что под каким-нибудь предлогом отъезд будет отложен и им удастся побольше выведать о «красивом незнакомце».

Ахмет усердно принялся за еду, стараясь сохранять независимый вид. Мурад довольно хмыкнул:

- Ты ведь только приехал. Воспользуйся гостеприимством чеченцев... и, кто знает, может быть тебе здесь очень даже придется по вкусу...

Ахмет задумался над словами Мурада. Было бы странно, если б из всех этих мест он выбрал именно это. Жизнь чеченцев среди этих неприступных гор была так непохожа на размеренное бытие на спокойных кубанских равнинах. Деревушка примостилась под боком гигантских скал, которых он так опасался после долгих приключений в ледяном безмолвии. Но здесь между людьми царил истинный дух товарищества безо всяких там формальностей и церемоний. Это очень нравилось Ахмету. Для начала ему хотелось сойтись поближе с Куэром и Арсби, чтобы заставить их уважать кубанского адыга. И им, конечно же, было плевать на титул бесланеевского уорка как зятя его, семейства. У чеченцев авторитет не получают по наследству, а завоевывают.

Мулла поднялся и начал приветственную речь в честь Ахмета. Мурад переводил:

- Он хочет преподнести тебе особый подарок в благодарность за все, что ты сделал. Этот подарок сейчас находится на пути из Персии. Через несколько дней он будет здесь, поэтому я прошу тебя погостить до этого времени.

Мулла продолжал говорить. Мурад тепло улыбнулся Ахмету:

- Он говорит как раз то, что я и сам хотел тебе сказать. Стань Одним из нас, как это сделал я. Он даст тебе землю и скот - хорошее начало: Ты спас жизнь его сына и он не может предложить тебе меньше...

По комнате прокатился радостно-удивленный шепот. Гигант в черной бурке вскочил, схватил Ахмета, приподнял и прижал к могучей груди в порыве возбуждения. -

Мурад выручил Ахмета:

- Это их Хабза. Скажи, по крайней мере, что обдумаешь это предложение.

- Я даже больше скажу, - с готовностью отозвался Ахмет. - Пожалуйста, передай мулле, что я благодарю его за такую щедрость, которую только у народов великого Кавказа и можно, встретить, и я с радостью останусь здесь погостить и как следует обдумаю его отеческое предложение.

Пока Мурад переводил его слова (говорил он гораздо дольше, поэтому Ахмет решил, что Мурад от себя добавляет многочисленные цветистые комплименты), Ахмета окружили чеченские старцы, каждый из которых хотел что-то добавить ко всему сказанному муллой. Поверх их голов Ахмет пытался разглядеть девушек и понять, слышали ли они эти речи. Наконец, он заметил две прелестныеготовки, мелькавшие в проеме двери, где-то на улице. Девушки радостно кружились, обхватив руками шеи друг друга... Мурад освободил Ахмета от новых крепких объятий:

- Тебе нечего оставаться в этой деревне. Переезжай ко мне, будешь моим гостем. Если согласен, я попрошу об этом муллу.

Ахмет кивнул. Это как раз соответствовало его планам. Он мог наилучшим образом использовать Мурада как посредника для общения с родными той девушки, которую он полюбил. Это было в лучших традициях адыгов - сохранять дистанцию и предоставить посланнику торить дорожку к заветной цели. Мурад, безусловно, пользовался авторитетом среди черкесов. Ахмет не мог и желать лучшего поверенного для своих сердечных тайн, чем этот статный, исполненный достоинства, человек.

Слова Мурада были встречены всеобщим одобрением. Подмигнув, он объяснил Ахмету:

- Я растолковал им, что из-за незнания языка тебе лучше остановиться у меня.

В одно мгновение столы были убраны. С улицы доносилось радостное пение женщин и вскоре старики и их молодые родственники-мужчины расселись в комнате,

образовав круг, и стали ритмично хлопать руками в ладоши. Потом появились несколько молодых женщин, которые образовали еще один круг внутри первого. Молодой Арсби прыгнул в середину. Куда подевались сурово сведенные брови и жесткая складка у рта того человека, который еще недавно скручивал руки Ахмету. Теперь его глаза светились теплом от радости танца. Ноги его были обуты в черные черики из мягкой кожи без подметок - это делалось специально, чтобы лучше удерживать ногами лошадь и чтобы вот так легко лететь в танце.

Высоко подняв голову и выпрямив спину, Арсби кружил перед девушками, уговаривая по очереди сплясать с ним. Сероглазая девушка с улыбкой отказалась, а ее подруга с готовностью ступила в круг. Две молодые гибкие фигуры кружились, отбивая ногами невообразимую дробь, девушка более сдержанно, а Арсби гарцевал, как боевой конь. С удовольствием Ахмет отметил, что чеченские танцы не очень отличались от тех, которые плясали у него дома.

Все присутствующие дружно хлопали в такт танцующим, отбивая ритм шикапшина. Ахмет поискал глазами сероокую горянку. Она улыбнулась, и мысль, что она хочет танцевать только с ним, не показалась ему такой уж безумной.

Было уже совсем поздно, когда Ахмет отправился на покой в дом родственников жены Мурада. Двоим мужчинам было слишком опасно добираться до деревни Мурада ночью, учитывая нынешнее положение в этих местах. После пропажи двух казаков из станицы внизу на равнине, наверняка вышлют отряды карателей, которые не дадут чеченцам покоя до тех пор, пока не освободят своих солдат или не найдут их тела.

Ахмет не надеялся на хороший сон после всего, что случилось за этот долгий и трудный день: голова буквально гудела от впечатлений. Однако мягчайшие пуховые подушки и одеяло из овчины сделали свое дело...

Рано утром Мурад разбудил его.

- Хамзет хочет поговорить, с тобой до нашего отъезда. Я помогу тебе, пошли.

Мужчины пересекли площадь перед домом муллы. Еще до рассвета жители чеченской деревни были уже на ногах. Ахмет слышал мелодичные звуки азана, которым мулла сзывал всех на утреннюю молитву. Люди спешили, на ходу приветствуя друг друга, и Ахмет отвечал на приветствия вроде «добрый день» и «хвала Аллаху» на их собственном диалекте, как Научил его Мурад.

Хамзет выглядел бледным и слабым, но жара у него не было. Состояние его было не из легких, но он уже мог обойтись без постоянного присмотра. Он показал Ахмету швы на спине.

- Чистая работа, - оценил Ахмет. - Кто лечит тебя здесь?

, Мурад перевел.

- Был тут один туркмен, который годами ездил по этим горам. У него был дар лечить - от Бога. Причем безо всяких заклинаний, никакого колдовства, как у многих здешних странствующих лекарей. С тех пор, вот, женщины наши справляются.

- Моя мать, да упокоит Бог ее душу, тоже исцеляла всех в деревне. Ничего, Хамзет, теперь ты пойдешь на поправку.

Ахмет протянул руку,, и раненый с чувством пожал ее в знак признательности. Он улыбнулся - и тут Ахмет заметил поразительное сходство: те же светло-серые глаза, те же шелковистые каштановые волосы. Человек, спасенный им, был братом девушки, которую он полюбил.

- Дочь муллы..! - Ахмет непроизвольно высказал вслух свою догадку. Но получить такую девушку в жены можно было только за огромный выкуп.

Мурад засмеялся:

- Так я и думал! Сестру Хамзета зовут Цема. Я заметил, как ты смотрел на нее вчера вечером. Она чудесная девушка.

- Цема.., - задумчиво произнес Ахмет.

Услышав имя своей сестры, Хамзет весь напрягся, приподнялся над подушками, не выпуская руки Ахмета. Многозначительно посмотрел на Мурада, как бы умоляя его объяснить чужаку чеченские обычаи. Ведь он искренне полюбил Ахмета и хотел видеть его среди своих друзей. Мурад понял это-

- Среди этих людей будь особенно осторожным и щепетильным в делах сердечных. Ты шапку уронишь, а они обидятся. Какие они горячие, ты сам знаешь, - мягко заметил Ахмету Мурад. - Никогда не заводи речь о его сестре при нем или при ком-нибудь из их семьи. Потом я расскажу тебе об их Хабза.

Ахмет согласно кивнул. Хамзет вдруг начал что-то возбужденно говорить Мураду, по-прежнему держа Ахмета за руку. Возможно, это было следствием всего пережитого. Конечно, нельзя было даже мельком упоминать его сестру! Глаза Хамзета наполнились слезами и он весь задрожал. В этот миг он напомнил Ахмету красивого крупного жеребенка арабской породы, очень нервного, возбудимого, который нуждается в заботливом уходе.

- Что он говорит?

- Он говорит, что очень хочет дружить с тобой и чтобы ты остался жить с нами... А теперь нам пора идти, ему нужно отдохнуть.

Когда они вышли за дверь, Мурад тихо сказал:

- У тебя появился хороший союзник, Ахмет. Хамзет сказал, что был бы счастлив иметь тебя в качестве малхи. Но ты должен довериться мне в этом деле, если этому суждено быть.

Сейчас такое привычное слово малха странно прозвучало для Ахмета. Только представить себе: после всех бед, причиненных Ахмету зятем его собственной семьи, он сам станет зятем для другого молодого человека! Ахмет поклялся, что если это случится, он выполнит свой долг с честью. Для адыга малха - один из ближайших родственников, и это звание накладывало на мужчину обязательства не менее священные, чем супружеские.

Хамзет напомнил Ахмету самого себя. Казалось, он был таким же очень давно, а в действительности - не более одиннадцати месяцев назад. Его жизнь тогда была иной: он был молодой необстрелянный воин, родители еще живы, и вот в их семье появился малха. Ахмету так хотелось уважать его, признавая превосходство старшего родственника...

Покидая дом муллы, Ахмет мечтал хоть краешком глаза увидеть Цему, но ее нигде не было. Когда друзья подошли к дому родственников Мурада, лошади уже были оседланы, и они не мешкая пустились в дорогу, провожаемые добрыми напутствиями и пожеланиями.

* * * * *

Генерал Комаров нежился в постели, устроенной на французском диване. Слуги готовили для него ванну. Это был последний день дома. Он лвякн Екатершиирад, но не за то, на что намекал генерал Якоби: Комаров не искал лепкой жизни. Хотя, сказать по правде, за годы многолетней службы на переднем крае здесь, на Кавказе, он старался не упустить любую возможность расслабиться.

Городок этот находился в очень красивом месте, на горном кряже, лицом он был обращен на север, на матушку Россию, и в то же время смотрел вниз на бегущую там реку Малку. Город переживал подъем. Благодаря прибытию командования русской армии и притоку казаков из грязноватого поселка он стал превращаться в |мж|ма торговый и политический центр. Новые дома строили из бруса, были они, в основном, одноэтажные, однако в последнее время вокруг главной площади выросло несколько многоэтажных домов с каменными фасадами. Разрастаясь, поселок приобретал форму гоггиугольшка: две стороны его были защищены крутым обрывом, а остальные три прикрывали бастионы, рвы и линии обороны. Екатериноград был неприступен.

Этот город-крепость имел ключевое значение для русских на Кавказе. Все земли вокруг - к западу до Пятигорска и к востоку до Терека - были очень плодородными. Татары называли этот район Беш Тамак, что означает «Пять уст» - в честь рек,

пересекающих эти равнины и впадающих затем в могучий Терек: Баксана, Малки, Чегема и Черека. Екатериноград лежал выше главного брода через Малку, куда пригоняли скот и держали до тех пор, пока не спадет весенняя вода и можно будет перейти через реку. Тот, в чьих руках был Екатериноград, был хозяином положения на черкесских равнинах.

Генерал Комаров владел одним из самых больших брусовых домов с балконом в центре города. Кроме него, там жили его супруга с сыном и его гувернером. Госпожа Комарова любила поиграть в карты и побаловаться крепким кавказским чаем. Теперь, когда Комаров получил звание генерал-бригадира, он мог меньше заниматься семьей, чем в те времена, когда был полковником и только-только обзавелся своим собственным гнездом. Когда генерал был в отъезде, его жена принимала у себя кое-кого из холостых офицеров их полка, но супруг верил в ее нравственность. А она, красавица, графиня, женщина, которую он знал еще со времен учебы в Московской Академии -она была слишком умна, чтобы наделать глупостей. Как бы в награду}' за ее верность, Комаров не скупился на подарки: она ведь пошла под венец, имея громкий титул, но без богатого приданого. Теперь же графиня имела лучшие бриллианты на Кавказе и дом, полный изысканных французских вещиц. Екатериноград - не Петербург, но они жили там с особым шиком. Возможно, графине Софье нравилось чувствовать себя крупной рыбой в маленьком пруду или, может быть, ее как заядлую наездницу, привлекала возможность часами скакать по кавказским просторам. Муж не вмешивался, главное - чтоб жене было хорошо.

Нашествие русских не помешало привычному ходу торговли на Кавказе. Калмыки, турки, кабардинцы, русские, ногайцы, татары, черкесы и карачаевцы, как обычно приезжали в Екатериноград поторговать. Действительно, насколько мог судить генерал Комаров, новая потемкинская кампания, лишь оживляла здесь коммерцию. Там можно было встретить торговцев лошадьми, оружием там лекарей, купцов с товарами, а там оружейных мастеров, были и держатели притонов... Город стоял на пороге большой) будущего.

Комаров был командирован в Горный корпус из Санкт-Петербурга еще кадетом и поступил в драгунский полк, где дослужился до капитана.

Это было чудесное время, когда молодой человек мог частенько позволить себе поудить снежную форель в верховьях Кубани. Денщиком у него тогда был полукровка-карачаевец с ужасным шрамом от сабельного удара на щеке, неопиcуемый сквернослов, к тому же коварный, как закоренелый разбойник. Еще давным-давно Комарову внушили, что все местные жители - воры с рождения. Денщика звали Хашим. У Хашима была прекрасная борзая, сопровождавшая его повсюду. Комаров очень привязался к собаке, но однажды денщик проиграл ее в карты. Хашим говорил, что он карачаевец по происхождению, однако по-русски говорил весьма прилично и мог вполне сойти за жителя северных районов Кавказа, который превратился в плавильню множества наций и языков. Единственной чертой в натуре Хашима, свойственной горцам-карачаевцам, было его пристрастие к гаданию. В карманах он постоянно таскал сорок одну голубую бусину и, случалось, пытался угадать будущее, бросая их по несколько штук на стол. Если выпадало что-то недоброе, Хашим мог отложить любое дело до тех пор, пока бусины не предскажут удачу. Это было просто невыносимо: приказывать карачаевцу ехать, если бусины велели ему не двигаться, было все равно, что пытаться свалить дуб махом руки. Однако с годами Комаров благодаря Хашиму узнал о горцах немало хорошего, и начал их искренне уважать.

Время шло. Комаров получал повышения по службе, но предпочитал оставаться на Кавказе, отклоняя предложения принять участие в более престижных кампаниях. Год отдал он Польской кампании, но все это время очень скучал по Кавказу и поклялся никогда больше не покидать его. С большим трудом Комаров выучил чеченский язык, чтобы иметь возможность проверять армейских переводчиков: они зачастую искажали показания пленных. При этом он строго блюл «честь мундира», да и вообще, среди

русских офицеров «хождение в местный народ» не было принято. Тем не менее, ему не был чужд дух приключений среди гор, и он отчетливо понимал, что положение России во многом зависит от успеха этой кампании, хотя, в отличие от Суворова, считал что она будет нелегкой и затяжной. Комаров осознал это, проведя не один долгий вечер за рюмкой в обществе карачаевца Хашима, который немало порассказал ему о жизни и укладе горцев: о свободных союзах племен; о том, что вождям подчиняются и чтят : их лишь до тех пор, пока их дела отвечают интересам племени; о «кровном родстве» и «кровной мести», сближающих или разделяющих различные кланы; об обычае брать на воспитание чужих детей, чтобы укрепить родственные связи. Чеченцы почти ничем не отличались от остальных племен, за исключением того, что у них не было князей.

Узнав все это, Комаров пришел к твердому убеждению: у горцев есть свое мировоззрение, свое отношение к жизни, и поэтому их будет нелегко победить. Это трудно назвать «философией» в полном смысле этого слова: все-таки речь шла о диких жителях гор. Их растили не просто для войн, но для героической смерти на поле боя. Например, если человек умирал от болезни или другой «обычной» причины, ему устраивали пышные похороны и погребали головой в сторону Мекки, чтобы душа его обязательно попала в рай. Если же человек погибал в бою, все эти церемонии были не нужны: такая смерть уже сулила рай.

Кроме того, кавказцы очень любят свои горы и их преданность родной земле ничуть не меньше, чем у русских царю и Отечеству. Это был самый отчаянный противник, которого Комаров когда-либо встречал, и он даже сам невольно перенял кое-что от их романтического безрассудства.

Суворов был не прав, рассчитывая на быстрое продвижение, смыкание оборонительной линии на юге - дело вовсе не легкое. Это будет стоить многих жизней, и большей частью полягут русские, казаки. И Якоби заблуждался, считая, что Комарову по душе лишь классические поля сражений с четкими маневрами, заранее определенными началом и окончанием боя. Это была не та война, которую Россия могла выиграть военным искусством. Но его мнению, одержать победу можно было лишь перебив все местное население или вытеснив его из этих мест.

Теперь Комаров стал понимать, почему именно Суворов был поставлен во главе этой кампании. Он здорово отличился, разгромив ногайских татар. Он доказал, что способен решиться на массовое истребление врага. Однако гоняться за черкесами или чеченцами по горам, чтобы прикончить, все равно, что искать крупницы пороха на лугу. Комаров прекрасно осознавал, как сильно отличаются эти горцы от нерешительных равнинных ногайцев.

Вот почему Комаров старался как можно больше времени проводить в укрепленных городках Екатеринограде или Моздоке - еще одном торговом центре черкесов, захваченном русскими в тридцати пяти верстах отсюда - и там получать сведения о ходе событий. Если горцы начинали где-то собираться, он первым хотел узнать об этом. Его слуга-карачаевец давал ему дельные советы, как добывать ценные сведения. Разумеется, в русской армии был свой штат осведомителей, среди которых было особенно много крепостных грузин и армян. Комаров, однако, тешил себя мыслью, что он может, не выдавая себя, зайти в харчевню и выйти оттуда, разузнав, что ему нужно, причем быстрее, чем его товарищи на передовой.

Комаров не спеша, тщательно облачился в штатский костюм. Это был последний день отпуска и он намеревался посвятить его удовольствиям. Строгий, отлично сшитый сюртук, казалось, добавлял легкости невысокому коренастому господину. Он давно уже оставил привычку молодых офицеров вне службы одеваться «по-черкесски». Глянув в окно, Комаров увидел, что Хашим ждет, держа под уздцы его оседланную лошадь, чудесную породистую немецкую кобылу ростом более 17 ладоней, не то что эти горные коротышки, на которых местные жители шныряют вокруг города. Он собирался встретиться за картами со своим полковым адъютантом и двумя армянскими торговцами.

Комаров спустился вниз и обнаружил, что дома никого нет. Графиня Софья наверняка уже в чьей-нибудь гостиной флиртует с молоденьким офицером, попивая чай из самовара. Их сын Алексей на охоте: унаследовал, видно, от матери эту страсть.

Перед выходом на свежий воздух Комаров выпил чашку горячего чая.

- Веди коня, Хашим. Я ?пойду пешком...

Хашим добродушно сплюнул, взлетел в седло при помощи стремян и двинулся по улице, ведя в поводу кобылу хозяина. Он никогда не приставал с разговорами, если только изрядно не напивался.

Комаров проехал немного вдоль земляных укреплений, любясь дальними горными пиками, озаренными розовым утренним светом. Неподвижный воздух был чист и свеж. От одного глотка этого воздуха на душе становилось светлее. Кто бы мог предположить, что весь этот край вот-вот сотрясут конвульсии войны.

Накануне Комаров зашел в местную тюрьму поглядеть на пленного чеченца, сидевшего там. Чеченец был схвачен за попытку ударить ножом одного из офицеров, когда тот выходил из гостиницы (употребляем это слово, чтобы не говорить «бордель»). Краем уха Комаров слышал, что какая-то здешняя красавица, как магнитом притягивает к себе вновь прибывших русских офицеров, жаждущих новых впечатлений. Этот случай вряд ли заслуживал личного участия генерала Комарова, но он, случайно бросив взгляд на рапорт начальника тюрьмы начальнику гарнизона, заметил одну интересную деталь. Он как раз обязал своего адъютанта читать подобные рапорты и замечать любопытные штрихи. «Обвиняемый поклялся именем шейха Мансура, что он и его люди скоро отомстят за растление их женщин», - говорилось в рапорте.

Уже не впервые Комаров встречал это имя - шейх Мансур. Осведомители, живущие в горах среди чеченцев, подтверждали, что среди горцев начал быстро завоевывать авторитет некий очень умный человек с задатками предводителя. Никто не знал точно, откуда он взялся. Было лишь известно, что незнакомец знает несколько языков, что позволяло думать, что он иноземец, и его услуги оплачивают турки.

Комаров добрался до места условленной встречи - единственной приличной гостиницы в городе

- точно в назначенный час и расположился в курительной комнате. Вскоре подошли остальные. Двое армян были его старыми знакомыми. Один из них, высокий, худой, торговал пушниной, скупая шкуры лисиц, медведей и куниц у чеченцев, другой занимался винами. Именно он принес бутылку грузинского вина в качестве приятного дополнения к маринованным огурчикам и копченому мясу, сервированным для них на столике, покрытом зеленым сукном.

- Ну где же Иванов? Опаздывает, как всегда!

- проворчал Комаров, любивший пунктуальность. И тут, легок на помине, адъютант словно вырос в дверях, заслоняя свет.

Он вошел, ловко щелкнув каблуками. Иванов поклонился присутствующим и уселся в кресло. Это был высокий широкоплечий блондин, большой жизнелюб. Взялись за карты.

- Все готово к завтрашнему утру, Ваше превосходительство,. - сказал адъютант. - Мы выступаем в Чечню и Кизляр согласно Вашему приказу.

- Спасибо, Иванов. Если меня завтра убьют, у тебя будут двое подозреваемых.

Несколько секунд он пристально смотрел на торговцев. Адъютант покраснел от смущения, и тут генерал вдруг разразился хриплым смехом.

- Ради Бога, господи, прошу меня извинить! Uous etes trop ardent, toujours!

Эту фразу Иванов растолковал как комплимент и широко улыбнулся. Коммерсанты успокоились и наполнили бокалы.

- За Ваш успех, господин генерал, - произнес виноторговец, покручивая кольцо с крупным бриллиантом, так называемом кабошоне, на своем коротком пальце.

- Спасибо... Кстати, господи, хотел бы я знать, как у вас идут дела...

Торговец мехами Артюнян постоянно курсировал с товаром через Чечню и Дагестан, Чтобы убедить местное население, что он не связан с казаками, Артюнян несколько раз пускал слух, что его ограбили в дороге. А горцы, к какому бы племени они не принадлежали, имеют общую слабость - любят посплетничать. Новости разносятся в горах стремительно, как быстрый ручей, поэтому Артюняна везде встречали сочувственно и доброжелательно. Несмотря на высокий рост, он мог часами сидеть на подушках, поджав под себя ноги, и болтать без устали.

- Да, дела в порядке, идут потихонечку, - ответил он, пытаясь перевернуть карты, пока все слушали его.

- Донесения сообщают, что турки засылают сюда секретных агентов, чтобы смущать души и будоражить умы..., - сказал Иванов.

Комаров отрицательно покачал головой.

- Ты не прав, Иванов. Черкесы набожны, но они не фанатики. Я видел, как воскресным утром они молятся на дубовый крест, а вечером кладут поклоны Аллаху. Их привлекает не сам ислам. Их влечет высшее начало... Бог.

- Прошу прощения, но чеченцы отличаются от черкесов. Из всех горских племен это самые истые мусульмане, - заметил Артюнян, обращаясь к Комарову, - эти нехристи поражены каким-то безумием, это всегда меня отталкивало от них.

Комарову не понравилось это слово «нехристи». Бывало, ему самому кричали в лицо «Гяур! Гяур!», в действительности имея в виду совсем другое. Сам он не был особенно религиозным и не мог понять, как можно воевать из-за веры. Считал, что все явления вызваны лишь политическими причинами.

- Возможно. И если у кого-нибудь хватит настойчивости и умения использовать это «безумие» в своих целях, это здорово прибавит нам хлопот,

- согласился Комаров.

Виноторговец поджал губы, смакуя большой глоток красного вина.

- Причем замечу вам, что клятву приносят не обязательно господину или военачальнику. Зачастую, так подтверждают верность идее или личности, если эта личность настолько сильна, чтобы олицетворять собой идею...

- Как, например, этот новый мессия Мансур...,

- вставил Комаров.

Армяне украдкой переглянулись. Хорошо же у генерала работают осведомители! Они-то надеялись выслужиться, подарив ему это имя, а теперь не видать им яиц, не говоря уж о рябчиках.

Артюнян выпрямился в кресле, сосредоточенно тасуя карты.

- Я не думаю, что ему платят турки. Мансур, может быть, хочет добиться их поддержки, но сам он, я думаю, полностью независим.

- Надежные источники свидетельствуют, что он поляк. Знает несколько языков. Это, вероятно, изверившийся во всем офицер, дезертир, - заметил Иванов.

Виноторговец, стараясь опередить Артюняна, затараторил, пытаясь сообщить как можно больше из того, что он знает.

- Он участвовал во многих сражениях. На коне скачет, как ветер, а саблей управляется просто играючи...

Комаров вягаурлся:

- Уже стад легендой, как средневековый рыцарь какой то! Я на такте вгучхн не клюю.

Виноторговец улыбнулся, довольным тем, что успел высказать все самое важное.

Он знает как важен образ. Ездит на белоснежном лошади, которую зовут Карабах. Отличаясь к бою, оо как бы ее придает значения этому. Чеченцы любят такой стиль.

Артииши доверительно ваял Комарова за руку.

- Это «не что, гаон General, - сказал он. - То, что слышал к> заинтригует Ваг ела? больше. Я утверждаю, что шейх Мансур не является турецким етаялеяпнком, потому что

он, прежде всего, политик, а уж потом духовное лицо. Мне рясека-зывали, что он не верит звездам, он просто верит в человека. Это не ислам. И он открыто высмеивает все теории о прелопрепеленности судьбы и прочем таком.

- Ваш ход, милейший, - напомнил ему адъютант Иванов.

- А где же он засел? - Комаров пристально смотрел на высокого армянина. - Вы знаете?

- В Чечне. Где-то в Черных горах. Его оттуда будет трудно выкурить.

Комаров улыбнулся, собирая свой выигрыш.

- Я не намерен рыскать за ним по горам. Если достаточно горцев соберется под его фаагами, он сам отправится искать нас... Время обедать, господа. Потом мне нужно закончить с депешами.

Коммерсанты пошли в столовую первыми. Комаров прошептал Иванову:

- Артюнян хорошо говорит по-чеченски. Пошли его в веселый дом, пусть попробует уговорить сестру арестованного чеченца помочь нам. Так или иначе, но к шести пополудни мне нужно знать название той деревни, где скрывается этот человек. Мы пошлем туда своего разведчика, чтобы выяснить, многих ли удалось увлечь этому Мансуру. Зараза, кажется, стала распространяться, и я намерен незамедлительно представить Суворову свои соображения. Но для того, чтобы наши сведения заинтересовали его всерьез, нужна как можно более полная и точная картина.

Тушеное мясо под вино и, водку привели Ар-тюняна в замечательное расположение духа и он с готовностью согласился выполнить возложенную на него миссию. Виноторговец отправился восвояси, сокрушаясь, что ему по своим делам не приходилось бывать в столь отдаленных, но любопытных уголках Чечни, как это удавалось Ар-тюняну.

Генерал Комаров возвращался в отличном настроении. Он надеялся, что предстоящие сражения будут более крупными, если, конечно, противник будет представлять собой достойную силу, а не беспорядочную толпу, которую нужно лишь разогнать, как баранов. Это придавало какой-то смысл всему происходящему. Естественно, он не будет рисовать Суворову ситуацию в таком свете: ведь это лично ему хотелось настоящего ратного дела. Это так веселит кровь. Только бы не эти случайные кровавые стычки... Сыт ими по горло.

* * * * *

Деревня, куда Мурад привез Ахмета, была очень мала - просто кучка крестьянских хижин. Однако местечко, где она находилась, было самым прелестным уголком, какой только можно себе вообразить. Домики полукругом раскинулись на плодородной равнине у подножия вздымающихся ввысь гранитных великанов, составляющих главную кавказскую гряду. На такой высоте небо, казалось, нависло прямо над головой, а облака наперегонки неслись по небосводу, сталкивались, сбивались в кучу, прокладывая себе дорогу сквозь нагромождения сверкающих снеговых вершин. С севера деревня была защищена и неприступна, с юга ее заливало щедрое солнце. Дорога взбиралась на насыпь, а оттуда открывался чудесный вид, на раскинувшуюся зеленую долину. С востока и запада деревню окаймляли густые грабовые леса, заросшие бузиной, непроходимой чащей ягодных кустарников и буйного папоротника. Луг был сплошь покрыт ромашками, и как только лошади стали мять их ногами, в воздухе разлился какой-то тонкий, пьянящий запах. За всадниками тянулась цепочка их следов, темнеющая среди серебряных блесток росы, еще не высушенной ласковым утренним солнцем.

Дома были выстроены из камня, а крыши сделаны из уложенных в ряд огромных бревен. Аккуратные заборчики отделяли домашнюю живность от огородов, но на большей части луга не было никаких загоронок. Одного лишь взгляда на этот луг было достаточно, чтобы Ахмет понял, что он осел бы здесь, будь на то его воля. Это место идеально подходило для воплощения его заветной мечты - коневодства.

- Да это просто рай! Вы здесь надежно укрыты от налетов, - с восторгом сказал Ахмет Мураду.

Мурад пожал плечами.

- До сих пор никто не трогал. Казаки редко забираются так далеко. Они ведь не любят воевать без своих пушек, а тащить их на эти кручи почти невозможно.

- А зачем им вообще соваться сюда? Они тут не держат коров или овец... Мурад мрачно усмехнулся:

- Русские не собираются возделывать землю, мой дорогой Ахмет. Речь идет о власти. О власти над этой землей. Они хотят, чтобы все жители этих гор подчинялись их князю. Поэтому они шлют сюда войска и генералов - управлять этим краем от его имени.

- Да, но Россия - большая страна. Там много земель. Зачем им еще наши?

- Ты прав, Россия велика. Она во много раз больше, чем весь Кавказ, Но нити политики так сложны и запуганы... И русский князь преследует множество различных интересов. Он, например, - крупнейший властитель христианского мира. К югу от этих гор живут другие христианские народы- Царь решил распространить и на них свое влияние, присоединить их, чтобы защитить от врагов. А мы как раз у него на пути.

Ахмет приготовился услышать кое-что из истории. Мурад гораздо лучше него разбирался в вопросах большой политики, умел объяснить, что же происходит на Кавказе. Где-то в глубине души не хотелось вникать во все это - У Ахмета еще не появился такой вкус к политике, интригам и военным хитростям, как у Мурада,

Они подъехали к деревне. Из одного домика выпорхнула миловидная молодая женщина с розовощеким ребенком на руках.

- Это моя жена Медина, - с гордостью произнес Мурад. Мужчины спешили. Мурад подхватил малыша на руки и принялся подкидывать его у себя над головой так, что тот засмеялся.

- Джафар! Мой маленький! Л! привез тебе нового хорошего дядюшку. - Мурад, улыбаясь, повернулся к Ахмету. - В Кабарде я не смог бы выразить свои чувства так открыто. Старики сразу бы осудили..!

Ахмет кивнул.

Мурад быстро объяснил Медине, - кто такой Ахмет. Она почтительно улыбалась, и, краснея, извинялась, что не может разговаривать с ним на кабардинском. Конечно, для Ахмета она не была так прекрасна, как Цема, но он по достоинству оценил ее доброе открытое лицо, ясные зеленые глаза, ее красоту женщины, познавшей материнство, - все это даже смутило его поначалу. Из дома выскочил и бросился к отцу еще один маг лыш - мальчик около двух лет со светлыми кудряшками. Вскоре Мурад стоял перед Ахметом уже с двумя детьми на руках и смотрел на него с гордостью счастливого отца и мужа.

- Вот моя семья: Тимур - старший, Джафар - еще грудной, вот мой дом. Моя Медина говорит: «Пусть твой приезд принесет нам счастье. Так оно и будет, правда, Ахмет с Кубани?»

Ахмет стоял возле лошадей, рассеянно поглаживая морду своей кобылы. В голове у него уже громоздились большие планы... Он попросит Мурада обучить его чеченскому языку, а потом постепенно выспросит у Медины, чего можно ждать молодому человеку от чеченской девушки и как с ней вести себя.

Одно особенно поразило Ахмета. Чеченцы были гораздо менее привержены условностям обычаев, чем его соплеменники. Для его отца, например, обнять сына прилюдно было так же немислимо, как сдаться врагу на поле брани. Его мать, в соответствии с обычаями, не появлялась в гостях вместе с отцом за исключением особых случаев, и это несмотря на то, что их связывало настоящее чувство, с которым они вместе приняли смерть. Когда Мурад пошутил с Мединой и коснулся ее щеки, Ахмет понял, почему этот кабардинец поселился здесь, оставив родное племя. Они с Мурадом были разными людьми, но оба испытывали страстное желание обрести личную свободу - так орленок совершает свой первый полет, услышав зов матери с высокого утеса.

Здесь казаки не потревожат его. Возможно, туг и окончится его путешествие.

Как будто прочитав его мысли, Мурад пригласил гостя в дом:

- Сегодня переночуешь у меня, а завтра начнем строить для тебя дом. Бели б мы были сейчас в Великой Кабарде, я сказал бы «до завтрашнего быка. Он явно сам любил слушать свой голос.

Это была большая честь для Ахмета. Если Мурад собрался собственноручно заколоть быка, значит он был намерен завязать тесные узы дружбы. Здесь, в маленькой горной деревне, вместо быка будут мед и ягненок, поджаренный в молоке, однако суть, ритуала та же - кровное братство.

* * * * *

В течение следующих недель Ахмет и Мурад с помощью слуг с усердием ^строили дом. В Ахмете, видимо, пробудилась тяга к обустройству, свойственная человеку, собирающемуся пустить корни. Поставили заборчик, огород вскопали. Помещение для слуг соорудили вдоль хозяйского дома. Во время работы Ахмет старался выучить какие-то основные слова по-чеченски, а коль скоро нужда - лучший учитель, ему не понадобилось на это много времени, и вскоре Ахмет смог объясняться с работниками.

Вечерами, сидя у очага в доме Мурада, Ахмет рассказывал новому другу историю своей жизни, сначала несколько скупое, а потом все с большей откровенностью. Мурад несколько смутился, узнав о причинах ухода Ахмета из дома; так как и сам он когда-то покинул родные края и перебрался сюда в горы из-за семейных недоразумений.

- Я сын великого князя Хапца, - признался Мурад, - и ^взгляни на меня - живу как заправский горный чеченец! Мне нравится такая жизнь и ты со ^временем, надеюсь, полюбишь ее. Я свободный человек. Здесь я сам себе хозяин и не завишу от гневных выходок моего отца.

Рассказывать дальше значило бы обесчестить родителей. Ахмет не расспрашивал.

Могу сказать только одно: назад я никогда не вернусь, - заключил Мурад, доставая трубку.

И я никогда не вернусь на Кубань, сказал Ахмет.

После таких признаний молодые люди почувствовали еще большее доверие друг к другу:

Несколько дней спустя, когда они, как обычно, были заняты строительством, галопом прискакал один из слуг Мурада и что-то сообщил ему. Это был дозорный: в каждой деревне кто-то постоянно следил за окрестностями. Мурад был явно доволен известием. У нас важные гости, - сказал он, откладывая инструмент. - Пошли, Ахмет, надо как следует их встретить.

Мурад позвал Медину и попросил ее привести детей, пока они с Ахмегом натягивали на себя одежду. Вскоре в деревню въехали мулла с сопровождающими, ведя за собой на привязи несколько лошадей. Ахмет узнал двух кобыл, принадлежавших убитым казакам, а третьим был красивый черный арабский скакун с лебединой шеей и статями, говорившими о благородстве его кровей. Мулла спешил и вывел жеребца вперед-

- Де дик хил, громко приветствовал он молодых кабардинцев. - Я говорил, что у меня есть особый подарок для тебя, Ахмет. Он был в дороге дольше, чем мы ожидали, но вот он, наконец, прибыл...

Ахмет не мог поверить своим ушам. Он уже достаточно хорошо освоился с чеченским языком, чтобы уловить главную мысль муллы, но ему явно не хватало смелости или самоуверенности, чтобы воспринять это как должное. Он просто не думал т что все, сделанное им для Хамзета, заслуживало такого чудесного подарка.

Это необычный жеребец, - сказал Мурад. -Еще совсем жеребенком он был привезен из конюшен персидского шаха. Мулла говорит, что теперь он - твой, кобылы тоже. Он говорит, что знает, как кабардинцы любят разводить коней, так что бери этих казацких кобылок в качестве военного трофея.

Да пошлет тебе Аллах благоденствие во все дни жизни твоей, - закончил свою речь мулла. - Пусть этот жеребец верно тебе служит и всегда спасает в трудном положении.

Ахмет был просто потрясен. Его жизнь здесь, у Мурада, начиналась с того, что сбывались самые заветные желания. Безопасность, отличное место, люди, с которыми у него возникло полное взаимопонимание... А теперь еще этот, щедрый подарок от их главы. Чувствуется, что тот говорил искренне.

- Мурад, пожалуйста, переведа... - начал Ахмет сегодня дорогой мулла, вы обрели второго сына. Я всегда буду рядом с Вами, как только понадобится. Ваши враги - теперь моя враги. - Ахмет поднял вверх кулак с зажатой в нем уздечкой жеребца и потряс ей в подтверждение своих слов.

Когда Мурад перевел клятву Ахмета, лицо муллы озарилось радостью и он крепко обнял его. По натуре мулла был человеком не злым и мог бы полностью отдаться религии, однако страсть и готовность к битве, продемонстрированные Ахметом, явно пришлись ему по душе. Глаза муллы светились ярким фанатизмом, чего нельзя было не заметить. Любовь к Богу и ненависть к гяурам - вот две главные страсти его жизни.

Пришла Медина с кувшином фруктового сока и деревянными чашками для гостей. Сначала поднесли калиток мулле, потом всем его людям.

- Оставайтесь с нами обедать, - сказал Мурад.

- Пища наша проста, во окажите нам честь.

- Спасибо, Мурад, но я вынужден отказаться, - ответил мулла. - Сегодня мы ждем гостей из Аварии, они прибывают по важному неотложному делу. Пора возвращаться. Так что отложим твое приглашение до следующего раза.

Они исчезли из деревни так же стремительно, как и появились в ней. Ахмет не сразу пришел в себя после этого посещения, не сразу проникся его значением.

Мурад помог ему:

- Никогда не слышал, чтобы серый волчище был так щедр к кому-нибудь. Хотел бы я знать» какне у него планы в отношении тебя...

Ахмет покраснел.

Не надо об этом. Его дочь еще дитя. Вряд ли девицей* можно назвать.

Дитя или нет... но этот старый хитрец заметил все, что происходило между тобой и Цемой во время застолья! Я не говорил тебе, но на прошлой неделе -он прислал человека, чтобы разузнать о твоём прошлом, о твоём характере.

Сердце Ахмета упало.

- Что ты ему рассказал? Мурад посмотрел Ахмету прямо в глаза.

- Я сказал ему все, что понял из твоих ряс-сказов: что поведение твоего малки было бесчестным; что ты стыдился своей сестры и предпочел покинуть дом, но не раздувать ссору еще сильнее; что отец воспитал тебя как настоящего адыга, истинного габардинского уорка, которым всегда отважен и самоотвержен.

Ахмет привязал лошадей в недостроенном загоне. Завтра они докончат с оградой.

Ему хотелось и самому поверить в эту красивую легенду о его прошлой жизни. Мурад здорово все это представил.

Мурад взял его за руку:

- Знаешь, мулла - человек замечательный. Раньше он был воином, чья слава гремела по всей Чечне, причем очень несдержанным и жестоким. Потом он совершил паломничество в Мекку. Вся его жизнь - постоянное обуздание собственного крутого нрава. Как видишь, сейчас он живет благочестиво и очень сдержан. Он любит тебя, и я, если ты заметил, тоже.

Ахмет был еще слишком молод, чтобы ответить так, как требовал случай. Он не мог отвести глаз от своего арабского жеребца.

- Этот конь слишком хорош, чтобы держать его под открытым небом, - произнес он хрипловато. - Я построю ему конюшню.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

В чеченской деревне, где Ахмет впервые встретился с Мура дом, Цема, дочь муллы, была занята приготовлением пороха. Стояла весна. Боеприпасы были на исходе: за последние недели мужчины очень часто участвовали в* боях, а поступления из Турции становились все более скудными.

Подошел мулла и некоторое время наблюдал за ее старательной работой.

Доброе утро, отец, - сказала Цема, перетирая содержимое горшка. Она смешала калиевую селитру с крепким щелочным раствором березовой и тополиной золы, подождала, пока состав кристаллизуется, а затем добавила двойную дозу серы и столько же древесного угля. Теперь она размешивала содержимое над медленным огнем, дожидаясь, пока начнут образовываться гранулы. Занятие довольно утомительное и скучное. И пороха выходило совсем немного... Но нужно же было кому-то заниматься этим.

Почему бы не послать кого-нибудь прямо в черноморские порты? Ведь этого не хватит и половине твоих людей, - приступила к отцу Цема. - Если нет смельчаков, готовых достать нам все необходимое, почему бы не переговорить с турками напрямую?

Мулла слушал, полуприкрыв свои серо-стальные глаза* с довольным выражением на лице. Он коснулся шелковистых волос Цемы, но та продолжала усердно мешать ложкой в горшке. Его уже перестало беспокоить то, что деловые, поистине мужские черты характера проявляла дочь, а не сын Хам лет. Было ясно, что именно Цема унаследовала его бойцовский темперамент, а Хамзет только по традиции считался воином.

- Я не посылаю людей от того же, от чего этого не делают сами турки и их арабские посредники. Они боятся нарваться на казачьи патрули.

- Что ж, тогда нам нужно искать другой источник боеприпасов, - решительно заявила Цема.

Мулла нагнулся к ней, испытывая одновременно и гордость, и грусть от того, что его молоденькая красивая дочка вынуждена задумываться о таких вещах.

- Все-таки любопытно, дорогая, а что бы ты могла предложить нам?

Цема вскинула на отца большие серые глаза.

- Ах, отец, прости что я лезу со своими советами! Я знаю, что это не мое дело, но я хочу жить спокойно, хочу выйти замуж? Хочу иметь семью, как Медина! Но для всего этого нужна безопасность. Наши дома должны быть надежно защищены... Ведь так?

Мулла, щадя стыдливость девушки, не спросил дочь, почему вдруг она стала задумываться о замужестве, ведь до сих пор Цема с порога отвергала всех женихов, пытавшихся действовать через посредников.

Он поднес огонь к своей украшенной янтарем трубке и медленно раскурил ее.

Говори, не смущайся, дочка. Здесь никто не подслушает девичьи размышления на батальные темы. - его строгие серые глаза заискрились смехом.

Что толку дразнить казачьи патрули, крадя у них по одному случайному ружью! Нам нужно быть более отважными, более сплоченными для борьбы. Почему бы мужчинам не устроить засаду на конвой с боеприпасами? Подводы, запряженные волами, еле тащатся. Со своими тяжелыми пушками они не смогут преследовать нас в горах. Раз уж ты разрешил мне говорить, скажу прямо: если мы не найдем способа завладеть оружием, казаки завладеют нашей деревней и без пушек. Наши сабли не годятся против их пуль.

Ты правильно считаешь, дорогая. Казаки не могут таскать пушки по горным перевалам. Это делает их уязвимыми, неповоротливыми и мы можем перестрелять их по одному. Но я хочу обратить твое внимание на одну вещь. Казаки не перевозят боеприпасы на подводах, запряженных волами. Все ценные грузы они доставляют на быстрых карабахских лошадях или мулах.

Мулла не смог удержаться от того, чтобы не поддеть дочь:

- Я что-то сомневаюсь', что ты до всего этого сама додумалась, Цема. Ты уж слишком хорошо разбираешься в тонкостях войны в горах. Видимо, л не ошибусь, предположив, что ты обсуждала это с каким-нибудь молодцом... Не так ли?

После этих слов Цема не покраснела, как того можно было ожидать. Она слишком хорошо поняла своего отца, чтобы устраивать обычные девичьи представления.

Я разговариваю иногда с Мурадом, когда он заезжает к нам с Мединой. Он так много знает и все может толково объяснять. Но это действительно мое мнение, и Мурад согласен со мной. Удивительно, что Мурад не говорил об этом с тобой, отец.

Нет, говорил, конечно, дорогая, и мы обязательно придумаем, как пополнить наши арсеналы. Но я хотел бы еще кое-что от тебя услышать.

Цема усердно мешала ложкой в горшке. Она всегда очень боялась отца. У него был крутой нрав, и дома он легко срывался по малейшему поводу. У муллы была тяжелая рука, а язык и того пуще. Но после того, как умерла ее мать, и он стал слишком стар, чтобы махать саблей, ему пришлось умерить пыл, обуздать свою натуру. Случалось иногда и сейчас ему показать свой тяжелый характер, но это был уже совсем другой человек, заботливый, любящий. По крайней мере, мулла понимал свою дочь. Хамзет был моложе и чувствительней, и с ним приходилось непросто. Но он мужчина, воин, и на него можно рассчитывать в том, что, увы, недоступно девушке.

Цема никогда не рассуждала на эти темы с

Хамзетом, но знала, однако, что он не любит сражений и в боевых походах участвует только под нажимом отца. Сестра считала его похрабрее многих из чеченских парней, ведь его ярость и безрассудство не были вызваны необузданным темпераментом, как у других. На войну Хамзет шел обычно с тяжелым сердцем, в душе желая только одного - обрабатывать землю, жить по мудрым законам природы: в положенный срок идти в поле, и в положенный час вставать на молитву.

Хамзет не оправдывал многих надежд отца, хотя тот и искренне любил его. Но мулла не сумел разглядеть в сыне присущее ему и пока не признанное окружающими глубокое благочестие. Хамзет не признавался в этом даже самому себе, однако Цема не раз видела, как он, сидя где-нибудь на склоне горы, наблюдает восход лупы или утреннюю зарю в восторженной отрешенности от всего земного. Хамзет здорово выделялся среди остальной чеченской молодежи в деревне.

Наконец, когда стало ясно, что Цема не собирается больше излагать свою точку зрения на военную стратегию, мулла осторожно начал разговор.

- Кое-кто уже просил твоей руки... Цема удивленно взглянула на него:

- Кто же это мог быть? Да нет... этого не может быть!

Мулла выжидательно смотрел на дочь, медля с ответом.

Мой долг, Цема, позаботиться, чтобы твой брак был счастливым. Жених хорош, выкуп изрядный.

Отец, - голос Цемы звучал твердо - надеюсь, ты не намерен устраивать этот брак, не спросив о моих чувствах.

А га! - улыбнулся мулла, - наконец-то появился он, пробудивший твои чувства!

Глаза Цемы блеснули, но не от возмущения. Щеки залил нежный румянец.

- Кажется, нашелся-таки жаркий луч, растопивший ледяное сердечко моей дочери, - ласково усмехнулся мулла.

Цема молчала. Веселость не была свойственна ее отцу. Бели ее сердце оставалось холодным, то только из-за житейских хлопот, ведь все эти годы ей приходилось заботиться о главе деревни, не имея рядом доброй и мудрой матери. Девушка решила, что в ее жизни ничего не изменится, но тут она увидела Ахмета, надевающего кабардинскую черкеску.

- Но учти, я не допущу появления ака-пок-лонника, пока соплеменники не скажут своего слова. Если этот пришелец, Ахмет с Кубани, хочет получить тебя в жены, он должен сначала показать свою доблесть в битве, во-вторых, стать достаточно богатым,

чтобы быть достойным тебя, и в-третьих..., - он сделал паузу, хорошо зная, что Цема рассердится, услышав об этом условии, - ...убедить меня, что у него добрый нрав. Он покинул свой дом по необычным причинам, как ни крути. Так что я хочу быть уверенным, что за ним не водится ничего постыдного, и что его родословная ничем не запятнана.

Лицо Цемы вспыхнуло, но она ничего не сказала.

Мулла поднялся.

- Нас ждут нелегкие времена. Нужны бойцы, сильные и телом, и духом, способные выдержать суровые испытания. Ты моя единственная дочь и ты достойна получить в мужа лучшего из лучших.

Мулла немного подождал, но ответа не последовало. Цема покорно склонила голову и молчала. Он не мог обвинить ее в неповиновении и вышел из комнаты.

Старик был весьма доволен, ведь он намеренно разыграл сценку родительской строгости, хотя в душе и одобрял эту партию. Из местных юношей Куэр просил руки его дочери, но мулле этот претендент не казался подходящим. У парил был слишком горячий нрав и он был злопамятен - во многом Куэр повторял его собственный характер. Мулле нравился Ахмет, и он, кроме того, считал себя очень обязанным ему за спасение сына. Но жизнь научила его проверять многое, а не надеяться на интуицию. Легко можно обмануться, если не заручиться надежными свидетельствами.

* * * * *

Между тем Ахмет усердно трудился над устройством собственного гнезда. Кроме основного дома уже были готовы все ограды, сооружены различные хозяйственные постройки, вроде амбара для хранения зерна. Уже полгода, как он оказался в Чечне, но Ахмет еще ни разу не пожалел, что поселился рядом с Мурадом, хотя строительство продвигалось не слишком быстро.

Но в одной области Ахмет преуспел весьма заметно. Благодаря помощи Медины, жены Мурада, он хорошо освоил чеченский язык, свободно говорил на кем. Произношение давалось труднее, но Ахмет уже легко мог следить за ходом беседы и даже понимать шутки или ласковые слова.

Медина растолковала ему и кое-какие правила этикета.

А почему бы тебе не сходить в гости? спросила она его как-то несколько недель спустя после того, как он поселился в своем доме - Они с Ахметом как раз пили фруктовый сок на веранде. Мурад был занят заготовкой припасов на зиму и тактично делал вид, что не слышит.

В гости? К кому? К мулле? - переспросил смущенно Ахмет.

Медина, закрыв лицо руками, засмеялась. То же самое проделали малыши, Тимур и Джафар, подражая матери.

- Ну-ка тихо, вы двое, - цыкнула она на них, стараясь изобразить строгость на лице. После чего говорила помедленнее, предполагая, что, возможно, Ахмет чего-то не разобрал по-чеченски:

- Я сказала- почему бы тебе не сходить в гости к Цене и не поговорить с ней?

Ахмет был несколько уязвлен.

Потому, что мужчина, по крайней мере, на Кубани, не ходит -«в гостя* и вздигужней девушке в своей нереиде. Только после...

Свадьбы? Нет..? После сговора, ты хотел связать? Так, понятно! Но у наших чеченских девушек больше свободы! Ты можешь поболтать с ней, когда захочешь. Здесь у вас молодые парень и девушка могут быть и просто друзьями. Ну пожалуйста, пожалуйста - Она изобразила пальцами утиный клюв и «закрякала»: «Поболтать! Поболтать!»

Ахмет рассмеялся и помотал головой.

- Нет, Медина Мы поболтаем... поболтаем... с тобой, пока, я не смогу хорошо общаться по-чечеяекн... Потом уж я поеду в гости. Знаешь, а.., - начал было Ахмет и замялся.

Однако Медина хорошо подготовилась к этому разговору:

- Да, конечно, возьми с собой подарки. Она наклонилась и пощупала мягкую ткань, из которой была сшита рубашка Ахмета.

~ Ткань! О, нам всем нужна ткань! Или, мо жег быть..., - она приложила руку к щеке, потянула себя за мочку уха, - украшения. Кольца, серьги, ожерелье, браслет...

Именно в эти первые осенние вечера Ахмет узкая обо всем, что дорого женскому сердцу и... отнюдь не сундуку, и заимел примерное представление о том, какого выкупа может желать отец Цемы. И он нал духом: было ясно, что потребуется несколько лет, чтобы скопить все требуемое. Но эти соображения не мешали ему желать быть поближе к возлюбленной. Он постоянно ездил верхом по предгорьям возле ее деревни, пытаясь как бы случайно увидеть ее, что нередко и удавалось. Ахмет, бывало, усаживался на какой-нибудь отдаленной скале, с которой был виден дом Цемы, и проводил там часы, словно глупый подросток, одержимый муками первой влюбленности. И Цема тоже частенько поднималась на крышу своего дома и смотрела на него издали страстно желая, чтобы Ахмет был рядом, чтобы она могла обнять его и почувствовать крепость его рук, запах сильного мужского тела, прошептать ему на ухо слова любви. Влюбленная девушка не могла понять, почему ее избранник не заезжает к ним в деревню и не заходит к отцу. Ей, видимо, следовало побольше узнать о манерах и правилах поведения кабардинцев, и они твердо обещала себе, что обязательно сделает это с помощью Медины.

Зима в горах наступает сразу и неожиданно. Вечером, например, еще ничего не говорит о приближении зимы, а ночью вдруг пойдет густой снег, и утром вся округа окажется погребенной под толстым белым покрывалом - В тот год Ахмет впервые встречал зиму на новом месте, в своем собственном доме. Он прохаживался, ощущая первый морозец у себя на щеках. В памяти сразу встало все пережитое им вторах прошлой зимой, и вот снова выпал первый снег... В воздухе застыла какая-то настороженная тишина. Все заперло, будто заснув сладким, беспробудным сном.

Ахмет быстро встал и подошел к наружной двери. Попытался открыть, но тщетно, она не сдвинулась ни на вершок. Тогда он снял с окна деревянную ставню и выглянул на улицу. Снег, видимо, обильно падал всю ночь, и горный кряж, где стояли их с Мурадом дома, было не узнать. Заоблачные пики, черные и неприступные, четко выделялись на фоне побелевших склонов. Небо казалось свинцовым - значит, скоро снова повалит снег. Но открывшийся из окна вид был потрясающе красив. Снегу навалило почти по пояс, и белые сугробы плотно окружили все постройки. Некоторые сараюшки были почти погребены под снегом, а местами снежные холмы вздымались выше крыш отвесной стеной. Многие хлева были целиком завалены снегом, и лишь небольшие круглые отверстия, над которыми струйкой поднимался пар от дыхания, указывали, где скрыты пленники снегопада.

Однако, размышлять было некогда. Ахмет натянул на себя всю одежду, которая умещалась под буркой, взял кинжал и, вставив его в зазор косяка, попытался отжать дверь. Лезвие лишь немного раскрошило древесину: выход был накрепко заперт ледяным запором. Наконец, Ахмету удалось прорубить наледь. Он открыл дверь и начал раскапывать снег.

Вскоре Ахмет услышал, что в доме Мурада тоже отбивают лед, а затем раздались пронзительный визг и смех детей, барахтавшихся в снегу. Для них все кругом превратилось в белое сказочное царство, созданное для игр.

Тимур и Джафар здорово помогали Ахмету в изучении языка. Долгими зимними вечерами, когда снежная пурга выла за окном, они садились дружно у печки и слушали его рассказы о горах и нартах. Истории так захватывали их, что они уже не замечали незаконченных предложений и пропущенных глаголов. Дети не замечали искажений языка - ведь каждый малыш коверкает слова, пока не научится произносить их как следует, Тимур оказался уже достаточно взрослым и при необходимости подсказывал какое-нибудь важное слово.

Некогда жил был маленький нарт, и был он лишь немножко постарше вас. И однажды он помог своему племени одержать победу... - начал Ахмет.

А кто это был? Как это было? Как его звали?

- Сейчас скажу. Его звали Батраз, он был сыном «большого человека» Гемуза. Однажды отец взял его с собой на войну, однако, нарты никак не могли преодолеть высокую крепостную стену...

Эта стена была так высока даже для великана?

Конечно, вот нужное слово - «великан»! И вот великан Гемуз взял этого мальчика Батраза... вот так...

Тимур взвизгнул, когда Ахмет поднял его у себя над головой.

...и подбросил его так высоко в небо, что тот перелетел через стену крепости..

Ну давай, еще разок! - весело закричал Тимур.

Никто из врагов не заметил его, и он отпер ворота крепости и армия нартов вошла внутрь, и победила!

Тимура пришлось силой удерживать, чтобы он не попробовал проделать ту же процедуру со своим младшим братцем, которого он с удовольствием подбросил бы к потолку.

Эй, Ахмет, полегче со своими историями, что ты рассказываешь детям, не то я не позволю тебе сидеть тут! - со смехом заявила Медина.

Ахмет был поистине очарован непринужденной семейной атмосферой, царившей в доме Мурада и Медины. Почти все долгие зимние вечера он проводил в гостеприимном доме своих друзей, сидя у очага, пока Медина и слуга занимались приготовлением ужина на открытом огне. Мурад мечтал о будущем, Ахмет чаще вспоминал прошлое... Медина внимательно слушала его, пытаясь запомнить все самое интересное в его рассказах, чтобы потом, когда установится погода и она сможет поехать в свою деревню, передать это отцу.

Ахмет знал, что нигде больше не встретит обстановки такой непринужденности, как у чеченцев.

Зима прошла спокойно, без происшествий. Наступила весна, и тут его славная кабардинская кобылка преподнесла чудесный подарок - произвела на свет жеребенка.'

Еще в прошлом году, через несколько недель после его прибытия, мулла прислал к Ахмету двоих чеченцев из своей прислуги, чтобы помочь обработать землю и засадить огород под урожай будущего года. Теперь его поля весело зазеленели крепкими всходами.

Несколько раз они с Мурадом устраивали засады на казацкие патрули. В результате они ранили несколько солдат и захватили лошадей. Удивительно, но казаки не предпринимали никаких ответных действий. Но все это были легкие стычки, а Ахмету не терпелось показать себя в серьезном деле. Однако нельзя было рассчитывать на что-то подобное, пока они не получат значительного подкрепления ружьями и порохом.

Однажды они получили приглашение от муллы посетить его. Им был дан сигнал: на одном из горных склонов, что находятся к востоку от их поселка, появился всадник-чеченец и выстрелил из ружья три раза через короткие промежутки. Не приближаясь, он круто развернулся - так, что хвост его коня взвился в воздух, - и на полном скаку умчался прочь.

- Я давно ждал этого дня, - сказал Мурад.

Они с Ахметом выбирали остатки зимних запасов зерна. В свое время слуги Мурада выкопали несколько небольших ям, выжгли их изнутри, выложили соломой, а затем заполнили овсом и пшеницей, чтобы жителям было чем кормиться зимой- Сверху зги ямы замаскировал и землей так, что если банда казаков-мародеров нагрянет к ним, то не найдет этих запасов. Теперь там было почти пусто.

- Как ты считаешь, мулла задумал что-нибудь серьезное?

Мурад кивнул.

- Он всю зиму внутренне готовился к этому. Не успокоится, пока по-настоящему не отомстит за сына. Я уже говорил тебе, Ахмет, что в молодости мулла был лихим воякой, несравненным.

Ахмет улыбнулся, - - Ишь ты, «несравненным»! Могу поклясться,

Мурад, что даже в Кабарде я никогда не слышал таких кудрявых словечек, Мурад сладкоречивый.." Мурад задумчиво ухмыльнулся.

- Себя я таким не считал никогда, а вот отец мой слыл неплохим оратором. Ты же знаешь, кабардинцы ценят красноречие...

- Знаю. На Кубани то же самое. Слуги подвели оседланных лошадей.

- Пора трогаться в путь. Ночевать будем у родственников Медины.

Ахмет выглядел весьма довольным. Мурад улыбнулся:

- Ну что, хочется немного размяться после долгого заточения?

Ахмет покачал головой, но вышло это у него как-то слишком серьезно, будто он не понял шутки товарища.

Часа два они скакали без остановки, и к полудню добрались до места. С первого взгляда было ясно, что готовится, что то серьезное: молодые воины сидели на нежарком весеннем солнышке, затачивая сабли о камень, разбирая и смазывая свои старинные, а потому и особо ценимые ружья. Хамзет первым заметил их и вскочил на ноги, приветствуя.

Ну, наконец! Теперь можем начинать! Зачастил он. - Добро пожаловать! Ахмет, ты здорово выглядишь! Чеченский климат тебе подошел.

Непроизвольно Хамзет заговорил на своем родном языке и с удовольствием заметил, что Ахмет понял все сказанное.

- Работа и горный воздух... Ты совсем оправился после ранения, Хамзет. Я рад за тебя, - сказал Ахмет, когда они все направлялись во двор дома муллы.

Женщины принесли освежающие напитки и легкую закуску. Цемы нигде не было видно. Ахмет был в отчаянии. Этот первый визит значил для него слишком многое. Он мог бы поговорить с ней если б она захотела...

Собравшиеся мужчины расселись в кружок на подушках под статными грабами на некотором расстоянии друг от друга, а также от старейшин и муллы.

Молодые парни толковали и болтали о прошлых боевых успехах. Арсби, сын седобородого старца, говорившего по-русски и занимавшегося добычей оружия, сейчас выглядел важно и самоуверенно, а вовсе не так беззаботно, как тогда, когда он лихо отплясывал во время их последней встречи. Он стоял немного поодаль, сложив руки и строго посматривал на Ахмета. Ахмет понял, что как бы близко не сошелся он с Мурадом и его семьей за последние месяцы, чеченские мужчины ждут от него доказательств верности и высокого боевого духа.

Куэр, главный соперник Ахмета, который был немного старше остальных молодых воинов, подбадривал сам себя хвастливыми разговорами:

А я тут недавно обзавелся отличной лошадкой. Сижу себе на дереве, вдруг вижу - казак едет... Я прямо с дерева его прикладом так при ласкал, что аж из седла вылетел. Так и не понял, видать, что его ударило, - проговорил он, горестно заламывая руки.

Перст Божий, - язвительно сказал кто-то.

Не поминай имени Бога всеуе..., - сморщился Хамзет.

Тихо, старшие идут, - прервал его Куэр.

Появился мулла в сопровождении пяти человек. Заметив Мурада и Ахмета, знаком позвал их, чтобы поздороваться.

- Добро пожаловать. Я слышал, мой подарок принес уже свои плоды...

Как же он узнал о жеребенке? Ахмет был искренне удивлен. Ведь это был первый раз, когда они с Мурадом покинули свой аул.

- Да, действительно, чудесный жеребеночек. Отличные стати. Низко кланяюсь, Вам, мулла, - сказал Ахмет медленно с достоинством.

Куэр внимательно прислушивался к беседе, ловя каждое слово. Эта новость поразила его еще больше, чем успехи Ахмета в чеченском языке. Он презрительно скривил губу, как бы подчеркивая, что кабардинец слишком уж подобоострастен и самонадеян. Он считал, что разведение лошадей - дело исключительно его семьи. Его отец, Эльдар считался лучшим коневодом в Чечне.

Мулла поднял руки, призывая к тишине: Вы знаете, что наши запасы пороха на исходе. Нужно что-то делать. И вот, что мы решили...

Молодежь нетерпеливо подалась вперед, ожидая призыва к решительным действиям.

Наступило время, когда казаки начинают подвозить припасы в свои станицы- Как и у нас, у них подходит к концу все необходимое, поэтому они и не трогали нас в последнее время. Мы расставим посты на основных дорогах, ведущих к станице, и перехватим грузы.

Арсби взорвался негодованием.

- Грабеж! Простите, мулла, но я протестую? Это для нас не годится! И так вдоволь пострадались! Нам следует хорошенько все разведать и ударить по самой станице!

Это было так резко, так непривычно для Ахмета. У кубанских кабардинцев умели почитать старших, и на советах молодые держали себя более сдержанно и почтительно.

Послышался шепот, и чувствовалось, что большинству по душе этот более решительный план.

Мулла повелительно поднял руку:

- Тихо! Мы все обсудили, и старейшины, у которых побольше здравого смысла, чем у тебя, Арсби, согласились со мной.

Он встал и вышел из круга.

Молодежь начала страстно спорить между собой. Арсби, чувствуя, что его не поддержали, бросился в самое жерло этого вулкана, отстаивая свою позицию, пока, наконец, его отец, низкорослый седобородый человек с глубокими складками на лице, не взял его за руку и не начал увещевать. Тут к ним присоединился Куэр: яростно стуча себя кулаком по ладони, он стал защищать сторону Арсби. Его отец, Эльдар, принялся возбужденно молотить себя в грудь, доказывая свое...

Мтоад повернулся к Ахмету.

Видишь, мои друг, каковы чеченцы. Давай-ка отойдем, пусть они пар выпустят. Поэтому и мулла так быстро скрылся, сказал Мурад, поднимаясь на ноги.

То-то я удивился, почему это он сразу покинул собрание, - сказал Ахмет, следуя за Мурадом. - Надеюсь, мулла вернется, как только они замолчат и успокоятся:

Делаешь успехи. Ладно, пошли, познакомись с родителями Медины.

А как же мулла узнал, что родился жеребенок?

Думаю, патрульные доложили. Они ведь по горам рыщут даже зимой. Как снежные барсы.

Ахмет уже не надеялся увидеть Цему, однако Хабза требовали, чтобы он сначала отдал дань вежливости дому Медины. И какова же была его радость, когда он увидел Цему в комнате рядом с матерью Медины Ханифой.

Мурад почтительно остановился перед тещей, худенькой опрятной женщиной лет шестидесяти, одетой в широкий голубой халат, с мягким белым шарфом на голове.

Как поживает моя дочь? - спросила женщина, протягивая руки к ним обоим, - Со мной, вот, моя юная подруга Цема, она хочет передать ей свои наилучшие пожелания. Она скучает по ней.

У Медины все хорошо, и Ваши внуки в полном порядке, хвала Аллаху, - на одном дыхании произнес Мурад, употребляя традиционную фразу, чтобы это понравилось Ханифе, - Скоро она с Тимуром и Джафаром пожалует к Вам, мы как раз проторили им дорогу.

Ахмет был совершенно ошеломлен. Он неделями готовился к этому моменту, а он наступил так неожиданно. Серые глаза Цемы казались ему еще прекраснее, чем в день их

первой встречи. Ее смуглую золотистую кожу озарял свет юности и весны. Ахмет вдруг почувствовал, что не может вспомнить ни одного слова по-чеченски.

Мурад, как всегда оказался прекрасным помощником, вовремя заполняя опасные паузы в разговоре.

- Медина поживет здесь, пока мы будем в походе. Газават - дело долгое, и она не хочет оставаться все это время одна с детьми в доме. Я хотел бы попросить Ахмета привезти ее через несколько дней. Ты сможешь, Ахмет?

Ахмет усиленно пытался взять себя в руки. Он совсем не так представлял себе это первую, самую важную встречу с возлюбленной. Дрожащей рукой достал он маленький кожаный мешочек с деньгами. Пытаясь придать своему голосу больше уверенности, он сказал:

- Несколько раз я брал Джафара с собой в горы, и мы нашли там вот эти монеты. Часть их я отдал Медине, а эти приберег для тебя.

Сердце у Цемы сильно колотилось. Она была потрясена, услышав, что ее любимый говорит с ней на ее родном языке. У Ахмета был низкий, настоящий мужской голос с необычным тембром, и в его устах чеченская речь звучала более музыкально и мягко, чем она привыкла слышать.

- Это греческие монеты. На одной стороне изображение колесницы с воином, на другой - головы. Очень древние.

Ахмет мучительно подбирал правильные слова.

Наверное, торговцы., - сказал Мурад, ко его помощь была уже не нужна.

Это хорошее серебро. Ты можешь сделать из них монисто, - посоветовал Ахмет, придвинувшись поближе к Цеме.

Теперь настала ее очередь сказать что-нибудь ободряющее.

Большое спасибо. Как мило, что ты заботаешься о таких вещах, отправляясь на войну.

Напротив, Цема, эти заботы приятны мужчине и помогают в сражении.,.

Ахмет давно уже твердил эту фразу и много раз повторял про себя. Он выпалил ее без запинки, как хорошо затверженный урок, сам того не замечая. Все вокруг рассмеялись, а он так и не понял, почему.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Прошло несколько беспокойных недель. Чеченские патрули, сменяя друг друга, не без любопытства наблюдали за маленькой станицей у подножия горного хребта. Они ожидали, что теперь, когда слега начали таять, казаки станут активнее. Лагерь был совсем новым, его обитатели только начали вырубать деревья вокруг, чтобы потом построить крепкую ограду, наверное, вроде тех стен, которые Ахмет видел в крепости на земле бжедугов. Поселок, еще плохо защищенный, без оборонительной линии вокруг, был весьма уязвим, но чеченцам показалось, что казаки не очень-то спешили со строительством укреплений. Не было заметно ни малейших признаков приближения транспорта с боеприпасами и подкреплением.

Однажды Ахмет с Мурадом выехали на очередное дежурство. Одним из предметов гордости Мурада и источником зависти окружающих была английская подзорная труба, некогда подаренная его отцу каким-то купцом в одном из далеких турецких портов. Сначала Мурад дал заглянуть в нее Ахмету, потом сам быстро осмотрел окрестности и бережно спрятал свое сокровище.

Все как обычно, сказал Мурад. - Если бы они ждали чего-то или кого-то, мы бы заметили. Начали бы строить дополнительные склады или послали бы передовой отряд встречать конвой на подъезде к станице. Подозрительное затишье. Наверное, у них те же заботы, что и у нас, сказал Ахмет, - Все запасы на исходе, вот они и затихли.

Мурад вновь глянул в трубу.

- Ну-ка посмотри, Ахмет. Там какой-то кра савчик летит... Видишь?

Ахмет взял трубу и принялся внимательно разглядывать красивого светловолосого широкоплечего мужчину в блестящем мундире адъютанта, во весь опор скачущего в сторону станицы. Как только всадник приблизился к главным воротам лагеря, сторожа подняли шлагбаумы, и он вихрем промчался мимо них. Возле штаба он лихо осадил коня, легко спрыгнул с седла и отдал честь дежурному офицеру. Потом оба вошли в дом.

- Наверное, надо доложить об этом мулле.

Ахмет теперь искал любой повод, чтобы попасть в деревню Цемы. Мурад понимающе улыбнулся:

- Лично я бы не спешил с выводами. Но это я. А на твоём месте, дружок,.. Ладно, сейчас двинемся обратно к деревне.

Легким галопом они проскакали с две версты, миновав гряду, с которой открывался вид на станицу. По дороге они сделали небольшой крюк на случай неожиданного преследования. Здесь, в укромных расщелинах гор, воздух был теплым, почти как летом. Дальнейший путь лежал через глубокое ущелье, где, как знал Мурад, чеченские женщины частенько полоскали белье, а иногда и сами плескались в воде.

Это выглядело так трогательно и мирно, когда женщины со свежеевымытыми длинными волосами, распущенными по плечам для просушки, склонялись над волнами, полоща свои яркие одежды. Со всех сторон их окружала буйная растительность, и на ее темно-зеленом фоне их обнаженные руки и ступни казались еще белее. Рядом шумел водопад, струи которого рождали тающие высоко в горах льды. Чеченские ребятишки, сбросив одежду, самозабвенно взвизгивая, плескались в бурлящей воде.

- Я поеду вперед, - сказал Мурад, - расскажу мулле, что мы видели.

Ахмет расстался с Мурадом, ни сказав ни слова: он тут же забыл о нем, внезапно заметив среди женщин свою Цему, и направился к ним. / (стишки выскакивали из воды и бешено носились по берегу, а матери пытались поймать их, чтобы насухо растереть их озябшие мокрые тельца.

В этой обстановке Ахмет как-то по новому увидел ему. Теперь она казалась ему менее самоуверенной и решительной. Щеки у нее покраснели от работы, а волосы прелестными локонами обрамляли лицо. Она была такой женственной! Чего стоили округлость ее груди и плавный изгиб бедра! Но этот образ мелькнул лишь на секунду. Заметив Ахмета, Цема взвилась, как дикая лань, и бросилась по тропинке к нему - снова сильная независимая молодая девушка.

- Я не ждала тебя сегодня!

Ахмет почувствовал, как все женщины, собравшиеся у воды, принялись рассматривать его во все глаза. Он соскользнул с лошади, взял Цему за руку и свел с дороги. И вот так, стоя лицом к лицу, сблизив уста, они от счастья не чуяли под собой ног.

У меня почти не было повода, чтобы... -пролепетал Ахмет:

Что-то должно произойти.

Думаю, что скоро. Набег.

Ах, вдруг бы ты уехал, не попрощавшись! Всегда, когда им приходилось встречаться, Цема

была такой сдержанной, однако теперь, перед самым большим набегом из всех, когда-либо замышлявшихся мужчинами ее племени, сердце девушки дрогнуло. Она шагнула вперед и обняла Ахмета, склонив головку ему на грудь.

- Ты должен обязательно ехать? - спросила она дрожащим от волнения голосом. - Конечно, каждый раз страшно, но сейчас...

Ахмет прижал ее к себе. Сердце у него радостно билось, от того, что сбылась его заветная мечта: Цема любила его. Ахмет чувствовал, как ее молодая тугая плоть прижимается к нему, и все его тело охватила какая-то лихорадка, и сладостная, и пугающая. Он чуть отступил назад, чтобы шепнуть пару слов. Во рту пересохло.

- Но что скажут мужчины? За время последних вылазок я собрал немало трофеев. Но сейчас - совсем другое дело. И я хочу, чтобы ты гордилась мной.

Цема вспыхнула, почувствовав возбуждение Ах мета, и опустила глаза. Она понимала, что Ахмет должен доказать свою преданность ее народу, что это нужно, прежде всего, для них, для их любви, но еще более важно показать это мулле и всем соперникам и недругам. Цема решила, что лучше ничего не говорить и опустила глаза, разглядывая траву у ног Ахмета. Настают тяжелые времена, и впереди их ждут серьезные испытания.

Скоро я соберу выкуп, которым не побрезгует даже твой отец! - продолжал Ахмет. Он вновь сжал любимую в объятиях. - Он прав, что ценит свою дочь так высоко, В мире нет сокровищ, которых бы хватило, чтобы завоевать тебя, Цема.

Что мне богатство... Оно не дороже твоей любви ко мне!

Ахмет неохотно разжал объятия. Пора было расставаться. Если позволить чувствам Одержать верх, уже не достанет мужества для войны...

Ахмет лихо схватил поводья, пытаясь выглядеть бывалым удалцом. Цема вновь улыбнулась, глядя на него.

Не дороже и твоей любви, Цема!

Нет, прошу, побудь еще немного..., - протянула Цема нарочито жалобно.

Ты же знаешь, я не могу. Нужно ехать.

Возвращайся поскорее, навести моего отца. Он любит, когда ты приезжаешь.

Иди к подругами - Ахмет махнул в сторону девушек, сбившихся в кучку у водоема и с жадным интересом наблюдающих за прощанием влюбленной парочки. - Они, наверное, жалеют, что я не похитил тебя!

Цема рассмеялась, его настроение передалось ей.

Ты бы не осмелился!

Ахмет развернулся, и пустил коня в галоп. Следя за его удаляющейся фигурой, Цема погрустнела, и улыбка погасла у нее на губах.

* * * * *

Ахмет не переоценивал важности предстоящего похода. Когда он въехал в деревню, в каждом доме уже вовсю шли сборы. Воины готовились к газавату. Несмотря на то, что Ахмет с Мурадом были людьми пришлыми, мулла поручил Мураду возглавить налет, а Ахмета назначил его главным помощником. Это было испытание верности, мужества а может, расчет был иной - ведь горячие чеченцы в пылу боя могли совершенно потерять голову.

- Этот русский офицер вовсе не одинок, -проговорил мулла ровным голосом, полускрыв глаза. - Из других сообщений мне известно, что вслед за ним в станицу придет небольшая группа других военных. Они сопровождают повозки с какими-то грузами. Предполагаю, что они рас считают попасть в лагерь до наступления ночи, если судить по скорости передвижения. У меня есть все основания думать, что в повозках у них оружие.

Не в первый раз уже Ахмет дивился тому, как хорошо мулла сумел организовать свою разведку.

- Нельзя терять время. Аллах благословляет наше дело.

Все воины собрались на деревенской площади перед домом муллы для молитвы. В тишине Ах мету казалось, что его сердце бьется невероятно громко, и н едва подавлял в себе желание вскочить в седло, не дождавшись конца обряда. Тем не менее, он старался проникнуться торжественностью момента и по всем правилам вознести молитву о победе в сражении. Сила воздействия» исходящая от муллы, будто прижала колени каждого к земле и не позволила подняться раньше, хотя многим нелегко было вынести столь продолжительную молитву. Зато потом, когда все поднялись, их охватил единый радостный порыв.

- Слава Аллаху! Хвала Аллаху! - слышалось со всех сторон.

Воины вскочили на коней и тронулись в путь. Ехали быстро и к наступлению темноты добрались до края горного кряжа. Мурад приказал отряду располагаться на ночлег. Арсби фыркнул громче лошади:

- На ночлег?! Почему ты! медлишь?

- Я ценю твой боевой дух, Арсби. Надеюсь, он есть у всех нас, поэтому не сомневаюсь в победе.

- Мурад казался спокойнее чем обычно, зная, как много зависит от его самообладания. - Но чтобы наш бросок был молниеносным, нужны свежие, отдохнувшие лошади. Так что этой ночью мы будем отдыхать ради них, а не ради нас самих.

- Я расположусь вон там, на западном крыле,

- сказал Ахмет.

Рядом с Мурадом на ночлег устроились человек пятнадцать, вокруг Ахмета - чуть больше. В группе Мурада был Эльдар, тот самый гигант в черном, который когда-то чуть не задушил Ахмета в своих стальных объятиях, рядом с ним устроился неистовый Куэр. Теперь Ахмет знал, что это отец и сын, оба черноволосые, с блестящими глазами, воинственные. У них были самые лучшие лошади во всем селе. Ахмет понял это, внимательно рассмотрев их, пока те мирно паслись невдалеке. Куэр не отрываясь глядел на него, и Ахмет сначала не понял, чем вызван этот пристальный взгляд. Скорее всего, Куэр уже засыпал, и глаза его были просто устремлены в никуда перед тем, как закрыться.

На несколько часов на этом хребте, нависающим над казачьим лагерем, воцарились тишина и покой, и было слышно лишь дыхание людей и животных, да шелест ветра в листве.

Отряд поднялся еще до рассвета. Люди проверяли оружие, порох и клинки. Когда стало посветлее, Мурад взялся за свою подзорную трубу, которая пришлась очень кстати. Он коротко рас сказывал, что видел, вселяя уверенность в солдат;

- Там три караульных поста. Северный угол, южный и восточный. На западном нет. Это хорошо. Слева от центра кто-то разжигает огонь. Вижу, что кто-то собирается готовить пищу. Только одно каменное здание, на нем полковой флаг. Остальные разместились в палатках вокруг штаба. Ага! Вот то, что надо!

Мурад передал трубу Ах мету, желая узнать его мнение.

- Видишь казака часового у палатки, слева от центра? Думаю, склад оружия именно там.

Ахмет внимательно изучил обстановку и кивнул.

Мурад обратился к людям с лаконичной речью:

- Братья! Наша главная цель - вон та палатка. Это единственное, что усиленно охраняется на территории лагеря, поэтому можно предположить, что там боеприпасы. Мы должны проскочить туда и захватить как можно больше, пока лагерь не поднимут в ружье.

Он повернулся к Хамзету.

- Возьми пять человек и поезжай вниз, к вое точному флангу. Спрячьтесь там, но если услышите стрельбу в западной части, если там завяжется бой, атакуйте лагерь с фронта, чтобы сбить неприятеля с толку, и прикрывайте нас, пока мы не прорвемся с добычей. .

Хамзет, стоявший спокойно, кивнул в знак согласия. Ахмету понравилось, как Мурад распределил силы. Хамзет был человеком рассудительным, хладнокровным, он не позволит своим людям проявлять излишнюю пылкость, ту самую, к которой так склонны Арсби и Куэр.

Хамзет не станет делать ничего безрассудного. Ахмет понимал, что он вовсе не жаждет кровопролития. Он видел его лицо в профиль: скулы резко выделялись, а голубые глаза стали совсем светлыми. Руки юноши нервно сжимали рукоять кама у пояса ? а спину он старался держать как можно более прямо: старая рана давала о себе знать.

Нашелся еще один доброволец в отряд Хамзета. Это был Ати, тот самый, который говорил по-русски и как-то украл и перепродал казачьи ружья. С оружием он обращался легко, играючи, словно щеголял приемами заправского стрелка. Ахмет был рад, что и этот парень оказался здесь с ними.

Мурад вновь обратился к воинам:

- Вам хорошо известна цель этого налета. Как только вам удастся захватить что-либо» тут же скачите прочь, в горы. Не задерживайтесь ни под каким предлогом. - Он многозначительно посмотрел на молодого Арсби, как бы повторяя: «никакого показательного героизма». Но Арсби его, кажется, не понял.

Мурад повернулся к Ахмету и заговорил по-черкесски:

- Тебе это будет нелегко слышать, но нам нужно разделиться. Отправляйся с Хамзетом и следи за ходом события.

Из-за любви к Цеме Ахмет был готов на все. Конечно» прикрывать Хамзета и удерживать фланг для Мурада - задание ответственное и почетное, но Ахмет предпочел бы быть в атакующем отряде. Но приказ есть приказ. Ахмет крепко пожал руку Мурада:

- Удачи, брат.

Ахмет, Хамзет а еще четверо всадников направились вниз по склону, туда, где находился вход в лагерь. Низкорослые широкогрудые горные лошадки как нельзя лучше подходили для быстрого спуска, который был бы опасен для лошадей равнинных пород. Ахметова кабардинская кобыла едва ли уступала местным. Всадники неслышно спустились к подножию хребта, где находился новый русский лагерь. Группа укрылась в чаще совсем близко от станицы.

Они боялись дышать - казаки были слишком близко. Так близко, что когда какой-то грузный человек высунул голову из палатки с боеприпасами, они слышали, как он давал указания по-русски, хотя палатка стояла в самом центре лагеря.

Некий «туземец» устрашающего вида со шрамом через все лицо сидел на корточках возле огня, над которым висел походный чайник. Часовой подошел к нему и велел что-то сделать.

- Заботится о своем завтраке, - сказал Ати, - Тот, что в палатке - не казак, это русский офицер. Я различаю по произношению! Выходит, это не часовой? Какого ж дьявола такой важный офицер оказался в этом маленьком лагере?

У Ахмета мгновенно пересохло во рту. Он вдруг понял, какая опасность нависла над ними. Что, если боеприпасы вовсе не там? Однако жребий брошен, и уже невозможно предупредить Мурада.

Ахмет пытался разглядеть, как всадники во главе с Мурадом приближаются к станице. Наконец, он увидел, как чеченцы ползком пробираются через кустарник и исчезают за палатками. Внезапно раздался громкий ружейный выстрел и весь лагерь был поднят на ноги.

Вытянув шею и рискуя получить пулю в лоб. Ах мет видел, как Мурад выскочил из палатки с боеприпасами, зажав рукой левый бок. Тут же он скрылся на дальнем конце лагеря. Еще несколько чеченцев бежали за ним, таща на себе раненого.

Ахмета одолевали ярость и злоба. Было ясно, что этой палатке оружия не было. Они с Хамзе том открыли беглый огонь по лагерю, чтобы отвлечь неприятеля от отступающей группы Мурада. Кое-кто из казаков повернулся в их сторону. Ахмет рванулся вперед. Прицелился и уложил одного из солдат, бегущего к нему. И тут Ахмет заметил, что некоторые из людей Мурада бросились к повозке, что была прислонена к палатке русского офицера. Охранника, стоявшего возле нее, чеченец уложил ударом ножа сзади...

У Ахмета не было времени наблюдать за развитием событий. Отвлечь на себя огонь - вот чего хотел от него Мурад, и, слава Богу, им с Хам-зетом, кажется, найдется дело. Чуть не половина гарнизона решила, что главный удар атакующие нанесут по фронтальному участку лагеря, и солдаты начали сбегаться туда, чтобы дать отпор Хамзету и его пяти всадникам. Человек двадцать, не менее, стали быстро занимать оборону.

Хамзет вдруг откинулся назад. Крепко ругаясь, он отполз под куст и, лежа на раненом боку, начал перезаряжать ружья для воинов здоровой рукой. Это было все, что он мог сделать.

Маленькую группку, где были Ахмет и Хамзет стали окружать. Откуда-то донесся стук множества лошадиных копыт: кони неслись, как лавина. Сквозь облака порохового дыма Ахмет увидел Эльдара, отца Куэра, который бешено мчался по лагерю на храпящем коне. Его черная бурка парила в воздухе, как орлиные крылья. Он подскакал к загону с лошадьми, выпустил их и повел табун прямо в тыл казакам, остановившим атаку Ахмета, За лошадьми следовала повозка, в которой, как предполагали, были боеприпасы. Ею управлял Мурад, нахлестывая карабахских коней.

- Освободите дорогу! - что есть мочи крикнул Ахмет своим людям, и, подняв Хамзета, спотыкаясь оттащил его в сторону, едва успев до появления табуна, промчавшегося мимо, сметая все на своем пути. Только теперь они были без всадников. Озверевшие кони налетели прямо на солдат и не меньше троих затоптали насмерть. Казаки, багровые от ярости, отчаянно ругаясь, наобум стреляли вслед собственным лошадям и исчезающим в горах чеченцам.

Перед Ахметом висело густое облако пыли: это Мурад всю гнал вперед тяжело груженую повозку, окруженный большей частью всадников своего отряда.

* * * * *

Несколько часов спустя адъютант генерала Комарова Иванов, у которого еще голова шла кругом, стоял в штабе лагеря Самоуверенность мгновенно слетела с него: сегодня утром он впервые в жизни увидел, как человеческие мозги брызнули из черепа раздавленного колесом повозки. Это была самая страшная картина из всех, что ему доводилось видеть.

Рядом стоял офицер, главный в лагере, его вид говорил о том, что ему ох как несладко. Буквально через несколько минут после яростной чеченской атаки в лагерь прибыл русский генерал и три младших офицера эскорта. Иванов и казачий командир, есаул Грунский, получали выволочку и стояли во фрунт, в то время, как генерал занял единственный в этой неприбранной комнате стол и уселся на него верхом. Грунский забыл даже привести в порядок свой мундир. Худощавый, небольшого роста, он смотрел испуганно и переступал с ноги на ногу, с ужасом представляя себе последствия доклада о происшедшем.

Русский генерал был, безусловно, рассержен случившимся в станице. Еще бы! Строительство укрепленных стен вокруг поселка не закончено, деревья, под которыми могут укрыться налетчики, не вырублены. Лошади угнаны. Запас оружия, который сопровождал генерал Комаров, украден. Десять казаков мертвы или умирают от ран.

На Иванове, по крайней мере, мундир был безупречен. Он старательно отсалютовал.

Адъютант Иванов, Ваше превосходительство! - гаркнул он, но, к своему огорчению, осекся на последнем слоге.

Где, черт возьми, генерал Комаров? - раздраженно спросил Иловайский.

Здесь, Ваше превосходительство, - растерянно произнес Грунский. По-русски он говорил с акцентом и держался подобострастно, как трактирщик в кабачке третьей руки. Иловайского провели в соседнюю комнату, где была офицерская столовая. Комаров лежал прямо на обеденном столе.

Иловайский приподнял окровавленный край одежды. Комаров был без сознания, едва дышал. Рана его была перевязана, однако зловещее бурое пятно расплзлось по животу. Дело было плохо.

- Боже, а где полковой лекарь?

- В Екдтеринограде, ближе нет, - ответил казачий командир. - Это день езды. За помощью мы послали его карачаевца. Адъютант Его превосходительства, господин

Иванов, утверждает, что ему можно доверять. Тяжело раненных отправляем назад, на Линию.

Грунский заметил: русских офицеров не часто встретить на этих отдаленных рубежах. Его казаки обеспечивались неважно. К ним здесь относились как к дешевой наемной силе.

Иловайский пробурчал что-то неопределенное. Он не питал к Комарову особых симпатий, но это был русский генерал, и, если он умрет здесь без помощи, всем за это придется ответить.

Грунский воспользовался паузой:

- Генерал Комаров отважно сражался. Кажется, это он убил предводителя бандитов.

После его выстрела вся палатка была в крови.

Иловайскому не хотелось вдаваться в подробности. Он повернулся к Иванову:

- Где бумаги генерала?

- Вот они, Ваше превосходительство. Младший офицер и Иловайский, выходя из столовой, отеснили Грунского. Иловайский вновь воссел на низенький колченогий столик, который он решил, видимо, сделать символом власти, и нетерпеливо протянул руку к Иванову, намереваясь сломать печати на пакете с документами.

У меня мало времени. Иванов замялся.

Но, Ваше превосходительство, генерал Комаров - адъютант генерала Суворова. Он ехал для встречи с ним. - (Другими словами: «Эти бумаги предназначены только для него».) Глаза Иловайского сузились.

- Генерал Суворов лично послал меня в Кизляр, чтобы перехватить его. Фельдмаршал Потемкин, по приказу которого я отправился в путь, велел мне срочно ознакомиться с этими бумагами.

Иванову не оставалось ничего, как только уступить, причем он вовсе не был уверен, что не играет на руку противникам Комарова. В русской армии было множество враждующих группировок.

Иловайский хитрил. Под предлогом расследования нападения на станицу и покушения на Комарова он мог получить весьма ценные для себя сведения. Он велел младшему офицеру принести его походную флягу с водкой. Перелистывая бумаги, он сыпал вопросами. Что здесь произошло?

Иванов молчал. Его поведение было, конечно, не совсем благородным, но он считал, что вся ответственность лежит на этом ничтожном Грунском.

Офицер из свиты Иловайского поднял стопку с водкой.

За все, что миновало, - ехидно сказал он, подмигивая Иванову. Тот опрокинул водку в горло и почувствовал себя еще хуже.

Сегодня на рассвете нас атаковал многочисленный отряд конных чеченцев, - начал Грунский.

Многочисленный? - Иловайский с интересом взглянул на него. - А точнее?

Есаул тяжело потел, что еще больше усиливало сходство с засаленным трактирщиком.

- Две... две сотни, а может и больше. Они атаковали нас с двух сторон - с фронта и тыла, стараясь пробиться к генеральской палатке. Но они точно знали, где именно он расположился.

Только эта палатка была распорота сверху донизу. Полагаю, Ваше превосходительство, что сам господин генерал и был главной целью налетчиков. Стража подвела...

Грунский всячески старался отвести мысли начальства от главной причины налета чеченцев -безалаберности в обустройстве лагеря. Все присутствующие это прекрасно понимали.

Иловайский глянул на него с насмешкой:

Мало похоже на правду. Генерал Комаров провел здесь одну ночь, и об этом мало кто знал. Чеченцам нужно было чего-то добыть. Что они украли?

Они.-, угнали повозку с боеприпасами.

Это сообщение, однако, не произвело на Иловайского сильного впечатления, которого ожидал есаул. Он лишь что-то черкнул в бумагах, продолжая внимательно читать. Затем поднял голову, в глазах его светилось любопытство.

- А кто такой этот шейх Мансур? - спросил он, обращаясь к Иванову.

Адъютант почувствовал, что есть шанс иску пить вино. Сначала он решил блеснуть осведомленностью насчет Мансура, но вдруг раздумал и промолчал. Иловайский поднялся, собираясь уходить.

- Не стоит дремать, есаул, - бросил он Грун-скому с недоброй усмешкой. - Если бы на эту дыру действительно набросились двести горцев, вы все уже были бы на небесах.

* * * * *

Молодой чеченец, родственник Куэра, лежал в углу повозки. Он был мертв. Мурад и Хамзет сидели рядом, занимались своими ранами. Раны были не страшными, пули пошли навывлет, кровотечение было несильным. Их лошади были принизаны к повозке, которая тащилась по тряской дороге, усыпанной галькой. Куэр и его отец, в груди которых еще бушевал вулкан ярости, нахлестывали карабахских лошадей, а, если нужно, и руками толкали колеса повозки, перебираясь через глубокие канавы. Остальные чеченцы ехали молча, тишину нарушало лишь поскрипывание седел и всхрапывание лошадей.

Мурад решил высказаться о проведенной операции:

- Вообще то, мы действовали неплохо..., если не считать этой досадной ошибки.

Куэр глянул на него, потом - на тело своего родственника.

- Дорого мы заплатили за эту ошибку, про бормотал он.

Ахмет ехал верхом рядом с повозкой и иногда спешивался, чтобы помочь Куэру, подталкивая плечом колесо. Он долго не вступал в разговор, но, когда Мурад с Куэром замолчали, приблизился к Мураду, нагнулся и заговорил по-кабардински:

- Почему же часовой стоял возле палатки, если внутри не было ничего ценного? Ведь все это время оружие находилось в этой повозке?

Мурад мрачно усмехнулся:

Думаю, внутри было что-то или кто то, о ком очень заботились. У меня такое чувство, что сегодня я убил русского генерала, а не простого офицера.

Это дело серьезное, - Ахмет сразу подумал о мести русских.

Мурад не стал распространяться об этом.

Мы добились своей главной цели. Мулла будет доволен.

И лошадей хороших прихватили, Ахмет не мог скрыть своей радости. Он жив, Хамзет и Мурад - тоже, и ему удалось выполнить все, что от него требовалось в этом первом крупном деле. Он уже размышлял, какие плоды это принесет.

Ты взгляни на эту гнедую кобылку, - прошептал он на ухо Мураду. - Может принести отличных жеребят.

Мурад, однако, отнесся к его словам довольно холодно:

- Ты мечтаешь о разведении лошадей, - вздохнул он, - но если ты по-настоящему честен, то должен отдать кобылу племени, когда вернемся домой. Думаю, мужчины не будут против.

Ахмет замялся, разрываясь между двумя желаниями: сделать богаче свою конюшню, а, значит, и поскорее собрать выкуп, и стремлением блеснуть щедростью в глазах чеченских мужчин.

Не знаю, как поступить. Так ли уж это справедливо? Разве в деревне мало своих лошадей..., и разве мы захватили мало трофеев?

Конечно, немало. Но мулла продаст этих лошадей, а выручку разделит между всеми.

Отряд достиг предгорий и повернул в сторону чеченской деревни. Дорога стала получше, и мужчины почувствовали некоторое облегчение.

Отец Куэра, Эльдар, утер пот на своем раскрасневшемся лице и передал сыну вожжи. Он повернулся в повозке, отвязал свою лошадь, вскочил в седло и поехал рядом с Ахметом.

- Ты был хладнокровен, Ахмет с Кубани. Хорошо рассчитал время. Без твоего маневра я бы не смог добраться до загона.

- Обычное дело, Мол, - ответил Ахмет. Чеченскому воину понравилось, что к нему обратились подчеркнуто уважительно. «Мол* для чеченца означало примерно то же, что и «Тхамада для адыга. Эльдару было около пятидесяти, но он легко бы дал форы и человеку вдвое моложе. Его грубое лицо озарила улыбка:

Стало быть, тебе по душе воевать вместе с чеченцами?!

Я бы предпочел пировать с ними, но, если нужно воевать, я всегда готов.

Хорошо сказал, Я рад, что ты с нами, брат - адыг.

Проговорив это, Эльдар, признанный во всей Чечне наездник, вдруг махнул через кусты и направил лошадь на почти отвесную каменистую

осыпь. В одно мгновение его кобыла взлетела на вершину с легкостью лани. Эльдар искал глазами тропинку к наблюдательному посту, расположенному где-то далеко впереди, поднял ружье над головой и потряс им, чтобы дозорный заметил его. Теперь мулла получит сообщение: газават окончен, отряд возвращается с трофеями.

В повозке оказались шесть бочонков с порохом, большой ящик со взрывчаткой и ящик с полусотней ружей. По тем временам это богатство можно было считать достойной платой за жизнь молодого чеченца. Такой арсенал поможет надежно защищать деревню много месяцев, и еще не один казак заплатит жизнью за эту смерть.

Въехав в деревню, где жил мулла, Ахмет и Мурад свернули и направились к дому. Медина пряла, сидя у дверей с покорным смирением, что было так свойственно женам воинов, коротавших время в тревожном ожидании. Сколько раз вот так, сидя за работой, она размышляла о том, во что превратится ее жизнь, если муж однажды не вернется. В конце концов она здраво рассудила, что лучше не мучить себя, а молиться о его благополучии и благоденствии их молодой семьи.

Мера доверия Медины к Ахмету была такова, что она позволяла ему лечить Мурада. У молодого кабардинца была врожденная способность исцелять, которую он еще больше развил, наблюдая, как врачует его мать. Ахмет разрезал рубашку Мурада и осмотрел рану на плече.

Ничего страшного. Пуля прошла навывлет. Жив останешься.

Тимур и Джафар сидели на корточках перед ними и внимательно следили за происходящим. Так и он когда-то учился, так же точно. У Ахмета заняло сердце: у него самого не было сыновей. Пока.

Ахмет говорил громко, чтобы мальчишки могли расслышать. Лучше увидеть все своими глазами, чем слушать скучные объяснения,

- Надо сначала как следует почистить рану,

Мурад. Она у тебя сильно загрязнена... наверное, грязь попала, когда упал. И распухла. Нужен лед.

Мурад обратился к Тимуру:

- Эй, братишка, знаешь, где отыскать лед?

Мальчик убежал. Если высоко лезть по горным склонам, то обязательно отыщешь лед, но он знал место, где ледниковая расселина нависала над узкой горной тропкой. Ни один солнечный луч не попадал туда, и лед под этим природным козырьком сохранялся все лето.

Тем временем, Ахмет закончил промывать рану и смазал ее розмариновым маслом, чтобы «подсластить пилюлю.

Мурад постоянно старался разговаривать, чтобы отвлечься от боли: Я забыл тебе сказать... Недавно тут чеченцы заходили, хотели купить жеребят у тебя. Это было в тот раз, когда ты поехал навестить свою любовь.

Ну и... ты показал им жеребят или повернул восвояси?

Мурад вздрогнул. Рану стало жечь от масла.

Ага, ты кажется хочешь продать своих драгоценных жеребят! Прекрасно. Золото нам пригодится... Нам потребуются припасы.

Действительно, это способ, - мягко вставила Медина.

Ахмет стал колебаться.

Я смогу продать одного или двух жеребчиков, но не кобылок.

Но у тебя кобыл больше, чем жеребцов, -возразил Мурад. - Почему бы не продать кобылок? Жеребенок он и есть жеребенок...

Как будто не ясно! Он, улыбаясь посмотрел на Медину. Пора было, наконец, все им объяснить... И Ахмет удовлетворил их любопытство:

- Если я начну продавать кобыл, у меня никогда не будет хорошего конного завода.

Лицо Мурада побледнело, но ему явно хотелось отвлечься разговором.

- Мне кажется, что ты уж слишком всерьез думаешь заняться коневодством, брат, - наставительно произнес он. - А, жена? Ты считаешь, что горные чеченцы смогут по-настоящему оценить те качества коней, которые ты стараешься получить? Я так не думаю. Лошадь есть лошадь... -Его зоркие глаза блеснули, когда он заметил, как Ахмет вспыхнул от негодования. - Чеченцы считают, что лошадь - просто зверь о четырех быстрых ногах и с хвостом к тому ж!

Однако, Медина была на стороне Ахмета по нескольким причинам. Во-первых, она была равнодушна к кабардинцам. Так как сама она была уже замужем за одним из них, ей хотелось выдать за Ахмета свою лучшую подругу. Кроме того, Мурад, хотя и считал чеченцев замечательным народом, но кое в чем они казались ему проще и грубее, чем его предки, терские хапча. Если и был у него недостаток, то именно этот: чувство некоторого национального превосходства.

- Чеченцы разбираются в лошадях не хуже тебя, дорогой муженек. Они не мудрят и не носятся с ними, как кабардинцы, но смыслят не меньше, - вставила Медина.

Тимур вернулся с большим куском льда, испачканном в земле. Ахмет отмыл его в ведре в водой, отколол кусок, завернул в тряпицу, собираясь приложить компресс к плечу Мурада.

- Я не хочу, чтобы в рану попала вода, нужен только холод, - объяснил он заинтересованному Тимуру. - Давай ка, помоги отцу.

Мурад продолжал подшучивать:

- Ты слышал, Ахмет? Чеченцы вдруг стали коневодами! Я могу поклясться, что когда впервые отправился на газават, с нами было три мула и ослик..!

Маленький Джафар, который испуганно посматривал на изрядную дыру в плече своего отца, подвинулся ближе и взялся за его колено.

- Неужели? - Ахмет поддержал шутливый тон. - И что случилось?

- Что бы ты думал! Мы встретили их, возвращаясь после набега, они всю спешили громить казаков!

Ахмет рассмеялся, но потом замолчал, перехватив взгляд Медины. Они зашли слишком далеко.

- Мурад!

Чеченцы! Коневоды! - Мурад продолжал язвительно посмеиваться.

Перестань, а то сегодня останемся без ужина, - предупредил Ахмет.

Медина погрозила им пальцем.

Те, кто ничего не смыслят в лошадях, подарили твоему другу лучшего жеребца на всем Кавказе...

Хорошо сказано, Медина. Ты видишь, муж твой немножко не в себе, так что прости уж его бредни.

Детишки обрадовались, когда взрослые дружно расхохотались. Как счастлив был Джафар, когда Медина убрала, наконец, это ужасное ведро с красной от крови водой, и отец наклонился, чтобы поднять его, несмотря на сильную боль в плече.

Ахмет потрепал мальчика по волосам. Подумать только, лишь несколько часов назад они с Мурадом убивали людей!

- Знаете, я хотел с вами обоими посоветоваться по касающемуся меня делу, - начал Ахмет.

Смех прекратился. Медина бросила на него мягкий взгляд. А хм! ты хотелось, наконец выговориться. Выложить все, что накопилось. Как здорово!

- Давай советуйся! - сказал Мурад. - Я так ослабел от потери крови, что кет уже никаких сил спорить. Ты меня легко одолеешь...

Медина щелкнула языком:

- Мурад, прекрати! Ахмет говорит серьезно. Конечно, мурад понимал это, просто хотел, чтобы его молодой приятель чувствовал себя как можно раскованнее.

- Спасибо, Медина, - сказал Ахмет более уверенным голосом. - Наверное, вы мне поможете, хотя не знаю... Видите ли, если б я был на Кубани или среди адыгов, то следовало бы соблюдать надлежащий порядок... и обратиться к кому положено.

Медина едва сдерживалась от нетерпения.

Здесь, в Чечне, я не знаю местных обычаев...

Ну что ты мямлишь?! - сказал Мурад, дипломатично делая вид, что еще не понимает, о чем речь. - Я то думал, что лихорадка только у меня!

Это насчет Цемы, верно, Ахмет? - быстро вставила Медина.

Ахмет облегченно выдохнул

Женщины такие чуткие создания... Не то, что их крепколобые мужья. Как ему вообще удалось уговорить тебя выйти за него замуж?!

С большим трудом! А ты, наверное, хочешь просить у муллы руки его дочери?

Ахмет покорно кивнул, и Мурад рассмеялся.

- Наши обычаи не отличаются от ваших, - объяснила Медина. - Ты должен будешь послать в его дом своих сватов самых уважаемых лиц из числа твоих приятелей.

- Ну, это, конечно, буду я, - ввернул Мурад. Ахмет глянул на него искоса.

- Возможно, но я еще не знаю окончательно, насколько ты вообще тут значителен...

Медина продолжила наставление:

Их должно быть не меньше трех человек, и, если согласие будет получено, посланники обсуждают с отцом выкуп.

Мы отдадим старому волку назад все его подарки! - вставил Мурад, продолжая валять дурака.

Это невежливо, к тому же, противоречит традициям, ты сам это знаешь, муженек. Ахмет должен предложить какое-то новое добро, достойное его невесты, его Цемы.

- Что, например? Что здесь считается достойным? Золото? Серебро? - Ахмет с волнением ждал ответа.

Да, кивнула Медина, - или что-то ценное в хозяйстве: дойные коровы или персидские ягнята.

Вот так. Придется еще не раз совершать налеты, - хмыкнул Мурад. - Чтобы женить тебя, придется перебить кучу казаков и угнать у них весь скот.

Впрочем, шутки завели их очень далеко. Ахмет с Мурадом переглянулись: утреннее «дело» выдалось кровавым, и сами они были на волосок от смерти. Мурад выпрямился на ложе и с жаром пожал руку приятелю.

- Я думаю, у муллы достаточно дойных коров и персидских ягнят, - заметил он. - Ему придется по вкусу кое-что из этого оружия: сабли и один пистолет с серебряной рукоятью, который мы захватили в прошлом месяце. Этого будет довольно.

Медина поставила перед ними еду и чашки с простоквашей. Мужчины вдруг почувствовали лютый голод и набросились на мясо.

А кто еще будет моими сватами?

Во-первых, мой отец, - сказала Медина. Кто еще, муж?

Кто-нибудь из твоих дядюшек, - предложил Мурад. - Наверное, лучше всего будет попросить об этом Эльдара, отца Куэра.

И- когда ты собираешься завести с ними разговор об этом? - с пристрастием расспрашивала Медина.

Вчера было бы рано. А теперь... Перед нами молодой мужчина, он влюблен, не так ли? И разве может чеченская девушка отвергнуть настоящего кабардинца благородных кровей?!

Ахмет покачал головой:

- Подожди, хапча. Думаю, что Цема и ее отец относятся ко мне, как к любому другому чеченцу. Чем раньше мы перестанем считать, что кабардинцы лучше остальных, тем лучше к нам будут относиться здесь. Это пора всем понять.

Медина признательно посмотрела на Ахмета и довольно холодно - на мужа. Мурад, кстати, знал еще кое-какие тонкости, не уладив которые, трудно будет считать бракосочетание предопределенным,

Воинам муллы потребуется некоторая передышка, прежде чем они смогут совершить новую вылазку, это был как раз удобный момент, чтобы подыскать сватов для Ахмета. С тестем трудностей не будет. Мурад все обдумал и решил, что Эльдар - это как раз то, что нужно.

Эльдар был богат, и в лучшие свои годы слыл самым искусным воином племени. Для любого юноши не было почетнее дела, чем посостязаться с ним в ловкости и отваге. Мурад знал также и то, что Куэр давно уже любит Цему и был просто взбешен, когда Ахмет встал между ними. Куэр отнюдь не обладал безоблачным нравом. Внутри он был таким же сумрачным и темным, как и снаружи. Это дело легко могло кончиться кровной враждой. Поэтому Мураду хотелось, чтобы отец Куэра участвовал в этом браке: у Эльдара появятся определенные моральные обязательства, и это поможет избежать беды.

Здесь, в Чечне, как и в Кабарде, было не принято делать предложение девушке из своей деревни. Традиция предписывала, чтобы узам брака связывали себя уроженцы разных мест, что укрепляло отношения между селами, да и потомство было здоровее. Это обстоятельство мешало союзу Куэра с Цемой с одной стороны, однако, с другой, их родство было очень дальним, и, кроме того, трудно было представить себе чеченскую семью более состоятельную и воинственную,

Мурад не был уверен, что Куэр не сделал уже официального предложения. Разговор с Эльдаром мог принять неожиданный оборот.

На следующий день Мурад отправился в деревню- Эльдар обтесывал колья для забора. Он махал топором, лопатки на его спине ритмично двигались. Никого из домочадцев поблизости не было. Мурад с грустью подумал о том, что женщины этой семьи сейчас, должно быть, в глубокой скорби готовятся к похоронам погибшего молодого родственника, которого он сам едва знал. Какой печальный день... Мурад подумал, не отложить ли разговор до следующего раза.

К тому времени, как Мурад подъехал и спешился, Эльдар успел сходить в дом и надеть красивую темную бурку. Мужчины обменялись приветствиями и сели пить мятный чай с медовыми пирожками.

Что привело воина хапча в мой дом? Планы насчет следующего набега? - Его голос напоминал звук колокола, и в нем слышалась глубоко спрятанная боль. Было ясно: этот человек будет мстить.

Нет, не то. Прости, что поведу речь об ином в дни скорби.

Жизнь продолжается. Молодой Али сказал бы так же. Говори, не стесняйся, хапча.

Хочу просить тебя помочь Ахмету с Кубани просить руки Цемьк дочери муллы.

Уже не один год мой Куэр страдает по ней. Я знаю, что она к нему совершенно равнодушна. Боюсь, что мальчик просто наложит на себя руки, если не добьется своего.

Мурад был потрясен. Такие простые человеческие чувства не вязались с его обликом. Может, это и к лучшему. Потом он вспомнил взрывы эмоции своего отца, иногда переходившее в разрушительную ярость, и немного успокоился.

- Я не знал, что ты говорил об этом с муллой от имени Куэра. Извини, что побеспокоил тебя.

Мурад начал подниматься, чтобы уйти. Эльдар остановил его.

- Подожди, не уходи. - На его усталом мужественном лице вдруг проступили все прожитые годы. - По нашим обычаям женщины имеют право сами выбирать себе спутника жизни. Когда-то мне самому здорово повезло в этом смысле. Пусть

будет так, как Бог велит. Кроме того.., - он придвинулся поближе к Мураду, - Ахмет прекрасный наездник и воин. Я люблю его за это, почти как собственного сына. И отважный тоже. Мы еще повоюем вместе: ты, Ахмет и я, и мы еще заставим этих наемников-казаков дрожать при звуке наших имен. Клянусь, что так оно и будет, хапча.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Графиня Софья сидела у постели своего мужа. Доктор низко склонился над Комаровым, прослушивая его грудь. Дыхания почти не было слышно, но раненый находился в сознании, хотя говорить мог с большим трудом,

- Никаких признаков гангрены, Ваше сиятельство. Полагаю, нет оснований сомневаться, что больной идет на поправку.

Генерал вновь прикрыл глаза, желая, видимо, спать, или лишь делая вид. Он устал от этой ежедневной процедуры, которая, видимо, казалась ему бесполезной. Он чувствовал себя очень слабым и беспомощным. Жена предвидела близкую отставку и была вне себя.

- На поправку! - Графиня сумела в одно слово вложить столько подтекста, на что другому понадобилась бы целая тирада. Она была потрясена тем, что случилось с мужем, что из-за неумело оказанной помощи он чуть было не истек кровью. Ее бесило, что генерала Комарова должен пользоваться какой-то презренный полуобразованный армейский эскулап, до тех пор, пока из Петербурга не прибудет настоящий врач, ее кузен.

Графиня сидела неподвижно, как статуя, и ее серо-зеленые глаза были холодны. Доктор подумал, что в юности она, вероятно, была очень красива, а теперь, с годами стали заметны своеволие и надменность.

- Завтра приезжает мой кузен, князь Васильчиков. Надеюсь, он согласится с Вашим диагнозом и методами лечения, - заявила она как-то слишком резко и официально.

Хирург вздохнул. Господи, как он устал от этих высокомерных столичных аристократов... Не было ни дня, чтобы ему не приходилось врачевать ужасные раны, полученные в боях. Казаки сражались отчаянно, если нужно, не жалея собственной жизни. У них было за что драться: служба на Линии гарантировала им земельные наделы и денежное довольствие. Однако, продвижение вперед стоило многих жизней как казакам на их форпостах, так и регулярным российским войскам на отвоеванных ими землях. Горцы проводили тактику изматывающей войны: часовых все время «снимали*- меткие стрелки, патрули попадали в засады и возвращались, сильно поредев, если вообще возвращались. Да и самому ему, лекарю, не раз приходилось братья за ружье, оперировать прямо на поле боя. Скучное питание и суровая зима привели к тому, что к весне солдаты во всех гарнизонах были сильно ослаблены физически, чего нельзя было сказать о -генерале Комарове, который и будучи раненым, сохранял вид хорошо упитанного, дородного господина.

Сочту за честь быть представленным Вашему знаменитому родственнику, Ваше сиятельство. Искренне надеюсь, что его присутствие окажет благотворное воздействие на

душевное и физическое состояние Вашего супруга. Большое дело, присутствие близкого родственника..,

О, ради Бога, оставьте нас теперь, - холодно произнесла графиня Софья, прервав красноречие хирурга, считавшего необходимым выразить свое восхищение столь знатной особой.

Дело заключалось в том, что графиня была глубоко озабочена случившимся по многим причинам. Пребывание в Екятеринограде было самым счастливым периодом ее жизни. О такой свободе она не могла и мечтать. Графиня происходила из небогатой аристократической семьи, и ей чуть ли не с детства внушали, что ее долг -спасти семейные дела, выйдя замуж за богатого человека. Комарова ей представили на балу в Санкт-Петербурге в том самом году, когда она впервые показалась в свете. Он не был особенно родовит. Родители хотели, чтобы ее выбор пал на Малевича или Зиновьева: оба они, получив офицерские чины, обещали сделать блистательную карьеру и делили свой досуг между великосветскими салонами и забавами в загородных поместьях. Так проводили свою жизнь большинство людей их круга.

Комаров же отличался иным складом. Он был предан армии, но в то же время свободен от безумного, слепого поклонения трону, что отличало большую часть дворянства. Он служил России/ Комаров частенько заводил с женой разговоры о политике: его волновало, что творилось в мире, и, странное дело, супруга стала замечать, что ей самой интереснее обсуждать поступки французских или польских генералов, чем то, кто с кем дрался на дуэли в Петербурге. Ей нравилось сидеть подле мужа, слушая его рассуждения, и в то же время испытывая чувственное влечение. Ее возбуждала эта особая мужская привлекательность - крепкая коренастая фигура, низкий звучный голос. Их до сих пор связывала сильная страсть, что приносило обоим много радости, несмотря на ее мимолетные увлечения молоденькими офицерами.

Графиня Софья была женщиной сильной, волевой - достойный побег фамильного дерева благородного рода (она приходилась сродни царствующей династии Романовых), у нее хватило мужества против воли отца выйти замуж, слушаясь только своего сердца. Однако назвать девичью увлеченность любовью было бы слишком сильно.

Тем не менее сейчас, сидя подле раненого мужа, Софья впервые почувствовала, как в ее душе поднимается волна истинной привязанности к нему. Она знала, что офицеры-карьеристы смотрели на кавказский фронт как на теплую Сибирь. Но они совсем неплохо жили. Муж был истинным слугой Отечества, он умел воевать лучше, чем кто бы то ни был, лучше, чем этот вздорный, бездушный мясник Суворов. Комарова любили солдаты, обожал сын. Это был прекрасный человек, достойный всяческого уважения и она гордилась им.

Комаров не шевелился и не открывал глаза. Он то ли спал, то ли погрузился в глубокие размышления и не хотел, чтобы ему мешали Софья наклонилась и взяла его руку, но его пальцы не шелохнулись. Она решила, что он крепко спит. К раненому была приставлена сиделка, однако супруга решила ухаживать за ним сама, никому не доверяя даже перевязок. Софья внимательно изучала рану, разглядывая гнойную корку по краям, пытаясь понять, заживает она или нет. Эта изнеженная женщина собрала свою волю в кулак, вела себя дельно и хладнокровно. Она чувствовала,, что их с мужем объединяет эта способность не поддаваться чувствам в минуту опасности.

Ей казалось, что рана понемногу затягивается, однако небольшое кровотечение не прекращалось, и его никак не удавалось остановить, Софья не верила военному хирургу, объяснявшему, что чеченская кама, скользя по тонкому ремню с пряжкой, лишь боком полоснула по животу, и поэтому жизненно важные органы не задеты. Как будто этот лекаришка мог разбираться в таких вещах!

Проведя обычные полчаса у ложа своего мужа, графиня решила покататься верхом, что было делом обычным. Она вышла на двор. Карачаевец Хашим сидел на корточках

подле крыльца рядом со своей оседланной лошастью. Он походил на старую охотничью собаку, ожидающую хозяина.

Он поднял голову. Злобное выражение его лица могло отпугнуть каждого, но знающая его графиня уловила тревогу во взгляде слуги.

- Никаких перемен, - сказала она ровным голосом, - по крайней мере к худшему. Это все, что я могу сказать.

Хашим сплюнул на землю - это у него выражало облегчение.

- Приведи мою лошадь, Хашим. – Графиня Софья поручила карачаевцу смотреть за лошадьми, чтобы тот был при деле. Ему нравилось сопровождать Софью верхом: он будто оказывал услугу своему господину. Хашим и генерал Комаров были примерно ровесниками, и, несмотря на национальные и общественные различия, составлявшие целую пропасть между ними, стали почти друзьями, что было настоящей диковиной.

В тот день прогулка графини в компании верного Хашима, была весьма продолжительной. Выехав за пределы поселка, она направилась вдоль оборонительных рубежей Екатеринограда. Солдаты уже привыкли к этой картине: статная амазонка, прямо и уверенно сидящая в дамском седле, слегка откинувшись назад, проносится мимо. Софья считала, что ей следует придерживаться заведенного распорядка, чтобы не давать людям повода для досужих домыслов относительно состояния здоровья ее мужа.

Вернувшись домой, она с радостью узнала, что ее кузен Василий Васильчиков приехал на день раньше ожидаемого. Графиня велела войти в дом карачаевцу - она хотела дать ему немного денег, чтобы купить всего необходимого для конюшен. Когда они вошли, Васильчиков с недоумением посмотрел на большого косматого человека с ужасным шрамом через все лицо, в меховой шапке, который бесшумно шагал в своих мягких кожаных сапогах следом за его элегантной кузиной.

- Не пугайся, он тихий, - сказала Софья не без иронии: она знала, что Васильчиков впервые на Кавказе, и все тут в диковинку для него. Она отсыпала Хашиму горсть монет, и тот мигом удалился.

Василий - такая же «белая ворона - в их роду, как и она - был ее истинным другом. Он был слишком умен для той легкомысленной аристократической среды, в которой был вынужден находиться. Как и Софью, его совершенно не удовлетворял принятый образ жизни. К счастью, у него было немало состояние и он мог позволить себе некоторые фантазии. Василий нанял учителей, чтобы научиться ботанике, биологии и физиологии и уметь разбираться в тонкостях науки. Ему было не по вкусу тянуть ляжку рутинной учебы в госпитальной школе, хотя его и интересовали сложные хирургические операции и он даже сам принимал участие в некоторых из них. У Васильчикова были искусные руки, и медицинские светила Петербурга высоко ценили его редкие способности. Он тотчас же откликнулся на призыв кузины и собрался в дорогу. Василий не любил сдерживать свои желания. Так было и на этот раз: к Софье он питал самые теплые чувства, мучился от хандры в Петербурге и, кроме всего прочего, он подозревал, что на Кавказе «все по-другому». Его давно уже подмывало собственными глазами увидеть это знаменитое «дикое поле», как было принято тогда называть Кавказ. В столичных гостиных бытовала фраза: «Не видел Кавказа - считай, что не жил».

- Боже мой, что за место! Что за поездка! - простонал Василий в изнеможении, откидываясь на кушетку и закуривая трубку. У него» казалось, слипались глаза. Василии отвернулся от яркого солнечного луча, бьющего в лицо, и натянул на себя толстый шерстяной плащ. Многие дамы находили его весьма привлекательным: мягкие каштановые волосы, обрамляющие высокий лоб, орлиный нос и ясный, холодный взор серо-зеленых, как у Софьи, глаз. Василий являл собой совершенное воплощение редкой человеческой породы. У него были замечательные руки, небольшие, с тонкими чуткими пальцами, что не предполагало особой физической силы. Софья отмечала про себя, что у него самые стройные мужские ноги в их роду, хотя и саму ее Бог не обидел: она знала, что многие мужчины без ума от ее изящных ножек...

- Но ты, дорогая кузина, выглядишь просто превосходно! Горный воздух идет тебе на пользу, - сказал Василии, очнувшись,

Я постоянно пользуюсь минеральными водами. И ты не упускай случая, пока находишься здесь. Тебе подали чая? Как прошло путешествие? Ужасно?

Жутковато. Я, видать, совсем позабыл, какой запашок у нашего народца. О еде уже не говорю. Приехав в Кизляр, л мог смело писать трактат о роли маринадов в кавказской кухне.

Я так благодарна тебе за приезд. Не могу доверять этим олухам. Такими людьми, как генерал Комаров, не разбрасываются.

Василии поднял брови:

- Да ну? Неужто, Софья, в этой глуши ты обрела супружеское счастье? Что-то не похоже на нашу семейку!

Софья вспыхнула:

Перестань паясничать, Василий. Я имею в виду, что здесь, на Кавказе, ему предстоят важные дела.

Кстати, по приезде я сразу осмотрел его. У него воспаление и довольно опасное, моя дорогая. Однако, полагаю, процесс можно остановить. Сделаю все, что возможно. Я прочистил рану и наложил свежую повязку. Нужна будет небольшая операция. Обещает быть интересной.

А как быть с этим постоянным кровотечением? Оно меня так беспокоит...

Да, твой храбрец потерял много крови, но натура у него сильная, и при хорошем уходе выздоровеет лучше прежнего. Не нужно тебе так беспокоиться.

Софья с облегчением перевела дух. Само присутствие кузена улучшало ее настроение. Заметив это, Василий ехидно ухмыльнулся:

Ужель ты, Софьюшка, влюблена? Наконец-то! Отныне и вовеки веков? Неужто?!

Ну будет, Василий. Сейчас прими ванну, нужно будет нанести кое-кому визиты, а затем в десять мы ужинаем у Распоповых.

Софья знала, чем угодить милому кузену.

- Как скажешь, *ma chere cousine*, - улыбнулся Василий. Он не любил противоречить кому-либо. День был худо-бедно расписан, и, если ему не будет скучно, то нет и причин для возражений, он с радостью покорится судьбе. Борьба со скукой - таково было его жизненное кредо, и он искренне надеялся, что сей жизненный путь будет ярким, насыщенным и не утомительно-долгим. Все проштудированное им убедило Василия лишь в том, что этот путь, помимо всего прочего, абсолютно бесполезен. Он никак не мог понять, ради чего живут и страдают такие люди, как Комаров.

Что ж, коль скоро он мог помочь в беде кузине, это радовало его, тем более, что обещало новое упражнение в медицине. Роль генерала Комарова в военной истории Кавказа его ничуть не волновала.

Если б только он знал, что происходит в Чечне, то поразился бы, как мало нужно бывает порой, чтобы один человек мог изменить судьбу целого народа.

* * * * *

Мулла распорядился, чтобы все собрались в его доме. Раненное плечо Мурада стало заживать, и они с Ахметом приехали вместе. Вошли, вежливо поздоровавшись с участниками похода.

Хамзет выглядел неважно. Его рана была не столь серьезной, как у Мурада, но ведь он не так давно оправился после нападения казаков, силы к нему еще не вернулись, и юноша выглядел вялым.

Тем не менее, Хамзет сидел рядом с муллой, стараясь казаться таким же серьезным, как и отец. Пока воины собирались, мулла перебирал четки, еле слышно бормоча какие-то молитвы. Хамзет тоже молился, однако Ахмет заметил, что иногда какая-то тайная мысль

озаряла его лицо внутренним светом, и тогда мрачная сосредоточенность рассеивалась. Ахмет понял, почему у муллы появилась привычка разговаривать, полуприкрыв глаза. Он делал это бессознательно, чтобы скрыть пламень, бунтующий в его душе.

- Новая задача будет непростой... хотя и не очень сложной, нужно подобрать человека, который неплохо знает русский и мог бы появиться на улицах Кизляра, не вызывая подозрений.

Хамзет поднял руку, будто спрашивая разрешения что-то сказать. Мулла одобритительно кивнул,

- У нас таких двое... Я предлагаю Ати.

Ати чуть усмехнулся. Одним из великих достоинств этого непревзойденного мастера шпионажа была его невзрачная серенькая внешность, на которую вряд ли обратишь внимание.

Арсби поддержал это предложение:

- Пусть идет Ати. Если о мы тогда послали его поближе к станице, то, может быть, не потеряли бы нашего родича. Нам необходимо все как следует разведать, мулла.

В комнате одобритительно зашумели голоса.

- Дело не только в том, чтобы добыть сведения. - Мулла говорил твердо, размеренно. - Но и в том, чтобы согласовать наши действия. Я намерен посвятить вас в кое-какие секретные планы.

Он сделал паузу, видимо для того, чтобы все присутствующие осознали важность момента.

- Вы все, конечно, помните, что я говорил о великом мулле из Алди... Ушурме. Теперь его называют шейх Мансур.

По комнате прокатилась волна возбуждения. Мулла с удивлением отметил, что многие из его воинов, оказывается, наслышаны о действиях Угаурмы.

Ахмет вопросительно глянул на сидящего рядом Мурада. Тот отрицательно помотал головой.

Никто из них никогда не слышал об этом мулле из Алди.

- Мы в своей деревушке поотстали от жизни, - с сожалением заметил Ахмет.

Между тем, мулла продолжал:

- Ушурма, шейх Мансур, прислал мне лично уведомление о том, что он собирается в течение следующих двух месяцев собрать крупные силы и атаковать русскую станицу в Кизляре. Мы должны как следует показать себя в этом деле.

Ахмет был растерян и вновь посмотрел на Мурада, ожидая объяснений. Он поразился не столько самому сообщению, столько тому, как его преподнесли. Никто из кабардинских правителей не стал бы раскрывать военные секреты такой важности на общем собрании, подобном этому. Зачем простым воинам знать сокровенные планы, да еще за много недель вперед, особенно, если учесть, что у противника, наверняка, сеть осведомителей не менее обширна, чем у муллы?

Какой-то неизвестный Ахмету чеченец, сидевший рядом с Арсби, тоже выразил недоумение по поводу этого плана:

- Позволь мне, мулла... До Кизляра почти два дня езды. Мы не смогли бы добраться туда.

Мулла повелительным жестом остановил его:

- Подожди. Конечно, путь не близок, но у нас имеется надежный план, к тому же есть и другие вопросы, требующие моего внимания.

С собравшимися он говорил как-то слишком холодно, словно нарочно подчеркивая разницу между ними и собой.

- Мы встретимся вновь в следующую пятницу после молитвы. К тому времени Ати вернется с задания из Кизляра. А теперь прошу меня извинить, гости ждут...

Все встали и отправились к выходу. Ожидалось что-то серьезное. Старики и воины поняли, что мулла решил собрать у себя старейшин из других деревень этой местности на совещание по поводу этой кампании под предводительством шейха

Мансура. Мулле едва удавалось сдерживать нервную дрожь в голосе и сохранять неторопливость движения. Он быстро вышел из дома. Ахмет оценил силу его воли. Он, должно быть, был могучим воином - и совсем недавно. Перед тем, как ступить за порог, мулла оросил на Мурада короткий взгляд, как бы приглашая следовать за собой-

Ахмет вдруг вспомнил и другую цель своей поездки. Схватил Мурада за руку:

- Не говори с ним насчет моих дел сейчас! Не время!

Мурад освободил руку.

- Ахмет! Сейчас или никогда. Времена будут еще хуже, а не лучше. Подумай сам: мы на пороге войны.

Он пересек комнату, подошел к мулле, и они вышли, негромко разговаривая. Беседующие остановились напротив дверного проема, и Ахмет мог наблюдать за ними. Сначала мулла нахмурился, будто что-то рассердило его, потом бросил быстрый взгляд на Ахмета и величественно кивнул.

Мужчины выходили из комнаты. Куэр оглянулся, зыркнул в сторону Ахмета. И снова Ахмет не мог понять, что выражало его лицо: злобу, недоверие или мстительность... Отомстить - но за что? Ахмет не был лично виновен в гибели его родственника. Во всем этом было невозможно разобраться.

Подошел Хамзет.

- Ахмет, пошли со мной. Не стоит тебе здесь больше оставаться.

Они вышли из дома муллы, в то время как Мурад, его тесть и отец Куэра Эльдар вновь зашли туда. Молодые люди сели на валун под кроной граба на почтительном расстоянии от жилища муллы. Быстро темнело. Скоро небо станет бездонным, как океан, и лишь звезды заблещут на божественной сфере. Ахмет посмотрел вверх сквозь листву, и небеса не показались ему враждебными.

Этот новый налет будет горяченьким дельцем, - сказал Ахмет, с удовольствием предвкушая новые битвы.

Мулла из Алди - великий человек, Ахмет. Я слышал, что другие племена стекаются под его знамена. Он объединит чеченцев раз и навсегда. Наша самая большая беда - наша разъединенность. Нам нужно научиться быть более терпимыми друг к другу. Если мы будем продолжать драться между собой, то как же мы сможем победить такого противника, как Россия?

Я и не знал, что есть такие трения. Разве не все чеченцы едины в борьбе с Россией?

Хотел бы я, чтоб это было так, мой друг. Но, увы, все иначе. Некоторые чеченские племена охотно берут деньги у гяуров и помогают им. Ушурма положит этому конец.

На секунду Ахмет задумался. Потом посмотрел в сторону дома муллы, где в это время решалась его судьба, и неожиданно перевел разговор на другую тему:

- Почему это Куэр меня так ненавидит?

Хамзет отвел взгляд.

- Я не могу тебе этого сказать.

Ахмет не стал настаивать, чтобы не смущать молодого чеченца. Он подался вперед и положил руку на здоровое плечо Хамзета.

- Ты выглядишь усталым. Спишь хорошо или боли беспокоят? Я мог бы достать тебе лекарств...

Хамзет вздохнул.

- Спасибо, брат. Я очень обязан тебе. - Он встал и потянулся. - Ты знаешь сам, что я рожден не для битв. Все это не привлекает меня. Хотел бы я быть по-настоящему храбрым, как ты, сказал Хамзет с откровенным юношеским восхищением другом и досадой на себя.

Ахмету захотелось сказать ему что-нибудь ободряющее, помочь своему другу. Но в голове сидела лишь одна мысль - узнать, что происходит сейчас в доме муллы, будет ли получено согласие и одобрен выкуп, который он мог бы предложить немедленно. Он чувствовал, что не может больше выносить неизвестности, ждать, станет ли Цема его женой.

Лицо Хамзета белело в темноте.

Мой отец примет тебя, Ахмет. Не беспокойся- Он будет рад получить в зятя такого воина. Он знает, что с тобой его род не иссякнет.

Ты настоящий друг, - с чувством воскликнул Ахмет и обнял Хамзета. Он удивился, увидев слезы в глазах сына муллы в минуту их расставания. После этого Хамзет поспешил на сельскую площадь, чтобы присоединиться к своим приятелям.

Ахмет стоял в потемках один, ожидая Мурада. Он размышлял над важностью предстоящего шага, боясь не оправдать ожиданий. Научился ли он умирять свои нрав настолько, чтобы стать главой семьи? Достаточно ли он опытен в бою, чтобы вовремя остановиться, не рискуя без нужды, ради семьи, оставшейся дома? И преодолел ли он мучительные воспоминания об Афуасе, своей единственной сестре, чтобы этот стыд не омрачал нежных чувств к Цеме?

Мурад подошел к нему, сияя улыбкой, а Эльдар хватил его кулаком в грудь.

- Должен предупредить тебя, Ахмет с Кубани, мулла торгуется не на шутку! - заявил Эльдар. - Тебе придется попотеть, чтобы заработать такую жену, но ей-то цены нет, это всем известно. В общем, всего, что ты приготовил, маловато.

Белые зубы Эльдара сверкали, он озорно ухмылялся. Ахмет мог бы поклясться, что он был рад, что мулла заломил такой огромный выкуп за дочь-невесту.

И вдруг до Ахмета дошло. Видимо, Куэр попросил руки Цемы, а мулла, верно, удвоил размер выкупа, предложенного Эльдаром от имени своего сына. Закон чести соблюден, хотя планы Куэра были разрушены.

- Что ж, будем соплеменниками, - покорно проговорил Ахмет упавшим голосом.

Эльдар вновь хватил Ахмета, но тот заметил, что Мурад стоит позади, скрестив на груди руки, с довольным выражением лица; он был явно доволен исходом переговоров.

- Ясное дело, предстоят набеги, - многозначительно кивнул Мурад.

* * * * *

Следующие несколько недель Ахмет с Мурадом работали, не покладая рук, занимаясь множеством домашних дел, не забывая, впрочем, немного поохотиться, если такая возможность предоставлялась. Ахмет изо всех сил старался умножить свое имущество, чтобы собрать требуемый выкуп. Мурад советовал ему делиться трофеями с воинами муллы. -«Это поможет тебе стать для них своим», - поучал он. Так что теперь у Ахмета добавилось новых хлопот.

Та русская станица, которую они атаковали недавно, теперь усиленно охранялась, поэтому прямое нападение исключалось. Туда были подтянуты дополнительные силы с линии обороны. Это означало, что боеприпасы теперь поступали регулярно. Чеченцы с вожделием следили за вереницами подвод, тянувшихся к поселку.

Однако у Мурада с Ахметом были и другие трудности. Куда бы они не шли, какие бы не устраивали засады, Куэр и еще один молодой воин, Айдемир, неустанно следили за ними.

- Ну какого дьявола он подозревает меня, как ты думаешь?! - возмущенно восклицал Ахмет. - Я привез Хамзета, ведь без меня он бы умер! С тобой мы рядом уже столько времени - ну в чем он еще сомневается?

У него есть свои причины иметь на тебя зуб.

- Цема сама сделала выбор.

- У Куэра бесы помutilи рассудок. Он не хочет ничего понимать.

* * * * *

Раз в месяц какой-то рискованный торговец из Екатеринограда объезжал линию обороны, заезжая в станицы и расположенные между ними маленькие дозорные башни-крепости. Он торговал водкой, зерном и - прочим товаром, охотно раскупавшимся солдатами. Он был осетин и принадлежал к той группе горцев, которые не участвовали в боевых действиях, за что были презираемы чеченцами- Этот приземистый и обычно пьяненький осетин всегда менял маршрут и день выезда, чтобы избежать встречи с чеченцами. На этот раз он был не один, рядом с ним покачивался в седле еще один «отступник» - изрядно подвыпивший смуглый грузин с ружьем через плечо.

- Посмотри-ка на это ружье, - прошептал Ахмет, жадно вглядываясь в подзорную трубу Мурада. - Оно не русское! Где это грузину удалось заполучить такую вещьцу?

- В бою, это точно. Обычное дело. - Мурад присвистнул. - Давай не будем жадничать. Навестим виноторговца, но смотри больше парочки «подарков» не прихватывай. Тогда он не обидится и приедет снова...

Ахмет с Мурадом взлетели в седла и помчались по сухому оврагу вниз, к долине.

Они спрятались в кустарнике и стали ждать, когда повозка поравняется с ними. Стоял тихий солнечный день начала лета, небо было безоблачным, Как приятно в такую пору ехать по благоухающему альпийскому лугу, украшенному чудными цветами. Позади высились величественные пики, сверкающие на солнце кристально чистыми снежными вершинами.

Внезапно грянул выстрел. Повозка, запряженная быками, резко дернулась в сторону. Возница яростно и бессмысленно нахлестывал перепуганных животных.

Бисмеллах! Если это снова Куэр, клянусь, что...

Не успел Ахмет закончить свою клятву, как именно Куэр проскочил мимо них, схватил за поводья пытавшихся бежать быков, заставив их остановиться. Его напарник Айдамир вскочил на задок повозки, размахнулся и со всей силы ударил прикладом грузина по голове. Пьяный грузин без звука рухнул наземь, изо рта и ноздрей у него хлынула темная кровь.

Ахмет и Мурад закричали что было сил:

- Не убивайте! С ума сошли! Это же наши! Куэр соскочил с лошади, и, подбоченясь, встал

с независимым видом:

- Тебе нужно ружье этого предателя? Вонючее осетинское барахло того, что снюхался с грузинским гяуром? А зерно тебе не нужно? Нашей деревне оно очень пригодится.

- Куэр, сейчас не время для споров. Уезжай-ка отсюда, пока не нагрянул патруль.

- Я забираю эту повозку и все, что в ней. Ты, если хочешь, бери ружье.

- Зачем зря лезть на рожон именно сейчас! - крикнул Ахмет. - Ты же помнишь: мулла просил не делать глупостей, Куэр.

- Да брось ты сказки рассказывать! Тебе нужно одно - выкуп за невесту отдать... А для нас это священная война, и в ней не знают пощады.

Куэр развернулся в сторону торговца-осетина, который, вывалившись из повозки, стоял на коленях и быстро - быстро крестился, бормоча какие-то молитвы. Это взбесило Куэра еще больше. Он опустил ружье и выстрелил практически в упор. Лица торговца просто не стало. Куэр выхватил саблю и перерубил поводья, удерживающие быков, затем, нахлестывая животных по бокам, отогнал их в кусты, чтобы позже вернуться за ними. Они с Айдамиром быстро впрягли лошадей, и помчались в сторону предгорий, стоя в повозке, как в колеснице и громко гикая.

В каком-то оцепенении Ахмет подобрал ружье прекрасной европейской работы. Куэра, видимо, уже ничего не могло исправить. В лучшие времена он мог найти своему

пылу полезное применение: сеять хлеб, разводить скот, строить. По молодости он не женился из-за войны и долго ходил в холостяках, мечтая соединиться, наконец, с Цемой. Страстную любовь сменила злобная одержимость. В угаре «священной войны разыгрались его самые худшие наклонности.

- Думаю, джихад Куэра уж точно не волнует, - сказал Мурад., будто читая мысли Ахмета, когда они возвращались в свой поселок.

Тем временем, подготовка к налету на Кизляр шла своим чередом. В любой день мог прозвучать призыв к выступлению. Ахмету было о чем поразмышлять. Цема хотела, чтобы их свадьба состоялась до этого дня.

* * * * *

Между тем, Ати с аппетитом подкреплялся на шумной рыночной площади в Кизляре. Маленький крепостной городок славился своими сельдями, копченым лососем и форелью. Местные женщины пряли ткани и продавали их для черкесских бешметов. Ати, маленький, похожий на юркого зверька, с как будто стертými чертами лица, шмыгал в толпе, пробуя лакомства на лотках у торговков и торгуясь с продавцами тканей. Ну у кого этот завсегда бazaar мог вызвать хоть малейшее подозрение! Кроме русского он свободно говорил на татарском языке, который был в этой горной стране примерно то же, что французский в Европе - В кавказских городах Ати чувствовал себя как дома.

Кизляр представлял собой среда размера гарнизонный городок, стратегически удобно расположенный в нижнем течении Терека. Многие русские считали Кизляр столицей Кавказа: к югу от него легко было добраться до гор, а к северу - до главного тракта, ведущего на Москву и Петербург. Постройки были в основном глинобитные. Кизлярский рынок манил казаков и русских солдат не менее, чем обывателей.

Ати предстояло выяснить, будут ли в город подтягиваться дополнительные силы и знают ли русские что-нибудь о готовящейся им угрозе. После того вечернего совещания, когда он впервые услышал имя шейха Мансура, ему уже не раз приходилось бывать в Кизляре по заданию муллы.

Однажды вечером, сидя на ступеньках трактира, Ати с видом зеваки безмятежно наблюдал, как в город прибывали новые офицеры. Можно было безошибочно различить человека, только что приехавшего из России: мундир с иголки, пуговицы сверкали, общее впечатление довершало незагорелое лицо, на которое еще не лег смуглый отпечаток «дикого поля». Ати показалось, что офицеров на этот раз было больше, чем в его предыдущий визит. Это означало, что в городе появилось и больше солдат.

Он выбрал этот трактир, когда заметил в толчее базара знакомое лицо. Человек пробирался с мешком шкурок через плечо. Это был армянин Артюнян, и Ати отлично знал, что он платный осведомитель. Разъезжая с товаром по Чечне, Артюнян воображал, наверное, что никто не догадывается о его двурушничестве. Однако мулла давно раскусил его, но предпочел не разоблачать сразу, а сначала поглумиться над ним. Он устроил так, что со всех сторон горе-шпион получал ложные сведения.

Весь день, пока Артюнян был занят торговлей, Ати неотступно следовал за ним, пытаясь нащупать какой-нибудь след. Таким образом он достиг этого трактира и тут, к своей огромной радости, увидел, как Артюнян уселся за один стол с каким-то светловолосым 'офицером крупного телосложения, но весьма болезненного вида. Они негромко о чем-то поговорили, затем поднялись и вышли наружу. Офицер с трудом передвигал ноги. Ати по-прежнему следовал за ними.

Прячась за дверью, Ати видел, как блондин споткнулся и растянулся на земле. Артюнян, покачиваясь, шел следом с бутылкой водки в руке. Подошел, помог офицеру подняться.

- Вставайте, господин Иванов. Пора возвращаться домой.

- Нет уж. Какого черта... Я решил повесе литься этой ночью. Веди, Артюнян.

- Куда прикажете: к мальчикам или к девочкам?

Ати ухмыльнулся, закрывшись накидкой. Арутюнян осмеливался так грубо подтрунивать над офицером лишь потому, что тот вряд ли что-нибудь соображал.

- К местной красотке! Бог мой, придумай что-нибудь позатейливей!

- Сначала надо немного покурить, чтоб в голове прояснилось, если уж ты собираешься как следует потрудиться...

Они развалились на ступеньках и Арутюнян закурил.

- Ничего не слышно о Комарове? Иванов помотал головой:

- Бог знает что творится. Я был на волосок от гибели. Десять лет службы, черт побери, и надо же было так оскандалиться...

- Ничего, выслужись. Хорошо еще не выпустили кишки.

- Погоди, скоро не одному горцу кишки выпустим- Это я тебе твердо обещаю.

- Шейх Манеур...

Иванов вдруг вскочил на ноги.

- Ради Бога, заткнись! Хочешь, чтобы меня с позором выгнали?

Казалось, он уже не был так пьян. Он испугался, почувствовав, что ляпнул что-то лишнее. Иванов смотрел сверху вниз на армянина, в голове прояснилось.

- Какого дьявола я вообще тут сижу? - произнес офицер заплетающимся языком.

Арутюнян медленно поднялся на ноги, пытаясь не подать виду, что плохо владеет конечностями.

- Не волнуйся, старина. Ты стал такой пугливый после этого маленького сражения.

- Знаешь, если Комаров умрет, начнется рас следование. Станут выяснять, почему это он ехал с такой малочисленной охраной и почему именно в этот момент в лагере оказалось столько оружия... Меня лишили всех полномочий, и теперь мне остается только сидеть и ждать, протянет ли этот жеребец ноги. Моя карьера висит на кончике ножа нехристя. На карту поставлено все: мои заслуги, мое будущее...

Проблеск сознания у Иванова снова захлестнула волна хмельной жалости к собственной персоне.

- Но в этом есть и твоя вина, Арутюнян. Зачем ты раздражил старого медведя своими рассказами сам знаешь о ком и о его намерении собрать сильную армию?

- Выходит, ты не согласен с Комаровым? - невозмутимо спросил Арутюнян.

- Нет, не согласен. Комаров просто неразумное дитя, если действительно считает, что здесь его ждут блистательные победы, одержанные в честном бою. Эти мерзкие горцы только и смотрят, как бы наброситься из-за угла. Как стая волков...

- Стало быть, ты на стороне Суворова?

- Да, на стороне. Уничтожение или переселение.

- Это все может длиться до бесконечности.

- Ерунда. Ты что, сомневаешься в мощи русской армии? Мой милый, да мы еще не начинали...

- Но затраты!

Эти горцы нам устраивают представления с блеском сабель и чудесами джигитовки. Если мы по ним ударим как следует... - именно, как следует! - их пыл тут же поутихнет. Я уже такое видал. Это же сброд, сам посуди - ни дисциплины, ни морали, ни вождей. Нравственные мертвецы. Куски мяса...

Иванов взял у армянина бутылку водки и смачно отхлебнул. Последняя фраза ему явно понравилась.

- Нравственные мертвецы, да... Ну что, Арутюнян мы идем к барышням, или как?

Он резко поднялся и шагнул в ночь. Пару секунд Арутюнян смотрел ему вслед, словно прикидывая, до какой еще низости дойдет его собеседник. Если что Иванов и утратил, так это способность самообладания. Никогда еще за время своей секретной работы армянин не видел адъютанта таким пьяным. Арутюнян поднялся и пошел за офицером по темной аллее.

Ати еще некоторое время постоял, завернувшись в свою накидку. Ему потребовались огромные усилия, чтобы не накинуться на этого русского ублюдка и не перерезать ему глотку.

После всего услышанного Ати не спалось. Он решил, что полученных сведений достаточно для отчета перед муллой, и еще до рассвета покинул Кизляр, направившись восвояси.

* * * * *

Как обычно, мулла собрал воинов у себя в пятницу, после полуденной молитвы, чтобы обсудить подготовку атаки на Кизляр. Этим газаватом руководил не он. Мулла из Алди просил его собрать силы и ждать дальнейших указаний. Он-то был способен на большее, поэтому чувствовал себя не в своей тарелке. Его люди были готовы. Он лично встречался со многими вождями племен с окрестных гор. Когда наступит нужный день, ему нечего будет стыдиться. Между тем его осведомители из разных мест доставляли разрозненные данные, часть которых отрицала, а часть подтверждала, что русский гарнизон в Кизляре осведомлен о готовящемся нападении.

Мурад сидел рядом с Эльдаром, которому они в благодарность за поддержку в сватовстве Ахмета подарили ружье европейской работы с серебряной насечкой, захваченное во время налета на торговца. Эльдар любовно держал подарок на коленях, бережно покачивая, как ребенка. Куэра не было видно.

В комнату вошел мулла, сопровождаемый деревенскими старейшинами. Он поднял руку, требуя тишины, и вкратце изложил то, что поведал Ати.

- Похоже, что нас поджидают, - сказал мулла хмуро. - В самом Кизляре и вокруг него явно растет число войск. Мы получили доказательство того, что Мурад и вправду убил русского генерала во время налета на станицу.

Прокатился одобрителный гул.

- Я также хочу поблагодарить наших братьев адыгов за помощь, неоценимую в увеличении запасов нашей деревни. За последние недели они сильно приумножились. Боевое умение наших братьев мы высоко ценим, и да слава Аллаху, что он уберег их в трудный час испытаний...

Ати подался вперед, стремясь получить разрешение сказать несколько слов. Мулла нахмурился, но потом вспомнил, что обещал своему верному шпиону.

- Хорошо, говори, Ати.

- Нам потребуется вся наша отвага. Боюсь, что мало одного желания победить. Я не уверен, что русские когда-нибудь уберутся с нашей земли. Я не знаю, насколько велика русская армия и почему они так упорно стремятся захватить нашу территорию. Но есть еще один путь - жить в мире... Я взываю к чувству смирения...

Слова Ати были восприняты по-разному. Одни горели нетерпением услышать от муллы точное время начала войны под знаменем шейха Майсура, другие приняли к сведению мнение Ати, который лучше других знал гяуров.

- Некоторые племена пошли на соглашение с русскими. Они платят дань, не берутся за оружие и позволяют неверным свободно разъезжать по своей земле. За это русские не жгут их селенья, не трогают их скот, женщин. Они могут продолжать жить спокойно, как и наши предки. С твоего позволения, мулла, почему бы и нам не обдумать такой выход?

Едва Ати успел договорить, как на середину круга выскочил Куэр, выхватив из-за пояса пару кинжалов. Он низко пригнулся, как будто изготавившись для боя. Среди собравшихся послышались голоса возмущенных столь дерзким поведением по отношению к мулле, к старшим.

- Мулла меня простит! - рявкнул Куэр. - Кто хочет торговать своими законными правами, кто хочет конца свободной жизни для чеченцев, кто предпочитает быструю смерть долгой борьбе за свободу - пусть тот выйдет ко мне! Сюда, ко мне...

Никто не пошевелился. Никто, даже мулла, который вообще никак не отреагировал на эту неслыханную выходку. Возможно, ему было любопытно увидеть, зажжет ли Куэр остальных своим фанатизмом или, напротив, не найдет поддержки. Это происшествие оказалось на руку, можно отсеять сомневающихся накануне битвы.

Куэр приблизился к Ати, приставив один из кинжалов к его глазам.

- Ты отравлен частыми сношениями с гяурами. Тебе больше нельзя верить.

Послышался непривычно твердый голос Хам зета;

Ты слишком далеко зашел, Куэр! Ати так же привержен нам, как плющ, обвивающий дуб.

- Да он быка украсть не может! Годится только, чтоб вынюхивать.

Мулла властно поднял руку.

- Садись, Куэр. Довольно.

Ахмет почувствовал в его голосе даже какую-то снисходительность, как будто мулла чуть ли не одобрил эту выходку Куэра, дошедшего до крайности. Куэр тоже это заметил и с независимым видом вернулся на свое место, бросая победные взгляды на Ахмета.

Мулла продолжал хранить молчание, однако его цепкий взор бродил по лицам присутствующих, останавливаясь на каждом из мужчин.

- Кто хочет начать переговоры с гяурами? Ты? Ты? А ты что думаешь, Мурад?

- Почему ты спрашиваешь меня, мулла? Я верен нашему общему делу не меньше любого чеченца.

- Даже если знаешь, что тебя ожидает верная смерть?

- На все воля Аллаха! - сдержанно сказал Мурад. Ахмет даже удивленно глянул в его сторону.

Мурад был как никогда серьезен, и Ахмет понял, почему угроза полного истребления была вполне реальной. Тут только Ахмет начал сознавать всю серьезность опасности, исходившей от России. Кизляр - это только начало.

Внезапно Ахмет почувствовал себя зрелым мужчиной. Он покинул Кубань менее года назад зеленым юнцом, полным радужных надежд, а теперь ему предстояло по своей воле участвовать в настоящей войне, и он был готов отдать жизнь за свободу. Его больше не пугал запах крови. Бежать куда-то еще не имело смысла. Настало время не дрогнувшей рукой защищать все, что ему дорого.

В комнате воцарилась полная тишина. Каждый воин чувствовал примерно то же, что и Ахмет, произнося про себя последнюю клятву. Наконец, голос муллы вернул всех к реальности:

- Даже если мы в своей деревне и решим заключить мир с гяурами, многие наши братья на это никогда не пойдут. И русские перебьют нас в любой момент, если представится случай, ибо они не видят различий между нами. Для них мы все одинаковы: непокорные, чужие и ненавистные горцы. Другими словами, мои дорогие воины, у нас нет другого выбора, кроме как драться до последнего.

Ответом ему был одобрительный рев. Куэр сорвался с места, выскочил на улицу и принялся палить из ружья в небо. Его дикие поступки уже никого не изумляли.

Вскоре после этого собрание закончилось, и мужчины разошлись по домам подошло время вечерней молитвы.

Ахмет упросил Мурада немного задержаться и помчался искать Цему. Этот день был особым во всех отношениях.

Он вышел из деревни, добрался до крутого склона, того места, которое заметил еще раньше. Кто-то давным-давно облюбовал эту каменную твердыню и оставил о себе память. Это был огромный каменный крест, священная реликвия, которых немало разбросано по кавказским горам. Причем, их почитали даже самые ярые мусульмане-чеченцы. Бытовало поверье, что их установили крестonosцы, забредшие в горы, возвращаясь с Востока, а может быть, христианские подвижники, бежавшие сюда от турков - поэтому к крестам относились как к святыне.

Цема сидела на поросшем травой холмике как раз под крестом- Летом здесь почти всегда было изобилие цветов - скромная даль усердно молящихся.

Ахмет приветствовал ее.

- Собрание кончилось? - спросила она чуть смущенно, увидев напряженное лицо Ахмета. Девушка с волнением ждала, что он скажет ей сейчас.

- Да, Цема. Скоро мы отправимся на войну под предводительством великого шейха Мансура. Я не знаю, когда твой отец получит сигнал, но прежде...

- Да, Ахмет? - Цема положила мягкую ладонь на его запястье, и он сжал ее руку.

- Но прежде ты должна подготовиться к на-шей свадьбе. Вчера я вручил полный выкуп твоему отцу, и умоляю тебя, уприси его сыграть свадьбу как можно скорее. Если ты, конечно, хочешь, чтобы прежде, чем я уйду на войну, мы разделили брачное ложе.

- Для чеченской девушки не может быть более желанного жениха, - сказала Цема твердым ясным голосом. Под сенью древнего креста они скрепили свою помолвку первым страстным и долгим поцелуем.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Цема и ее подруги, включая Медину, собрались в доме муллы. Был канун ее свадьбы. Снаружи, на деревенской площади, в специально сооруженных беседках односельчане угощали своих сородичей из окрестных деревень. Вся деревня жила в предвкушении этого торжества. Несмотря на каждодневное, въевшееся в поры, ожидание мести со стороны русских, эти люди оказались способны забыть на время о своих тревогах и в полной мере насладиться ароматным летним вечером.

Цема и другие девушки были облачены в белые одежды с туго затянутыми на талии традиционными кожаными поясами. Они, тонкие и легкие, стояли рядом, как стройные деревья, и когда они склонялись, разговаривая между собой, казалось, это их качает легкий ветерок. Шли к концу последние приготовления. Цема была несравненна в своем головном уборе из золотой парчи, отделанном белой вышивкой - мать невесты берегла его ради этого дня. Если б она дожила до него! Цема вздохнула, и на ее прекрасное лицо легла тень печали. Медина заметила эту внезапную перемену.

- Давай-ка, расскажи нам еще раз - попросила она. Ей хотелось узнать, хорошо ли Ахмет справился с ритуальными вопросами, - ведь, в конце концов, именно она учила жениха, вести традиционное предсвадебное испытание на чеченском языке. Каждая девушка мечтала услышать эти обрядовые вопросы, и каждая хотела дать правильные ответы. Они предвкушали этот момент в девичестве и жили сладостью воспоминаний потом, когда становились вдовами.

- Сначала он спросил меня: «Чья лошадь проворней всех?». Я ответила: «Конечно, моего отца».

Медина кивнула.

Потом он спросил: «Чей мех самый теплый?» - Нема хмыкнула и помотала головой: - Нет, он спросил меня, чей мех самый короткий, перепутал два чеченских слова...

Девушки звонко рассмеялись.

- А я говорю: «Мех моего отца, Ахмет, хотя он буйный и косматый*. Он аж покраснел, когда понял ошибку...

- Так, потом он взял твою руку, - поторапливала Медина.

Да, потом он взял мою руку и прошептал: А чей мед слаще всего, Цема?» другая девушка перебила:

- А он поцеловал руку?

- Конечно! Ахмет такой нежный...

- И что ж ты ответила?

- Ну, я сказала, что мед в доме моего отца был таким, какой еще поискать.

Девушки удовлетворенно вздохнули, хотя эти слова были стары, как мир, и их уже сотни раз повторяли влюбленные.

Потом я сказала, что мое сердце замирает при мысли о нем, что моя любовь к нему самая горячая, какую только можно вообразить, и что его прикосновение - как дыхание вечернего прохладного ветерка после дневной жары.

- хорошо сказала, Цема, - похвалила Медина.

- Но лучше всего было, когда я заваривала ему чай. Он улыбнулся и попросил подсластить. Я сказала: «Ты знаешь, как надо просить», и на этом все кончилось.

Девушки на минуту замолчали: каждая воображала, как придет этот день, и ее собственный жених задаст те же вопросы, а она найдет самые тонкие и остроумные ответы.

Между тем Ахмет изнывал от нетерпения в доме родителей Медины. Так как у Мурада не было здесь родителей, этот дом служил жениху пристанищем в последнюю ночь перед свадьбой. Мать Медины Ханифа приготовила чай со сладкими пирожками, сласти, поставила дорогие серебряные кубки с медовым напитком, чтоб жениху было с чем скоротать часы перед торжественным днем. Она то и дело появлялась в комнате, чуть полноватая и такая красивая в своей свободной рубахе из голубого шелка, со скромной лентой, скрепляющей ее головной убор. Она видела, что Ахмет еле владел собой, выполняя церемонии свадебного обряда.

- Это особенный день для Цемы! Смотри, не оконфузь ее, покажи себя настоящим мужчиной! - говорила Ханифа, смеясь, и указывала на деревянные ставни. - Я их надежно заперла!

По обычаю, жених должен провести последнюю ночь перед свадьбой в доме своего лучшего друга. Затем Мураду надлежало проводить Ахмета до дома, где тот познает первые радости супружеского ложа, и до утра сторожить у двери покой новобрачных. Потом, по традиции, Ахмет должен будет вернуться в свой гостевой дом, а невеста - в компанию подружек.

Эти обычаи были знакомы Ахмету: в общем они повторяли древние ритуалы кубанских адыгов и других кавказских народов.

Он слышал, как на главной площади поселка нарастает шум. Медина и девушки, из числа домашней прислуги, приготовили ему черкеску к этому дню, украсили ее по краям искусной золотой вышитой каймой, которую Ахмет привез с собой. Это была последняя ниточка, связывающая его с матерью и Афуасой... Ему бы хотелось, конечно, чтобы женщины его собственного рода готовили ему наряд торжественной церемонии, однако было приятно, что это сделано руками Медины, его доброй подруги и советчицы.

Какое-то время Ахмет предавался приятным размышлениям о том, каким неотразимым я будет в этот славный день. Он раздался в плечах от тяжелой работы, строя свой дом в прошлом году, лицо его обветрилось и приняло ровный бронзовый оттенок на ярком горном солнце. Руки огрубели и покрылись мозолями, но мышцы налились железной мощью сильного и опытного воина. Он был доволен собой, и каждой клеточкой ощущал себя настоящим адыгом. Родные могли бы гордиться им.

Мурад хлопнул его по спине, и Ахмет вздрогнул от неожиданности.

Терпи, терпи! - весело воскликнул он зычным голосом. Ахмет удивился, что его друг ведет себя, как мальчишка, - ведь он всегда такой сдержанный и степенный.

- Теперь уже недолго, смотри! - Мурад указал на щель в оконных ставнях. По традиции Ахмет не должен участвовать в свадебных танцах и празднестве. Эти торжества были посвящены Цеме, ее превращению в замужнюю женщину. Зазвучала музыка, ударили барабаны, заражая всех зажигательным ритмом свадебного танца. Молодежь выступила вперед, образуя кольцо вокруг сидящих муллы, Хамзета и других членов семьи невесты, облаченных в лучшие одежды, при оружии. Вот-вот начнется веселый, темпераментный танец. Ахмет с Мурадом переглянулись, и глаза их увлажнились, они

вспомнили свои семьи и друзей, оставшихся далеко. Друзья обнялись, им не нужно было слов, чтобы выразить нахлынувшие невзначай чувства.

Между тем наступило время выхода невесты, и вот она появилась на другом конце круга в сопровождении верных подруг. Недалеко от невесты кружило немало молодых парней и девушек, бросающих друг на друга робкие взгляды исподтишка с надеждой встретиться здесь и впервые заговорить с предметом своих воздыханий. В ступающихся сумерках ярко пылал большой костер, от которого вверх летели снопы искр, будто их притягивала неведомая сила, исходящая от одинокой холодной луны. Все дома вокруг главной площади были украшены горящими факелами, так что все происходящее заливал мягкий золотистый свет, и это придавало празднику особое очарование.

В толпе появились молоденькие застенчивые девушки с медовыми пирожками, фруктами и разными сладостями. И тут без лишних церемоний начался общий вихревой танец. Молодые горцы получили прекрасную возможность показать свое умение работать ногами, которые мелькали столь стремительно, что было просто невозможно уследить. Мальчишки радостно скакали вокруг, тогда как девицы выступали сдержанно и несмело, будто беззащитные куропаточки, прячущиеся от хищных ястребов-парней извечная игра инстинктов. Музыка сливалась с чьим-то пением и голосами мужчин, которые превозносили достоинства невесты и расписывали радости супружеских уз.

Пляски и пение продолжались до тех пор, пока не подали большие блюда с жареными на вертеле барашками. Теперь уже начался настоящий пир: соленья, блины, засахаренные фрукты, - все самое лучшее, что было у этих людей ч живущих в постоянной тревоге, щедрой рукой было выставлено в этот радостный вечер. Даже суровый мулла, безмолвно сидевший, скрестив ноги, смягчил выражение лица, и его черты выражали нечто вроде безмятежности.

Хамзет первым заметил незнакомцев. Темные фигуры бесшумно подъехали на лошадях и спешили, тревожно звякнули удила. Незнакомцы вышли из мрака на свет факелов. Они казались призраками: кажется еще мгновение - и расцветают в ночи.

- Отец., - прошептал юноша взволнованно. - Мулла из Алди! - Его вытянутая рука заметно дрожала.

Тот, на кого указывал Хамзет, стоял в окружении спутников. Он сбросил бурку, и его фигура в белом бешмете отчетливо рисовалась в отблесках огня. Приехавший не вошел в толпу празднующих, а сел на небольшой холмик на краю площади, но так, чтобы свет от костра попадал на него. Орлиные черты его лица с высокими скулами казались особенно резкими благодаря тусклому свету и черным теням, однако его облик был более благороден и грозен, чем у кого бы то ни было.

Мулла вскочил на ноги, подобно ястребу, взлетевшему при виде более сильного хищника. Толпа мгновенно стихла, музыка умолкла, и лишь звук имени этого знаменитого человека шелестел на устах людей, словно ветер шуршал опавшими листьями.

Громко произнося слова приветствия, мулла поспешил к гостю:

- Это такая честь... Такая честь! Добро пожаловать, спаситель Чечни! Добро пожаловать!

Голос у муллы дрогнул и в конце фразы осекся. На мгновение он утратил свой величественный вид. Люди расступились, чтобы дать своему главе подойти к холмику, на котором в ожидании стоял шейх Мансур. Мулла простер свою сухую руку, и шейх, низко склонившись, взял ее. Оба они вздрогнули. Казалось, будто молния сверкнула между этими двумя людьми. Шейх выпрямился, полы его бешмета взвились в воздух. Он стал говорить, обращаясь к людям, тонос его был твердым и громким.

Поздравляю тебя с этим счастливым днем, мулла! Для меня же не будет ни счастья, ни покоя пока мы не выгоним последнего неверного с нашей земли. Я приехал, чтобы сказать вам об этом, братья-чеченцы-

Его взор пронзал каждого, и каждому казалось, будто шейх обращается только к нему одному. Голос У тур мы звенел как струна, исполненный яростной силы. Преданность этого человека делу, за которое он боролся, была безгранична. Редко кто столь фанатично служит своему народу. Он был из таких избранных, потому что яснее прочих представлял себе, какова будет их судьба без сопротивления: полное уничтожение нации, истребление чеченцев до последнего человека.

- Я пришел сказать вам, братья, что день избавления близок. Мы не будем больше ждать, пока русские гяуры оскверняют наши мечети или топчут наши земли. Мы не позволим им больше отбирать у нас скот и жечь наши дома!

Я говорю вам, братья: час газавата пробил. Пришло время открытой войны с нечестивыми захватчиками, с шайтанами, которые насилуют наших женщин и убивают детей!

Ступайте ко мне в Кизляр! Объединимся в Кизляре и покажем неверным, что значит слово «джихад»...

Джихад! Джихад! - закричал Куэр, и толпа стала возбужденно выкрикивать имя великого предводителя. Эхо гулко разносило голоса меж соседних горных пиков. Если бы шейх Мансур призвал тотчас же броситься в бой, все мужчины, как один, оставили бы свои дома и пошли за ним хоть на край света.

- Шейх Мансур! Шейх Мансур! - молодые чеченцы громко кричали, толпясь вокруг гостя. Маленькие дети испуганно хватались за подола матерей, а девушки зажимали уши руками, чтобы не слышать дикого рева своих соплеменников -мужчин, которые совсем недавно вели себя так благопристойно и тихо.

Шейх Мансур поднял свою сильную мускулистую руку, и мгновенно воцарилась тишина.

- Пойдете ли вы за мной? негромко, но властно спросил он.

- Да!... Да!... Да!!!

И тут вдруг Ушурма гаркнул громовым голосом, как бравый генерал на поле сражения:

- Тогда всем мужчинам, в чьих жилах течет истинно чеченская кровь, я предлагаю собраться в доме муллы. Там мы помолимся и поговорим о наших делах!

Не промолвив более ни слова, шейх Мансур соскочил с холмика и взял муллу за руку. Все старшие потянулись к жилищу муллы, за ними повалили и все воины деревни.

Медина, Цема, и другие девушки стояли, дрожа, на дальнем конце площади. Они дрожали не от холода, а от предчувствия беды и страха. К ним подошла мать Медины Ханифа, горестно склонив голову. Ее лицо было печально. Если бы праздник закончился как положено, она проводила бы Цему к жениху, очертила бы круг подле невесты и зажгла бы внутри него костерчик из хвороста, чтобы отпугнуть злых духов, пока Ахмет не придет за ней. Ахмету же надлежало своим кама разрезать кожаный корсет невесты, что скрепляло их союз.

Если бы свадебный ритуал завершился по традиции, то все семейные пары деревни плясали бы всю ночь, вспоминая сладкие мгновенья первых супружеских радостей, и, - кто знает! -может быть, именно в эту ночь их любовь вспыхнула бы с новой силой, и население деревни прибавилось...

Если бы праздник шел, как заведено от века, молодые воины смогли бы вновь полюбоваться красивыми девушками, приворожившими их, поплясать вместе, показать свою удаль в танце, прыгая, подобно скакуну, и размахивая кинжалом над головой, словно на поле боя. Однако ни одной капли крови не было бы пролито в тот день.

Ну почему они приехали именно сейчас? -воскликнула одна из девушек, обнимая Цему и орошая ее плечо слезами. Цема крепилась, сжав губы, пытаясь казаться сильной и не дать овладеть собой острому чувству обиды за то, что так закончилось ее свадебное торжество.

Ханифа первая взяла себя в руки.

- Не печалься, моя радость, - сказала она, утирая жесткой ладонью горькие слезы на щеках Цемы. - О дне твоей свадьбы будут вспоминать поколения. Они скажут: это был тот самый день, когда в нашу деревню приехал великий предводитель Ушурма.., Они скажут...

Но Цема отвернула свое прекрасное лицо и разрыдалась: - Мне все равно, что скажут об этом потом. Я хочу быть счастлива сейчас!

Цема была одна. Придет ли Ахмет сегодня к ней? Свадьба могла завершиться счастливо только в одном случае, - если все будет, как предписывают обычаи. Если же нет, то будет так, как будет.

* * * * *

Адъютант Иванов, крикнув и вздрогнув, вылил в свое пересохшее горло остатки водки. Пустая бутылка с грохотом покатила под кровать. Ему было не по себе от вынужденного безделья, и он просто не знал, как убить время. Каждый раз, когда он пытался обдумать все, что скажет в свое оправдание, перед глазами вставала ужасная картина раздавленной человеческой головы, и это видение полностью выбивало его из колеи и заставляло вновь предаваться отчаянию. Как говорится, он попал в переplet, и теперь только водка хоть как-то помогала ему забыться. Иванов грозно повалился на колченогую кровать и кликнул своего денщика:

- Еще бутылку, черт тебя побери! Казак-денщик Шаргин появился в дверях и, упершись задом в косяк, запричитал жалобным голосом:

- Я готов услужить, хозяин, но кто будет платить? Ваша грифельная доска у квартирмейстера все еще повернута к стене. Я не могу вновь идти туда, Ваше благородие, меня вышвырнут, как тогда...

- Если до восхода ты не раздобудешь бутылку, я отлуплю тебя, как собаку. Давай, проваливай, дерьмо!

Иванов впал в тяжелое полузабытье. Прошло несколько секунд, а может быть часов, когда он вдруг почувствовал чью-то зловонную руку у себя на горле. Тяжелое смрадное дыхание било ему прямо в лицо. Иванов разглядел мрачное, изуродованное шрамом лицо, и быстро сел на кровати.

- Пресвятая дева, Хашим, ты меня напугал до смерти! Как тебе удалось миновать караул? Интересное дело, черт возьми! Выходит, каждый может сюда сунуться, как в...

Но прежде, чем он успел выговорить подходящее матерное сравнение, Хашим схватил его за горло с такой силой, что Иванов аж захрипел:

- Генерал Комаров. Живо!

Сердце у адъютанта упало. Что это? Вызов для немедленной расправы, для допроса или же это заговор? Не видя перед собой письменного приказа Комарова, он не мог взять в толк цели прихода Хашима.

Но дело сделано, и не ему сейчас возражать. Хашим больно вдавил ему кама под ребра да так, что наверняка располосовал бы бок, если бы Иванов вздумал хотя бы глубоко вздохнуть. Трясаясь всем телом, адъютант поднялся с кровати, кое-как застегнул штаны и взял в руку мундир. И вот эта странная пара карачаевец и русский офицер, родившийся в Германии, в обнимку проследовали мимо длинных казарм и вышли за крепостные стены Екатеринограда. Им вслед было брошено несколько любопытных взглядов, но чего только не происходило здесь, на линии обороны, каких только темных дел не творили здешние обитатели... Никто не обратил на них особого внимания.

К радости Иванова, его повели не в глухую темницу, а в дом его собственного командира. В дверях стояла графиня Софья, блистательная, как всегда. Судя по ее очаровательной дружеской улыбке, трудно было поверить, что адъютант Иванов уже целый месяц как под домашним арестом и все это время провел в страхе перед грозившим ему наказанием.

Он как-то автоматически, нервно проговорил заученную фразу: «Je Suis de sole, Votre Altesse, que je sui trop desabille pour vous me recevoir..» Его очень смущало, что по-французски он говорил с заметным немецким акцентом, тогда как русский язык не выдавал его истинного происхождения:

- Ступайте наверх. Еще не все потеряно, - быстро проговорила графиня и еще раз одарила его божественной улыбкой.

Неужели Комаров пошел на поправку? Отчего же в казармах об этом ничего не известно? Знали лишь, что армейский врач получил отставку - и это само по себе доставило Иванова подозревать худшее, «Что это еще за игры?» думал адъютант. Хашим чувствительно пощекотал его кинжалом под ребрами, и это только ради того, чтобы йогом ему пообещали, что не все потеряно?..

Генерал Комаров лежал на подушках бледный и неподвижный, но при этом вполне *compos mentis*. Он страшно похудел, отчего его голова казалась огромной по сравнению с усохшим телом- Ивану было действительно больно видеть этого некогда жизнерадостного и подвижного человека прикованным к постели столь жалким и беспомощным. Рядом стоял какой-то столь элегантный господин, что глядя на него можно было подумать, что туалет занимает у него большую часть дня. Чего стоил один самым причудливым образом завязанный шейный платок.

Комаров заговорил неожиданно густым для его состояния басом. Видать, и впрямь идет на поправку. Прекрасно...

- Вот, Иванов, перед тобой мой кузен и лекарь князь Василий Васильчиков. Он совершил чудо. Ты должен благодарить его.

Иванов шелкнул каблуками и низко поклонился.

- Теперь слушай. Мне скоро нужно в Екатеринодар, - Комаров не собирался терять времени на лишние извинения.

- Ваше превосходительство, сочту за честь...

- Подожди, Иванов. Я понимаю, мы оба в не лучшем положении. Я никого не виню. События назревают, и мне крайне важно попасть в Екатеринодар, чтобы посоветоваться с Суворовым, пока здесь, в Кизляре, не засвистели пули.

Конечно, Иванов знал о предстоящем. Слухи быстро облетали казармы, и как им не быть, если целыми ротами солдат снимали с позиций и отправляли на восток вдоль линии обороны. Очевидно, что готовилось крупное сражение.

- Этот чертов Суворов собирается вводить во иска слишком скоро. Я уверен нам нужно более точно рассчитать время.

Иванов поднял глаза на князя Василия:

- Генерал сможет проделать этот путь?

Он боялся, как бы Комарову по дороге не стало хуже, и в этом обвинят, конечно, его.

- Я тоже поеду, ответил князь с холодной усмешкой- - Личный лекарь... весьма забавно. Нужно выбрать дорогу поудобнее. Я слышал, в это время ода в кубанской долине особенно пышная альпийская растительность.

- Давай, давай, Василий! Говори, не стесняйся, - не без раздражения вставил Комаров. - Что там болтают в крепости?

- Говорят, что чеченцы объединяются вокруг шейха Мансура. Они, якобы, направляются в Каргинск - это лесистая местность рядом с Кизляром.

- Как они вооружены? Иванов явно волновался.

- Ну, благодаря нашим маленьким «презентам» они вооружены до зубов.

Тут Васильчиков блеснул быстротой своего ума - до этого его фразы были медлительны и лени вы:

- Кажется, начинаю понимать: похоже, что вы специально позволили горцам украсть это оружие, чтобы спровоцировать их на открытое выступление, так?

- Недурно, Василий, недурно, - пробасил Комаров. - Само собой, об этом - молчок. Это ведь очень рискованная игра. При их тактике быстрых внезапных ударов мы никогда

их не победим в этих бескрайних горах. И мы не можем вовлечь их в крупное сражение на равнине. Почему? Потому, что эти чеченцы - отличные воины. Именно этого Суворов никак не может уразуметь. Понимаешь, после каждой баталии они перенимают что-то новое из военной науки. По крайней мере, шейх Мансур - уж точно. И как только эти парни как следует разберутся в премудростях боя, сам черт с ними не сладит. Я не собираюсь зря расходовать на эту войну силы и средства. Полагаю, что нужно лишь одно - хороший командир.

- Стало быть, вы - за одновременный, согласованный смертельный удар?

- Именно. Все дело в убеждении. Горцы должны осознать, что мы непобедимы. Достаточно сломить волю, и тело можно оставить в покое. Нужно чтобы открыто объявился великий шейх Мансур, их оплот и надежда, а потом этот оплот - под корень.

Крепкие руки генерала Комарова неподвижно лежали поверх белоснежной постели, и эта неподвижность придавала его словам какой-то особо зловещий смысл, - ведь обычно он много жестикулировал, отдавая распоряжения подчиненным. Это спокойствие подчеркивало, что он убежден в своей правоте.

- Я хочу, чтобы Суворов услышал все это лично от меня, ибо никто более не отважится спорить с ним. Эти славные вояки не видят дальше его шпор. Низкопоклонники, только и умеют щелкать каблуками. Что они по сравнению со мной, ветераном этой войны!

Немного ободренный горячностью Комарова, Иванов осмелился задать вопрос:

- А как же... рана, Ваше превосходительство?

- Ничего страшного. Вот, князь Василий, вернул меня к жизни. Этот наш местный хирург, кажется, кое-как зашил мою рану. Его швы разошлись бы по краям, мои внутренности могли бы сбиться в ком, и тогда мне конец. Как это по вашему-то, Василий?

- Сепсис.

- Вот именно.

Глаза Комарова - глаза человека, вернувшегося с того света, - лихорадочно блестели, однако лицо было по-прежнему мертвенно-бледным, обильный пот выступил на лбу.

Иванов, между тем, все еще сомневался, что тело генерала окрепло так же, как и его дух. Он вновь взглянул на князя, пытаясь разрешить свои сомнения, однако тот лишь улыбнулся и пожал плечами. Адъютант, наконец, понял, с кем имеет дело. Васильчиков принадлежал к той категории людей, для которых все происходящее служит лишь забавой. Это был опасный человек: опытный игрок, ставящий на карту не золото, а судьбу. Сам Иванов особенно не обременял себя моральными принципами, но все же какие-то нормы для него существовали. Васильчиков же, казалось ему, был их лишен вовсе.

В комнату впорхнула графиня Софья в изумительном платье из серого шелка.

- Господа, я намерена немедля похитить у вас князя Василия. Он долго пребывал у ложа больного, а сейчас нам не хватает четвертого за столом. Господин Иванов, какая жалость, что вы не можете остаться с нами! - Она взглянула на мужа и добавила Искренне надеюсь, дорогой, что отстранение адъютанта Иванова от обязанностей не будет иметь для него неприятных последствий...

Графиня Софья ловко дала понять Иванову, что плачевный вид его мундира не позволяет ей пригласить его на вечер. Иванов вспыхнул. Как истинный немец, хоть и русский офицер, он с особой педантичностью относился к своему внешнему виду. Впрочем, причина его нынешней неопрятности нам известна: мучившая его страшная картина раздавленного черепа заставила забыть о привычном утреннем туалете...

- Завтра в пять утра чтоб был здесь, коротко приказал Комаров.

- Это... приказ? - спросил адъютант, пытаясь заставить свой голос звучать уверенно.

- Убирайся отсюда, - пренебрежительно буркнул Комаров.

Это вселяло надежду. В противном случае он рявкнул, как зверь.

* * * * *

Иванов бесцельно бродил по кизлярскому базару, пытаясь спастись от ужасной мигрени. В такой час он был неспособен воспринимать все эти разговоры о готовящихся сражениях. Очень хотелось выпить. Он свернул на постоялый двор недалеко от казарм, куда, впрочем, не разрешалось заходить нижним чинам. Несмотря на то, что было уже десять утра, его вряд ли мог увидеть здесь кто-нибудь из старших офицеров.

На его беду там засела веселая компания, включая неразлучных друзей Артюняна и виноторговца Макса, которые отлично провели ночь за картами в обществе офицеров того полка, где служил Иванов. Когда он вошел, они еще были охвачены азартом.

Первым его заметил граф Бакунин, нахальный молодой капитан из его полка.

- Мне везет. Стой и молись за меня. Уже недолго.

- Не отвлекайтесь, - буркнул Макс, крутя кольца на своих толстых пальцах. - Если вы еще играете, так играйте. Без болтовни.

- Не кипятись, лучше причешись!

Это замечание вызвало общий смех: Макс, как многие плешивые люди, холил и лелеял оставшуюся у него жалкую прядь, зачесывая ее от виска к виску по сияющей лысине. Макс нахмурился и поправил каракулевую папаху. Взглянул на Иванова, ухмыльнулся и вновь впился в карты, которые держал в руке.

Граф Бакунин, попыхивая трубкой, ловко метнул. Макс раздраженно швырнул карты на стол. Он, самый богатый на Кавказе коммерсант, мог позволить себе проигрыш. Двое других игроков встали из-за стола, чтобы размять ноги.

Смазливый молодой Бакунин отвел Иванова в сторону:

- Ну как дела, старина? Ты что-то бледен. Как там генерал? Я слышал, что дни его сочтены...

- Это верно, - ответил Иванов. Ему вдруг захотелось поиграть с огнем. - Счет идет на дни. Никому не рассказывай, но он не протянет и недели.

- Плохие твои дела, сударь.

Офицер, младший по званию, осмелился посочувствовать ему. Он-то был, по крайней мере, русским аристократом, а не выходцем из Германии, получившим русское имя. Но это был «вылощенный карьерист», а не истинно благородный офицер.

Иванов чувствовал, как в нем нарастает раздражение. Его родители были в свое время взяты в плен царской армией на Западном фронте и насильно переселены на бедные прифронтовые земли возле Крыма. Там им пришлось бороться за существование, сменив свои тевтонские имена. Он, представитель второго поколения подданных российской короны, оказался настолько способным и предприимчивым, что сумел окончить в военное учебное заведение в Москве. Его взлет был быстрым, чины - вполне заслуженными. Немцев в русской армии уважали за природные военные способности и преданность российскому престолу. Иванов был примерным кадетом.

Между тем, до сих пор его служба протекала при штабах, и лишь во время последней атаки на станицу Иванов впервые по-настоящему понюхал пороху и заглянул смерти в глаза. Защищаться пришлось врукопашную... До последнего времени жизнь его протекала безмятежно, лишь эта стычка и страшный лик смерти, пробив тот панцирь, который защищал его, благополучного адъютанта Иванова, от сложностей и тягот мира сего.

Комаров выжил, и Иванов решил, что лучше почаще напоминать о себе, чтобы его собственное имя соответствующим образом поминалось в до несениях, И он не позволит какому-то сопляку из Петербурга вроде Бакунина разговаривать с ним снисходительно-фамильярно. Его отец умер на борозде, держа плуг в мозолистых руках, в отчаянном усилии дать сыну какой-то шанс. В его прошлом не было традиционного «фамильного полка»...

Неудивительно, что Иванов всегда старался дойти до всего своим умом. Туман вдруг рассеялся, и он понял, что война - это всегда политика, даже если ты просто сражаешься.

Он взглянул на «блестящего» капитана. Голубые глаза Иванова сверкали на необычно одутловатом лице, свидетельствующем не только о дурно проведенной ночи, но и о целом месяце всяческих излишеств.

- Плохи говоришь, дела? Не думаю. На войне вообще не бывает плохих событий. Бывает лишь смена позиций. Разве тебя не учили этому, любезный граф Бакунин?

- Пытались, да я не очень старался, - хмыкнул Бакунин. - Ладно, успокойся. Не думал тебя обижать...

Как всегда, ловко выкрутился. Этот молодой аристократ слишком любил жизнь, чтобы наживать себе врагов, особенно в лице этого немца. Пару лет он проведет здесь, на Кавказе, чтоб угодить батюшке, а заодно перебеситься, притушить юный пыл. После женится на богатой и знатной, а там, глядишь, можно и в отставку. Ну чем не жизнь у господина Бакунина?

Иванов хватил водки и отправился на конюшню проверить коня и снаряжение, чтобы все к утру было в порядке. Впервые за эти долгие недели он почувствовал, что ему снова хочется сесть в седло. Еще не все потеряно.

* * * * *

Ахмет слушал речь великого Ушурмы, по неволе сидя в доме Ханифы. Когда он увидел, как толпа мужчин ринулась вперед, покидая место свадебной церемонии, тоже кинулся к двери, чтобы немедля оказаться в объятиях своей Цемы, однако Мурад остановил его.

- Мне нужно поговорить с ней! - воскликнул Ахмет.

- Подумай о наших Хабза! Ты что, побежишь к своей девушке, как щенок, хочешь, чтобы вся Чечня сегодня об этом узнала?!

Ахмет плюхнулся на лавку и принялся колотить по ней кулаком.

- Будь проклята эта война!

Мурад подождал, пока его приятель немного успокоился. Заговорил медленно:

- Пойми, можно ли думать о себе, когда истребляют наш народ, грабят наши жилища! У нас нет другого выбора, Ахмет, так только выступить сегодня вместе с нашими братьями-чеченцами. Вставай, мы должны присоединиться к мулле.

Когда кабардинцы шли через площадь, она была уже пуста. Из домов, еще украшенных лентами, слышны были голоса женщин, поющих протяжную траурную песнь, будто в знак окончания свадебного торжества. Один высокий голос особенно выделялся среди остальных, выводящих этот старинный печальный мотив:

«Ее волосы были темны и блестели, как черный шелк из Лейпцига.

Но от горя она рвала их на голове.

Глава дома пал на войне.

Его черный конь мчался сквозь битву,

И кровь от сабель шугуйцев красила его рукав..

Жены и матери уже готовились к гибели своих любимых и близких. Ахмет вздрогнул от этой страшной песни и еще раз укорил судьбу, за то, что она ледяным дыханием омрачила именно этот радостный день.

Приближаясь к дому мoulлы, они видели, как вое мужчины деревни - безусые юнцы и почтенные старики - всю готовились к походу: седлали коней, запасались порохом, кукурузой, солью, кремнями и другими вещами, необходимыми на войне. Издалека доносился скрип повозок - это спешили домой гости из других деревень, чтобы собирать в дорогу своих бойцов.

Между тем Ушурма, шейх Мансур, давал последние разъяснения относительно предстоящего сражения:

- У нас созданы отряды по триста всадников под предводительством вот этих наивов.

- Ушурма указал на нескольких мужчин, одетых во все черное. - Сбор под Каргинском через три дня. Вы выступаете туда малыми группами, к востоку в сторону гор, затем,

обойдя Казбек, доберетесь до Дарьяльского перевала. Оттуда Терек течет прямо на север, в область русских владений, затем резко поворачивает на восток. Там Екатеринодар. Сейчас перевал в руках русских. Это их путь через Грузию. Тут вы можете выбирать: либо ехать дальше вдоль гор на восток по реке Ассе, либо спускаться по крутому ущелью. Самое главное - не привлечь к себе особого внимания и вовремя выйти восточнее Кизляра, где состоится общий сбор в лесу под Каргинском.

На словах все выглядело несложно, но каждый мужчина знал, что один этот переезд уже тяжелое испытание. Дарьяльским перевал представлял собой важнейший участок пути из России на Кавказ. Еще в двенадцатом веке грузинская царица христианка Тамара построила замок на полпути из этого ущелья. Этот замок был буквально вырублен из скал. С этой удобной позиции войска царицы могли легко контролировать движение по перевалу как на юг, так и на север. С этих отвесных уступов приговоренных к казни сбрасывали в пенные воды Терека. Сейчас, в летнюю пору, река особенно полноводна и раскинулась во всю ширину перевала. Весенний паводок образует стремительные водопады, низвергающиеся с гранитных утесов. Бревна и камни, которые использовались для строительства переправы, будут скользкими от воды и лишайников. У чеченцев, которым, с одной стороны, грозили засады казачьих патрулей, а с другой - опасности стихии, не будет ни минуты покоя.

Ахмету, однако, до отъезда предстояло завершить одно важное дело. Своей возлюбленной он твердо обещал, что они поженятся до его отъезда на войну, - и он выполнит свое обещание. Поздно ночью, когда деревня, наконец, заснет, Мурад проводит его к Цеме...

* * * * *

Весь следующий день и еще три ночи чеченские воины безмолвно двигались вдоль отрогов в сторону Кизляра, самого восточного форпоста русской оборонительной линии. Несколько дней они ехали, опасаясь встретить русские патрули, и если это все же случалось, приходилось ехать в объезд, даже если крюк был велик, чтобы остаться незамеченными. Они продвигались бесшумно, будто ветер нес их на крыльях, и, казалось, среди гор все слышится и слышится хриловатый воинственный клич шейха Мансура: «Джихад! Джихад!»

Через четыре дня Ахмет, Мурад и их спутники добрались до Каргинска, что в пяти верстах от Кизляра. Лошади были измучены, всадники еле держались в седлах от голода и усталости. А самое страшное ждало впереди.

Мурад, рассмотрев местность в свою трубу, удовлетворенно кивнул Ахмету:

- Хороший выбор. Место лесистое, на возвышенности. Здесь удобно собираться войскам, готовящим атаку на Кизляр. Думаю, мы его возьмем.

Он сложил трубу и обратился к спутникам: Недалеко уже. Мы на правильном пути Вперед, друзья.

Ахмет ехал рядом.

- Сегодня мы наверняка не вступим в схватку с противником. Лошадям нужен отдых. Может быть, завтра или послезавтра... кто знает.

Отряд в молчании ехал через кустарники. На конец, впереди на расстоянии около версты показалась возвышенность, на которой расположился Каргинск. Был примерно полдень. Вокруг стояла странная тишина, даже птицы молчали,

Мурад вновь припал к подзорной трубе.

- Во имя Аллаха! - воскликнул он вдруг. Битва-то уже в разгаре! Чеченцы сражаются!

Всех обдало жаром. Забыв об усталости, люди рванулись вперед, чтобы лучше разглядеть происходящее. Мурад нашел подходящее место, откуда все было видно, как на ладони, и позвал остальных. Грохот пушек и огонь выстрелов были хорошо слышны и

видны. Большинство людей не могли все же следить за ходом сражения, и они смотрели на Мурада, который не отрывался от трубы.

Мурад был мрачен. Перед его глазами одна за другой разворачивались страшные картины кровавой битвы. Чеченские всадники отважно рубились на саблях с казаками. Непрерывные атаки и контратаки слились в общее месиво рук, ног, коней и сабель. Было ясно, что русские полностью владеют ситуацией на равнине, и они, пользуясь своим преимуществом, теснили горцев, пытаясь овладеть высотой. Среди деревьев у

кромки леса. Мурад вдруг заметил великолепного карабахского скакуна, принадлежавшего шейху Мансуру. Этот великий человек, кажется, вознамерился защищаться до тех пор, пока гора мертвых тел не достанет ему до пояса. Но вот под шквальным огнем казаков и русских войск пали чеченцы, находившиеся рядом с шейхом Мансуром.

Там... Ушурма! Он в опасности! Поможем ему, братья! Ради этого мы приехали сюда!

Не говоря более ни слова, чеченцы ринулись за Мурадом с саблями наголо, и пронзительный крик вырвался из их пересохших глоток: Аллах Акбар!»...

Что, интересно, чувствовал в тот день рядовой казак, перепрыгивая из окопа в окоп, стараясь добраться до вершины лесистого холма? Что чувствовал он, всаживая штык в живот десятому, может быть, горцу, сражающемуся за свой очаг? А что, когда на спину ему со страшным визгом прыгал неведомый откуда появившийся враг и рубил его саблей от шеи до поясицы? И он, этот рядовой казак, падал лицом вперед, в смертельной муке расставаясь с жизнью. Отряд Мурада врезался в гущу казаков, окружавших их вел и кого предводителя, и около четверти часа чеченцы отчаянно бились с превосходящими силами противника, пока, наконец, не разорвали окружение и шейх не был освобожден.

Мурад придержал лошадь, чтобы осмотреться и отыскать Ахмета. Он заметил, что его приятель гонится за двумя казаками. Взмах черкесского клинка - и один из преследуемых, изогнувшись в седле, замертво падает на землю. Другой казак повернулся и бросился наутек, пытаясь спастись в ближнем лесу.

Мурад, возбужденный видом и запахом крови, помчался вниз по ущелью вдогонку. Он влетел в лес на полном скаку и вдруг увидел двух русских, скачущих прямо на него. Мурад находился на узкой тропе между плотными рядами деревьев, и избежать встречи было уже невозможно. Инстинктивно он понял, что не нужно сдерживать коня, и продолжал мчаться вперед, прижав голову к лошадиной шее и намереваясь проскочить слева от них. Поравнявшись с русскими, Мурад резко выпрямился, выхватывая саблю, и, невероятным образом изогнувшись, полоснул по плечу ближайшего всадника. Русский вскрикнул и начал валиться набок. Лошадь понесла его дальше, и Мурад уже не видел, где и как он упал на землю.

Мурад быстро развернулся, чтобы уберечь спину, однако второй всадник решил не испытывать судьбу и припустил из леса в сторону русских позиций.

Мурад отдышался и сделал круг в поисках сбитого им солдата. Сначала он увидел лошадь. Она спокойно пощипывала траву, а вот всадник куда-то подевался. Мурад пустил лошадь шагом, держа саблю наготове.

Уже собираясь уезжать, он повернулся, и вдруг сзади, из кустов, на него прыгнул русский, сбив Мурада на землю. Мужчины сцепились и покатались по земле в яростной схватке. Однако у раненного противника не было шансов одолеть Мурада. Кабардинец быстро оказался наверху и выхватил кама.левой рукой Мурад крепко ухватил русского за горло, прижал к земле, и занес правую руку с кинжалом, чтобы нанести решающий удар.

И тут его жертва хрипло просипела:

- Гори ты в аду, бандит чеченский! Если б я мог драться правой!

Мурад так и замер. Он не мог уже ударить. Враг говорил по-черкесски на кабардинском диалекте.

- Черкес! Ты говоришь по-черкесски!

Кама в руке у Мурада грозно поблескивала, словно решая, что делать дальше. Ты адыг?

Мурад зорко вглядывался в красивое, несмотря на синяки и кровоподтеки, лицо юноши. У

того были глубоко посаженные сверкающие глаза и светлая кожа. Лицо явно нерусское.

- Да, я адыг. Я кабардинец! гордо воскликнул юнец, яростно пытаюсь освободиться, словно пойманный тигренок.

Уши Мурада слышали звуки битвы она продолжалась где-то совсем рядом. Гремели пушки, и кровь кипела у него к жилах. Но это происшествие поразило Мурада сильнее всего. Адыг сражается против них! Черкес - ив армии гяуров! Все это дурной сон. Не иначе. Мурад громко выругался и вновь изо всех сил прижал противника к земле.

- Тихо, не дергайся, черт тебя возьми! - Мурад крепче прижал кама к его горлу. - Что ты сказал? Не пытайся меня обмануть!

Молодой воин закрыл глаза, словно приготовившись к смерти, но вдруг заговорил быстро на чистом кабардинском наречии, которое Мурад не спутал бы ни с каким другим, - это был его родной язык:

- Нет, нет! Я говорю правду! Я адыг! Я клянусь! А теперь убивай, и делу конец!

Мурад приподнялся, однако не слез с груди противника и по-прежнему не отводил кинжал.

- Если ты кабардинец, то какого племени? Парень широко открыл глаза.

- Я мисостовец. Кто твой шли?

Дыхание юноши стало спокойнее. Говорил он уверенно:

- Мой князь Мисост Сараби. Если ты слезешь с меня, может быть, я смогу свободно дышать, да и говорить тоже...

Теперь Мурад не сомневался, что его недавний противник не врет. Только у кабардинца хватит отваги разговаривать столь небрежно с человеком, от которого в этот момент зависит его жизнь.

- Ну ладно, кабардинец, - сказал Мурад, отпустив врага, и быстро поднялся на ноги. Мисост встал с трудом и долго отряхивался. Это был очень молодой парень шестнадцати семнадцати лет, хорошо сложенный и довольно красивый.

- Почему ты воюешь в этой форме? Парень заговорил более твердо:

Наш князь велел нам присоединиться к армии Кавказа. Мы так и сделали. Нас отправили к Кизляр.

Мураду было очень грустно это слышать.

- Ты хочешь сказать, что вас здесь было сегодня немало?

- Да, - прямо ответил парень. В основном мисосты. Но ты, Тхамада... Ты тоже кабардинец. Почему ты тут и воюешь вместе с чеченцами?

Где-то рядом послышался конский топот. Мурад быстро натянул поводья обеих лошадей.

- Сойди с дороги, здесь опасно...

Он забрал у парня его оружие, и они укрылись в густых ветвях- На тропе показалась группа казаков, направляющихся в сторону русских позиций. Мурад инстинктивно зажал парню рот рукой на случай, если тот вознамерится позвать на помощь. У него не было времени на объяснения, обстановка требовала немедленный дейет вий.

- Меня зовут Хапца Мурад. Я из племени джлахстней, с Терека. А здесь я теми же неисповедимыми путями, что и ты...

Мурад глянул на юное лицо, вымазанное кровью и грязью, поднял его вверх одним движением руки, вгляделся в него, пытаюсь проникнуть в душу этого паренька. В этот момент Мурад испытал неожиданный прилив нежности к молодому воину, на месте которого мог бы свободно оказаться он сам, или Ахмет, или Хамзет..., ибо все они подчинялись непреклонной воле князей, мулл, шейхов... и были обречены сражаться во

имя высших целей, далеких от их собственных устремлений. И это было несправедливо: зачастую эта борьба не оставляла места для веры, надежды и любви. Ведь он и этот юный мисост могли бы быть друзьями и сражаться заодно, как их предки на протяжении столетий. А не наоборот.

Русским обеспечен успех, если им удастся натравить человека на человека, племя на племя, как сегодня. Мураду вдруг отчетливо представилось будущее, полное кровавых усобиц и взрывов ненависти, равных по мощи небывалому стихийному бедствию, как если бы на Кавказ обрушилось страшное землетрясение и все реки слились в единый все сокрушающий поток. Горцы ринутся друг на друга и все смешается, как галька, которую волны катают по берегу. Смерч русской экспансии налетит и поглотит их.

Мурад подумал, что, если бы он убил юного адыга, это стало бы величайшей трагедией его жизни. Мир, видно, сошел с ума, если один кабардинец чуть не лишил жизни другого.

- А теперь, - тихо сказал Мурад, - садись на коня и быстро возвращайся к своим, пока мои чеченские друзья не разделались с тобой.

Он грубовато подтолкнул парня к его лошади и помог забраться в седло, ведь тот здорово ослабел: раненное плечо сильно кровоточило.

Молодой мисостовец глянул на Мурада с восхищением. Что можно сказать человеку, который подарил тебе жизнь?

- Хвала Аллаху! - Хвала Аллаху!

Два кабардинца разъехались в разные стороны.

Приветствуя Ахмета, шейх Мансур вытянул голую руку, перепачканную кровью.

Хвала Аллаху... Мы будем сражаться еще один день.

Не говоря ни слова, Ахмет схватил протянутую руку. Потом он смотрел, как шейх удаляется на своем белом коне и уводит за собой отступающие войска в сторону колючих кустарников, откуда появился отряд, ведомый Мурадом. Огромное поле битвы замерло, как по мановению руки. Силы покинули чеченцев. Те, что были ранены, стонали и молились. Русские скоро вернуться, чтобы прикончить оставшихся в живых.

В российских войсках были нередки надругательства над ранеными горцами или телами убитых. Они знали, что это приносит их сородичам невыразимые страдания. Это являлось одним из предусмотренных приемов военной политики: предписывалось использовать все средства - и честные и бесчестные - чтобы сломить волю противника. Победенный неприятель не должен был ожидать пощады, поэтому русские без колебания убивали чеченцев, пытающихся помочь своим раненым. Заметя чеченца, который, шатаясь, тащит на себе товарища, казак стрелял ему в спину, и те умирали, обнявшись. Некоторым удавалось-таки добраться до своих, другие даже не пытались спастись и ложились на землю умирать, шепча молитвы.

Ахмет огляделся, пытаясь найти Мурада. Он уже знал, что русские выиграли битву под Каргинском. Ему хотелось уйти вместе с отступающими чеченцами, однако он продолжал кружить по полю битвы, отмахиваясь саблей от нападавших казаков.

В этот день Ахмету тоже пришлось изрядно потрудиться. Он уже потерял счет зарубленным им казакам. Сквозь грохот пушек он снова и снова выкрикивал имя Мурада. В одной руке он держал свою большую саблю, во второй драгоценный кама. Под ним была его верная Кара. Она двигалась очень грациозно, разворачивалась, прыгала, резко выбрасывая передние ноги вперед, словно настоящая боевая лошадь, обходя мертвецов или умирающих, повинуюсь малейшему движению колен всадника или узды. Ахмет просто не мог, не имел права умереть сегодня, в первый день своей супружеской жизни. Аллах убережет его для славных дел. Ахмет кликнул людей из своего отряда и велел следовать за ним. Шейх Мансур покинул поле битвы, было бы неразумно терять лишние жизни.

Отряд пустился галопом к западу, вслед за основными силами шейха Мансура. По дороге Ахмет непрестанно озирался ища глазами Мурада. И вот внезапно Хапча появился справа, подлетел к ним! и влился в общую колонну чуть ли не в метре от Ахмета.

- Наконец-то! - с облегчением воскликнул Ахмет.

- Десятерых уложил! - бросил тот в ответ.

* * * * *

Молчаливые от усталости и ощущения поражения в бою, чеченские воины брели, спотыкаясь, по тропам предгорий, возвращаясь под спасительную сень кавказских вершин. Они ступали тяжело, пройдя много верст пешком, лошадей вели в поводу. Мурад с Ахметом остановились и привязали своих коней в небольшой роще недалеко от Терека. Там собрался большой отряд чеченцев. Все расселись кучками на травянистых холмиках среди маленьких ручейков, сбегających к великой реке и питающих ее воды.

Мурад искоса глянул на высокого крупного человека с потемневшим лицом. Это был Эльдар, отец Куэра.

- Приветствую тебя, Мол... Вы случайно не были в одной группе с Хамзетом?

Ахмет прикрыл глаза и лишь молился о том, чтобы услышать добрые вести о своем шурине.

Да, сначала мы были вместе, - буркнул старый воин, - однако потом, в пылу битвы мы разделились. Большая часть нашей группы распалась... и мы не могли соединиться вновь.

Одежда на Эльдаре, еще не просохла от свежей крови. Ахмет мог себе представить, как туго пришлось нынче этому бывалому вояке.

Расскажи, что там было сегодня спросил Мурад с некоторым беспокойством.

Подшли еще несколько человек, желающих услышать, что скажет этот лихой рубака. Прежде чем начать говорить, он раздраженно сплюнул и прополоскал рот водой:

Вчера мы расположились на ночлег в лесу. Многие из людей шейха еще не прибыли, они появились уже утром. Русские внезапно напали на нас на рассвете. Сначала ударили тяжелые пушечные ядра. Потом - мы еще не успели перестроиться - нас атаковала казачья кавалерия.

Ахмет перебил его:

- Ты хочешь сказать, что русские знали о нашем появлении? Они что, засекли лагерь из Кизляра?

Темные глаза Эльдара вспыхнули.

- Я не знаю, как они пронюхали. Но пронюхали. Они нас уже ждали. Мы потеряли половину наших людей, шейх - даже больше. Ловушка!

Эльдар снял бешмет и обтер им кровотокащие руки. Кто-то из молодых воинов заботливо прополоскал его в соседнем ручье. Вода стала розовой, но все промолчали.

Мурад посмотрел на остальных.

- Ну что? Какие еще новости? - настойчиво спрашивал он каждого. Казалось, что Он не горевал о случившемся, сколько пытался что-то выяснить.

Ахмет не мог понять, что произошло и что теперь делать. Его мозг сверлила лишь одна мысль - они попали в капкан и пролилось море крови.

Голос подал какой-то незнакомый юноша, которому едва можно было дать шестнадцать:

- Когда мы выезжали, кто-то крикнул, чтобы мы передали остальным, что все должны собраться в деревне Алди. Это был приказ шейха.

Эльдар насторожился:

- Алди - это деревня в горах, где живет шейх. Интересно, что это старый беркут затеял...

Мурад посмотрел на своих:

- Что думаете, братья? Шейх Мансур вызвал воинов в Алди. хотя он не вправе навязывать им свою волю. По традиции каждый чеченец волен принимать решения самостоятельно. Сейчас, после поражения, это имело особое значение.

Ахмет был совершенно растерян и раздражен.

- Лично я немедленно еду домой, резко заявил он. Причиной такой решительности было скорее желание приглядеть за хозяйством и передохнуть, чем мысль о ждущей его молодой жене. Однако ему хотелось в этой невеселой обстановке дать людям повод позубоскалить.

Раздались смешки.

- Мы знаем, ты своего не упустишь, молодой муженек, - пошутил Мурад. - Никто, даже шейх Мансур не решится осудить тебя за желание поскорее добраться до милой, верно?

Ахмет натянуто улыбнулся:

- Я говорю только за себя. Остальные пусть думают сами. Я не собираюсь ехать в Алди или куда-то еще, чтобы сражение кончилось так, как сегодня. Прежде чем атаковать хорошо обороняемые позиции, следовало хорошо подготовиться. Это ведь не обычный налет из тех, что мы делали раньше. Разве можно с великой армией воевать случайными стычками?

Эти слова Ахмета произвели различное впечатление на присутствующих: одни соглашались, другие были явно оскорблены тем, что какой-то пришлый юнец открыто осуждает великого шейха Майсура.

Заговорил один из воинов отряда Мурада: Мурад, мы будем счастливы воевать за наше общее дело и за шейха Мансура, но Ахмет прав - нашим вождям нужно лучше готовиться к этим сражениям. Мы не должны попадаться в ловушку, как сегодня.

И, вообще, мало кто из нас уцелеет, если такое повторится. Будет просто некого вести в бой, - заметил другой.

- Мы должны делать только то, что хороню умеем, - добавил один из ветеранов. Горцы прекрасно воюют в горах, где нет этих далеких пушек, осыпающих нас огненными ядрами, как градом с небес...

Большинство поддержало Ахмета.

Мурад взялся за поводья и вскочил в седло.

- Что ж, я понял так, мы все возвращаемся домой и ждем дальнейших событий. Верно?

Не согласились лишь Эльдар и кое-кто из его отряда. Ахмет догадывался, почему. До сих пор ведь ничего не было известно о Куэре, Арсби и Айдемире. Эльдар, может быть, решится на закате вновь броситься в бой, если окажется, что убит еще кто-то из его родственников.

Ахмет не хотел думать, что Хамзета постигла печальная участь. Аллах, без сомнения, поможет ему.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

В городе Екатеринодаре, что находился на середине извилистой реки Кубани, - там, где она поворачивала на запад и несла свои воды в Азовское море, - жизнь была ключом. «Дар Екатерины», столица Кубанского казачьего войска, превратился теперь в восточный штаб российской Кавказской армии и обретал все большее значение как политический, торговый и военный центр. Лишь год назад в нем было не более 6000 жителей, несколько крупных чинов, купцы и малочисленное сословие ремесленников. Теперь же каждому было ясно, что при таком притоке людей население города за десяток лет вырастет раз в десять. Кругом шла стройка. Промыслы росли, как на дрожжах, от рыболовства до извоза. На пристанях появились продовольственные и иные склады, причем часть этих строек оплачивали сами казаки, не жалея денег.

Комаров нашел Екатеринодар слишком неприветливым, суетливым и каким-то бездушным по сравнению со своим маленьким, сонным гарнизонным городком Екатериноградом около Терека. Климат на Кубани был более влажным и более нездоровым, чем тот, к которому он привык в горной крепости.

Комаров сидел пред светлыми глазами своего начальника - фельдмаршала Суворова в скромном здании его штаба. Подавали лишь чай. Суворов был во всем воздержан, и Комаров решил не курить - полководец и так дышал тяжело, с присвистом, как фисгармония в сыром воздухе - Суворов читал доклад о сражении у Каргинска, который, впрочем, удовлетворил его менее, чем можно было предполагать.

- Полковник Пьери тут вот сообщает «...наши потерн были значительными,*» - он сделал кислую мину. - С подкреплениями, разумеется, трудностей не будет. Жаль терять людей такого калибра, как Кушинский. Среди погибших самый высокий чин - полковник. Всего 25 офицеров.

Суворов бросил бумаги на стол и взглянул на Комарова с высокомерным любопытством.

- Пьери пишет, что этот поп-подстрекатель, шейх Мансур умудрился вырваться. В последний момент из засады выскочил отряд и отбил его.

Комаров не отвечал. Пусть Суворов сначала облегчит душу. Ему нравилось думать, что полковника Пьери назначили возглавлять сражение у Каргинска, лишь потому что он, Комаров, был ранен. Кроме того, будучи генерал -бригадиром, он был выше Пьери по званию. Однако он знал, что Пьери - честолюбивый и придиричивый выскочка и что Суворов, чья звезда восходила, благоволил к нему

- Пьери тоже считает, что авторитет Мансура серьезно пострадал. Он, как и большинство его приверженцев, много потерял с этим поражением. Однако ни я, ни вы, мой друг, не столь благодущны, верно?

Комаров никак не отреагировал и на эту редкую для Суворова фамильярность. Сейчас он был ему нужен, и это Комарова вполне удовлетворяло.

- Да, он может вновь нанести удар, развязать настоящую войну. Согласен, ответил Комаров уверенным тоном.

А где их центр? Крысу надобно бить в ее гнезде со всем выводком, пока они не разнесли чуму...

- В деревне Алди. Это на реке Сунже, к востоку от Терека, в самом сердце чеченский владений.

Комаров потянулся, чтобы показать это место на карте, но тут же сморщился от боли. Иногда он забывал о ране, и думал, что его тело так же сильно и ловко, как всегда. Он сильно устал, проделав такой длинный путь с Терека.

Суворову хватило деликатности не упоминать того налета на станицу, когда генерал получил свою рану. Он начинал понимать ход мыслей Комарова, заставлявших его действовать неординарно, если не сказать скрытно. Однако это было настоящее безумие для офицера столь высокого ранга - подвергать себя столь ужасной опасности. Даже сейчас Суворов не мог уразуметь, зачем понадобилось этому неутомимому генералу скакать вею ночь, чтобы встретиться с ним. Комаров лукаво глянул на Суворова:

- Капкан на крысу нужно ставить с умом, да так, чтобы она не почувяла подвоха. Нельзя забывать также, Ваше превосходительство, что загнанная в угол крыса скорее бросится на врага, чем смирится,

Комаров с таким жаром делился нажитым опытом борьбы с этими нечестивцами, что даже Суворова передернуло при всей его безжалостности. Он уловил язвительность в словах Комарова.

- Я полагаю, что этого Ушурму нужно просто выкурить, а не тратить силы на полное окружение, - продолжал генерал ненавязчиво.

- Ушурму?... - Суворов был так заинтересован, что решил не изображать из себя всезнайку.

- Это его настоящее имя. Проповедник Ушурма. Мне говорили, что как оратор он не имеет себе равных. Одно время считали, что он иностранец, итальянский монах-иезуит. Кто знает... Он может быть кем угодно, хотя я лично и не верю этим слухам. Но с нашей стороны было бы большой ошибкой недооценивать его коварство.

Суворов начинал терять терпение. Он не любил, когда за повстанцами признавали какую-то культуру или способности, кроме способности грабить и убивать. Но Комаров настаивал, у него были на то свои причины:

- Когда он впервые начал свои проповеди на Сунже - это было около восемнадцать месяцев назад - в Чечне произошло землетрясение. Местные жители расценили это как знак самого Аллаха. Без сомнения, после этого Ушурма приобрел у этих суеверных людей огромный авторитет. Они убеждены, что он послан им свыше, дабы руководить ими.

- Неужто так может быть господин Комаров?

- Вы верите в священное право царей на престол? В то, что наша государыня Екатерина, хранит ее Бог, поставлена править нами свыше? И разве Вы сражаетесь здесь не потому, что беззаветно верите в правоту всех деяний Империи Российской?

- В своем Вы уме, сударь? Как можно возвышать этих нехристей подобным сравнением! Скорее всего, мы здесь имеем дело с обычным рехнувшимся фанатиком.

- Я лишь хочу обратить внимание Вашего превосходительства на то, что мы воюем не ради самой войны, а ради высших идей. Шейх Мансур может потребовать от Чечни для своей армии десятую часть всего урожая - и он получит ее, и через несколько дней. Если у него выбывает один боец, то тут же другой заступает на его место, и шейху не нужно тратиться на свое войско. Люди сами стекаются к нему на своих лошадях, вооруженные до зубов. И имейте в виду: он может поднять весь Кавказ, и восстание покатится, как лесной пожар.

Суворов смотрел на Комарова, полуприкрыв глаза, и в этот момент он сам, с его редким седеющим коком и напряженным лицом, походил на рехнувшегося фанатика.

- Что ж, в таком случае мне остается лишь тактика огня и меча. Согласны? Уничтожьте по возможности те хлеба, что на корню, да и другие запасы.

Комаров ожидал совсем не такого ответа.

- Но это же сулит голод...

- Ты же сам говоришь: капкан надо ставить умеючи. Нам нужно загнать этого шейха Мансура в угол: либо принудить к открытому сражению, либо подорвать основу его могущества. Голодные не могут хорошо воевать.

Комарова охватило отчаяние. Он терпел поражение в этом споре и не знал, как убедить Суворова не отказываться и от других способов усмирения горцев. Тот, кажется, склонялся к самым бесчеловечным методам. Тогда как генерал Комаров стремился выработать победоносную стратегию, генерал Суворов допускал возможность повального истребления туземцев, которых он считал просто скопищем дикарей.

Чтобы выиграть время, Комаров решил прибегнуть к последнему средству:

- С Вашего позволения, господин генерал, у меня есть человек, которого я собираюсь послать в разведку. Он способен представить точные и исчерпывающие рапорты. Свободно говорит по-чеченски и еще на нескольких местных диалектах. Мне приходилось частенько использовать его.

- У меня нет сомнений в точности Ваших сведений, но мне не нравятся выводы, которые Вы из них делаете. - Суворов подался вперед: то ли он собирался говорить конфиденциально, то ли хотел придать большую силу своим словам, - Я не потерплю более никаких тайных самостоятельных операций. - Его пронзительный голос яростно зазвенел, усиливая смысл сказанного, - Я ценю твое усердие на театре военных действий, генерал... Сие тем более похвально, что ты не выдохся и не сдал, столь долго держа в руках бразды правления в войсках. Весьма похвально... Но нынешняя кампания моя. Я единолично руковожу ею. Мне крайне досадно говорить в подобной манере с лицом столь высокого ранга, однако необходимость требует того. Я изъясняюсь достаточно понятно?

У Комарова от возмущения побелели губы. Кровь бешено застучала в висках, тело покрылось испариной. Ему показалось, что раны открылись, и живот уже заливают черная липкая жидкость.

- Александр Васильевич, я не комедиант в бумажных латах и усах из пакли. Я свободно говорю по-чеченски, но если б и задумал что-то, не стал бы таиться. Не оскорбляйте моей чести и моего звания. И я вовсе не намерен представляться agent provocateur!

- Но я полагал, что именно этим ты и занимался! Добро, я рад, что дело прояснилось, и твоя верность безупречна. С тобой, Комаров, ей -Богу, готов стать плечом к плечу...

Суворов поднялся. Аудиенция была закончена.

Комаров встал со стула нарочито быстро и уверенно. Ему не хотелось показать свою слабость Суворову и не хотелось подавать ему руку ни сейчас, ни когда-либо еще. Ему вообще было в тягость общение с этим расчетливым хилым человеком, одержимым маниакальными идеями. Конечно, он небездарен и еще покажет себя, но ведь великая Империя, безусловно, заслуживает и более достойных защитников...

- Я пошлю своего человека на Сунжу. Донесения Пьери о том, что шейх Мансур ослаблен после недавнего сражения, меня не очень убеждают. Я хотел бы просить Ваше превосходительство не предпринимать нового наступления до тех пор, пока мой лазутчик не принесет нам свежие вести.

Но Суворову не терпелось:

- Нельзя терять времени,, победу нужно упрочить. Я намерен завершить эту кампанию к концу лета. Впрочем, пока мы ждем конвой с боеприпасами, можешь действовать по своему вкусу. Всех благ, господин генерал, и вообще -побереги силы, еще пригодятся.

Последние слова он произнес как-то натянуто, неискренне, словно лишь удостоверения, что пока Комаров может чувствовать себя спокойно.

Комаров вернулся к себе, кипит от злости.

- Набитый дурак. Заводная машина для пальбы, а не человек из плоти и Крови.

Он тяжело опустился на свою кровать в гостевом отделении штабных казарм. Его врач князь Василий, предложил генералу лекарство, чтобы унять боли, однако Комаров отказался, хотя это было бы весьма кстати. Адьютант Иванов ел генерала глазами, ему хотелось поскорее услышать что-нибудь о себе. Ты прощен, Иванов. Адьютант был более чем счастлив вновь отличиться, и в своих собственных глазах, и в глазах начальства.

Благодарю, Ваше превосходительство.

Возьми с собой Хашима. Он говорит по-татарски и по-чеченски - Он там свой. Карачаевец долго терся среди горских племен. Это не вызовет особых подозрений, если один из горцев сопровождает торговца-немца.

Я бы предпочел ехать один, господин генерал. - Все сегодняшнее утро в Иванове сидел какой-то бес противоречия.

Ты сделаешь, как я велю, иначе не поедешь вообще, отрезал Комаров.

Слушаюсь-, - Иванов рассудил, что лучше не спорить.

Князь Василий, стоящий до этого у двери, подошел к ним.

- Как я понял, адъютант Иванов направляется в горы, дабы выяснить, не собираются ли варвары вновь под свои знамена? - спросил он как бы нехотя. - Это что ж, у вас особый секретный язык, в переводе с которого, вы собираетесь контрабандой ввозить оружие?

Комаров бросил на него яростный взгляд:

- Слушай-ка, для человека погруженного лишь в медицину, ты что-то слишком хорошо разбираешься в областях менее гуманных, любезный кузен.

- Отчего же нет, коли это может позабавить!... Комаров был готов взорваться, но удержался,

памятуя о чудесном исцелении, коим он обязан князю.

- У меня есть свой маленький план, - продолжал тот. - Есть у вас охота выслушать?

Что-то в его тоне и голосе заставило Комарова поднять глаза. Возможно, тут помогло его собственное звериное чутье: ему показалось, что от Васильчикова исходит какая-то неведомая сила, и это заинтриговало генерала.

Мне следует поехать инкогнито вместе с нашим бравым Иваном Ивановичем, - заявил князь Василий.

Что за чушь! - рявкнул Комаров. - Это совершенно невозможно. Суворов еле-еле согласился, чтобы я послал своего адъютанта. Это тебе не научная экспедиция за былинками да букаш нами. Правду говоря, я, подозреваю, что горный воздух помутит твою голову, как говорится, иссушил мозги...

Однако, князь проявил вдруг неожиданное упрямство:

- Но за вами небольшой должок, сударь... Мы бы не имели чести наслаждаться Вашим обществом, если б я не заштопал Вам внутренности. Пожалуйста, я оставлю запечатанное письмо, которое снимет с вас всякую ответственность за мою судьбу. Если меня убьют, Софья наследует мое состояние. Ну как, так годится?

Комаров был раздражен и непреклонен.

- Ни в коем случае. И Вы сами это отлично знаете.

Князь Василий обернулся к адъютанту:

- Если Вы в чем-то сомневаетесь, то могу доложить, *mon cher adiutant*, что я прекрасный стрелок, знаю французский, немецкий, латынь, греческий, немного польский. Если ранят вас, а не меня, в нашем распоряжении будут все необходимые медицинские средства, что сильно увеличивает ваши шансы на выживание. Кроме того, я гарантирую вам значительное вознаграждение по возвращении. Несколько тысяч, скажем, вас устроят?

Глаза у Иванова расширились, но он решил промолчать. Комаров кипел от гнева.

- Прекратите! Вы, князь, открыто подкупаете офицера! Это, черт возьми, не увеселительная прогулка!

- Именно поэтому я намерен ехать. Моя жизнь слишком долго была именно «увеселительной прогулкой», как вы изволили выразиться.

Вы можете получить желаемые полномочия здесь, во фронтовой зоне, прибегнув к соответствующим связям.

Слишком долгая песня. Месяцев через шесть, поди, и охота пройдет. Нет, именно сейчас. Это же судьба, дорогой кузен! Разве не ясно? - Князь наклонился над кроватью генерала, его внутренняя решимость придавала чертам жесткость. - Судьба, что вы получили удар в живот; судьба, что я приехал сюда раньше, чем ожидалось, и спас вам жизнь; судьба, что горцы зашевелились именно тогда, когда я появился здесь.

Комаров пробурчал уже не так решительно:

- «Судьбам.. Ты такой же настырный, как эти чеченцы-

Князь Василий чувствовал, что генерал начинает сдаваться:

- Я уже все продумал. Я буду изображать польского дезертира. Иванов может стать немецким дезертиром, и мы с ним действуем заодно. Хашим - его посредник...

Софья не одобрит эту затею. - Комаров зашел с другой стороны.

Софье не нужно знать об этом плане и Вашем в нем участии. Скажите ей, что я поехал по своим делам и что Вы не могли остановить меня, боясь, как бы Суворов об этом не прознал. Дело в том, господин генерал, что я поеду в любом случае - с Вашего согласия или без него - Вы же могли отправить меня назад с каким -то сопровождением.

- Мне это все не нравится, князь. Ты не военный человек, поэтому я не могу запретить тебе ехать, однако после сегодняшнего разговора с Суворовым я бы тебе не советовал искать приключений. Мы сейчас же направляемся на восток. Иванов и Хашим покинут нас где-нибудь Поближе к Малке. У Вас есть время подумать. Иванов, начинай-ка, голубчик, собираться, да скажи карачаевцу.

Адъютант бодро отсалютовал. Он будто заново родился, и руки у него чесались. Конечно, ему улыбалось счастье заполучить в спутники русского аристократа,

изнывающего от скуки, однако, с другой стороны, на одного дурня Хащима придется два цивилизованных человека. Если князь Василий гоняется за смертью, эта поездка может стать для него удачной.

* * * * *

Чеченские села еще долго не могли оправиться после сражения под Каргинском. Воины возвращались малочисленными отрядами, голодные, измученные, мрачные. Многие страдали от тяжелых ран, которые не зарубцуются долгие недели, и эти люди еще не скоро смогут сесть в седло для новых битв. Куэр, Арсби и Хамзет объявились целый и невредимы через несколько дней после возвращения Мура да и Ахмета. Юный Аидемир пропадал гораздо дольше. Получив рану, он в страхе покинул Картинок, заблудился, а потом прибил к другой части армии муллы и оставался там, пока рана не зажила настолько, чтобы он смог добраться до дома.

Отсутствие Л идем ир а никак не подействовала на Куэра. Мрачность его возрастала и не рассеялась даже тогда, когда его дружок, наконец» вернулся.

Жителям горных деревень, привыкшим взирать на спокойное величие Терской долины, трудно было осознать, что совсем недавно под Каргинском была столь жестокая и кровавая битва. Вернувшиеся оттуда мужчины не были щедры на подробности в разговорах со своими родственниками. Старики, бывалые воины, могли, тем не менее, даже по уклончивым рассказам участников представить себе, как разворачивались события. Они и сами не раз проигрывали сражения в прошлом и тоже не любили этих воспоминаний - Они цыкали на мальчишек, желавших послушать захватывающие истории. «Оставьте мужчин в покое..- бормотали они сердито, и мальчишки, казалось, что-то понимали и отставали с расспросами. И разве можно было допустить, чтобы женщины, чьи сыновья и мужья не вернулись с поля боя, считали, что их любимые погибли зря?

Семьи, потерявшие родственников, переселились к своим соплеменникам. Жизнь продолжалась. У Ахмета с Мурадом было дел по горло. Лето шло своим чередом, нужно было заботиться об урожае, ставить ограду для задуманной ими конюшни.

Однажды, когда Ахмет занимался на лугу с жеребятами. Цема принесла ему обед. Он был удивлен. Обычно кто-либо из слуг приносил ему мяса или горячего риса в горшочке.

Она спустилась к тому месту, где находился 'муж, и уселась на пригорок, приглашая его к трапезе.

- Сядь же рядом со мной, мой муж. - Цема улыбнулась, ей понравилось, как прозвучало это слово в ее устах.

- Ты меня напугала, - бросил Ахмет, Принимаясь за еду. Никогда он еще не был так счастлив и спокоен, как теперь. Цема была воплощением его грез: любящая, спокойная и мудрая не по годам. Он осознал, как нелегка была ее жизнь в доме отца, где Цеме приходилось вести домашнее хозяйство, заботиться о мулле и Хамзете, которые не интересовались земледелием, даже на собственных владениях. Ей Пришлось заниматься как женскими, так и мужскими делами. То облегчение, которое она испытала в доме Ахмета, сделало Цему какой-то другой, более веселой и по-девчоночьи озорной. Тем не менее, она трудилась гораздо больше, чем он мог предположить: искусно пряла, неустанно занималась изготовлением пороха и учила слуг делать патоку из сока грецкого ореха, надрезая кору деревьев по весне и подвязывая к надрезам чашки для сбора влаги...

Месяца два уже они с Цемой жили счастливой безмятежной жизнью молодых любящих супругов.

- Тебе нужно будет летом воевать, Ахмет? -спросила Цема.

- Может быть. Все в руках Аллаха.

- Я не огорчу тебя своей новостью... Будь у нас больше времени, я* бы подождала.

Прости меня, муж. - Цема глядела на него в упор своими чудесными серыми глазами и из них струился какой-то новый загадочный свет.

Ахмет все понял:

- Ребенок?

- Есть признаки. Ханифа говорит, что это возможно, но еще рано судить окончательно.

Ахмет опустил ее возле нее на колени и крепко обнял.

- Слава Аллаху! Это будет наш секрет, Цема рассмеялась:

- О, от женщин этого не утаить. Но среди мужчин, дорогой, ты будешь единственным посвященным.

Они поцеловались, но более ничего не говорили друг другу. Слова были лишними...

Ахмет вернулся к своей работе с утроенной энергией. «Слава Аллаху! Слава Аллаху!» - радостно повторял он про себя во время коротких передышек, вспоминая о том, что сообщила Цема.

Прошло несколько дней. Был вечер. Они с Мурадом заканчивали ужин. Один из слуг убирал блюда и сковороды, дети М уряда бурно резвились на полу. Дни стояли теплые» но ночи становились все холоднее. Осень давала о себе знать, хотя лето еще не прошло, В очаге горел сильный огонь. Мурад разжег трубку лучиной и сел на топчан. Затем он принялся пускать густые кольца дыма, отчего его сын Джафар пришел в полный восторг. Джафар попытался вдохнуть дым, как взрослый мужчина, и закашлялся.

Ахмета что-то беспокоило, и его тон был слишком резким для такого момента:

- Детки, играйте-ка подальше. Этот вонючий дым вам ни к чему.

. Мурад удивился, Медина тоже. Но Цема поняла в чем дело, и они с Мединой и служанкой быстро увели детей в другую комнату. Ахмет подался вперед:

- Ты так и не рассказал, что произошло с тобой под Каргинском. Вроде бы собирался, но так и не решился. Что-то серьезное?

Мурад вздохнул:

- Да. Нам нужно потолковать. Дома так хорошо, что не хочется об этом думать...

Ахмет чуть было не раскрыл Мураду их с Цемой тайну, но удержался.

- Это связано с шейхом Мансуром?

- Нет. Во время сражения в лесу со мной произошло одно странное приключение. Я погнался за одним из гяуров, который ускользнул от тебя, помнишь?

Ахмет неуверенно кивнул.

- Так вот, на лесной тропе я схватился с молодым русским всадником. Я вышиб его из седла, ранил. Мы- боролись на земле. Он что-то закричал, я хорошо расслышал его слова... и остановился, представь, от удивления... Он говорил на нашем языке. Он оказался кабардинцем!

Ахмет был поражен.

Да, да, кабардинцем! Мисост. И при этом в русской военной форме сражался на их стороне.

Но это невозможно! Он был один? Что дальше-то случилось?

Мурад замялся:

- Я помог ему сесть на лошадь и отпустил. Перед расставанием он сообщил мне еще более удивительную вещь. Он сказал, что очень многие его соплеменники, как он, служат в русской армии по приказу их князя. А он-то совсем мальчик!

Ахмет не мог верить своим ушам:

- Если бы наши чеченские друзья... Если б Куэр или Айдемир узнали об этом...

Вот поэтому я и молчал. Если они узнают, что против них воюют черкесы бок о бок с их заклятыми врагами, как они к этому отнесутся? Смогут ли они доверять нам после этого? Как ты думаешь? Может быть, следует рассказать об этом мулле, пока он не узнал из других уст? Ахмет был просто удручен:

- Да, конечно, ты прав. Эти люди оказали нам честь своим доверием. Мы не можем скрыть это* го от них. Только, может быть, лучше сообщить мулле не лично, а через Хамзета, чтобы не ставить его отца в неловкое положение.

Мурад глубоко переживал случившееся:

- Вот так и разобщают кавказские народы. В прошлом многие из кабардинских князей присягнули на верность царским генералам. Они получали за это золото, военные чины, права на владение землями...

Ахмет даже растерялся. Он покинул Кубань, чтобы примкнуть к кабардинским черкесам в надежде, что там найдет защиту от захватчиков, а они, оказывается, склонились перед гяурами! Как хорошо, что он оказался у чеченцев!

- Я не знал об этом. Наши кубанские черкесы никогда бы не пошли на такой сговор. Это поразительно, что адыгский князь заставляет своих людей проливать кровь другого кавказского племени, воевать против чеченцев.

Мурад грустно улыбнулся:

- Тебе еще предстоит многое постичь, друг мой. Если б наши племена объединились в единое целое, в мире не нашлось бы силы, способной захватить наши земли.

Ахмет почувствовал, что его бьет дрожь, несмотря на жар от очага. Он не так хорошо разбирался в политике, как, например, Мурад. До сих пор мир для него делился на черное и белое, на хорошее и плохое.. Хотелось бы, чтобы все в этой жизни было ясно и просто, и можно было спокойно жить с чистой совестью. Казалось, что на Кавказе уже не осталось места, куда бы не проникли интриги, где уважались бы еще Хабза и Намис. Эти мысли были мучительны для адыга, собирающегося стать отцом,

* * * * *

Хашим угрюмо рассматривал костюмы Иванова и князя Василия. Было четыре часа утра, и они вот-вот должны были выехать из Форт Георгиевка. Комаров и его свита, возвращаясь в Екатериноград, заночевали в этом надежном месте у реки Малки. Эта крепость на линии обороны находилась как раз на таком расстоянии от военных действий, которые позволяло посланцам достигать цели, не попав в поле зрения вражеских лазутчиков. За Малкой лежала территория, называемая Кабардой, через земли которой можно было благополучно добраться до восточных гор Чечни.

- Вот ты, - буркнул Хашим, указывая на Иванова, - ты выглядишь как следует. А вот он нас выдаст с головой, - карачаевец презрительно глянул на князя. - В нем за версту виден горожанин.

Васильчиков расхохотался, откинув голову назад:

- Хашим, клянусь, что после двух дней в седле я буду выглядеть совершенно иначе!

Хашим сплюнул и вскочил в седло:

- Ладно.

Иванов решил путешествовать в качестве дезертира, давно торгующего краденым оружием, в компании двух сообщников. Хашим и князь Василий имели такое количество оружия, что любой черкес или другой горец сто раз подумает, прежде чем напасть. Это был набор старого и нового, трофейного и фамильного, родового оружия, но именно эта смесь как нельзя лучше подходила нашим героям. Князь выглядел достаточно экстравагантно, чтобы сойти за поляка. Как и немцев, поляков часто насильно брали на военную службу в царскую армию, и многие из них уже попали в плен к горцам. Однако ни чеченцы, ни черкесские племена не заставляли своих пленников или слуг воевать на своей стороне. Они были твердо убеждены, что война - дело чести, и любой человек должен участвовать в ней лишь по доброй воле. Именно поэтому многие пленники и дезертиры оставались жить с племенем, присматривая за животными или работая в поле, и редко пытались бежать к своим.

Васильчикову выдали простреленный в нескольких местах русский кавалерийский мундир, который он надел с черкесскими штанами. Сам Иванов предпочел облачиться в полный горский наряд, включая потрепанную черкеску и меховую папаху. Сзади поперек седла у него была перекинута ветхая влажная бурка, которую сняли с какой-то лошади без

седока, пойманной после разгрома черкесов под Каргинском. Однако князь не мог расстаться со своей замечательной сорочкой, ворот которой сверкал у его шеи. Иванов с Хашимом уже устали выговаривать ему.

Но тут сам генерал Комаров проявил свою власть:

- Вот что, Василий... Я не позволю тебе ставить под угрозу всю затею. Если хочешь-таки ехать с этой партией, то тебе остается только раздеться до костюма Адама!

- Зачем это? - поразился Васильчиков.

- У тебя, простофиля, монограммы вышиты на исподнем, и он еще спрашивает «зачем это?» - рявкнул Комаров так сердито, что князь, внимательно следивший за его состоянием, был удивлен такой грубостью.

Вскоре князь появился в подходящем наряде и очень веселом расположении духа, заявив, что всегда желал испытать на себе, что значит быть «беднягой рогоносцем-дураком», как выразился Шекспир, и вот теперь, к своему огромному удовольствию, он кажется, это чувствует.

Все трое выехали из Форт-Георгиевска еще до восхода солнца, чтобы не привлекать внимание своим устрашающим видом. Хашим и Иванов ехали молча. Хашим хорошо знал маршрут, позволяющий обогнуть деревни и поселки, перейти реки Малку и Баксан вброд и, наконец, выйти к высоким склонам предгорий. Всего в нескольких верстах к западу начинались родные для карачаевца места, которые он с детства знал, как свои пять пальцев.

Иванов с Хашимом уже вдоволь насмотрелись на красоты Кавказа и взирали на них равнодушно, а вот князь Василий был поражен величественным видом долины реки Чегем, самой красивой из тех, что впадают в Терек дальше к востоку, с ее маленькими искрящимися на солнце озерами и травянистыми берегами, усыпанными цветами.

К ночи они добрались до предгорий. Князь Василий по-прежнему пребывал в восторженном состоянии. Еще бы! Предстоял ночлег под звездами, когда ночную тишину нарушают лишь крик совы и вой шакалов. Он почти верил, что испытывает в этих условиях божественную благодать, однако его физическое самочувствие не позволяло, кажется, воспарить духом. Разговаривая с Хашимом, он шутил, что скоро вовсе забудет свою городскую шегольскую походку. Еще один тяжкий переезд - и он не сможет не только легко ступать или сидеть, но даже просто стоять.

У Иванова же, напротив, настроение все улучшалось. Сам-то он вырос на густонаселенной равнине на польской границе, поэтому горы всегда пробуждали в нем романтическое чувство первооткрывателя. Бросив кабаки и обильное возлияния, он сразу почувствовал себя другим человеком: голова просветлела, легче думалось, кошмары не мучили по ночам.

Мысли Хашима были заняты одним предметом. Находясь поблизости от своих родных мест, он не мог противиться смутным воспоминаниям о своей жизни в деревне, которая была уже в прошлом, как и сама юность, и не было к ним возврата. Он продал себя тому, кто дал большую цену.

Мужчины находились в пути уже четыре дня и четыре ночи. Иногда им встречались пастухи, которые указывали путь к ручью или объясняли Хашиму, как найти удобный проезд на многие версты вперед. Вскоре они добрались до осетинских гор и оказались в Чечне. Иванов так здорово произносил гортанные звуки чеченского языка, что в своем разбойничьем облике выглядел вполне убедительно. Погода благоприятствовала этому восхождению на твердыню главного Кавказского хребта: ни заморозков, ни дождей. Небо было безоблачно, и лишь коршуны лениво парили в нем. А по ночам над головой разверзалась невообразимая черная бездна, казалось, что небесная твердь исчезла и воцарилась бесконечная пустота, что божественные чертоги совсем рядом, протянул руку - и вот они.

. На пятый день у князя Василия по всему телу пошел зуд: изнеженный путешественник четверо суток не менял нижнего белья. Он, однако, не решался спросить

у своих спутников, как обходятся они, зная, что это кончится лишь новыми насмешками. Князь Василий заметил, что карачаевец и не думает мыться, и с нетерпением ожидал, когда грязь станет и его второй кожей и перестанет причинять беспокойство.

Карачаевец ему нравился больше, чем этот германец Иванов. Василий хорошо разбирался в людях и понимал, что Иванов, несмотря на свою храбрость и хорошую выучку, не особенно надежен. Если он попадет в трудное положение, то обратиться к Хашиму, а не к Иванову со всей его бравадой.

Однажды рано утром Иванов разбудил князя Василия, сильно трясая за плечо:

- Хашим заметил несколько горцев, чеченцев. Они едут вверх по ущелью примерно в версте от нас. Мы решили ехать за ними и догнать. Может удастся поменять несколько ружей на соль или шкуры. Стоит попытаться.

Васильчиков оживился. Наконец-то судьба обещает что-то интересное.

- Отлично.

Себя и других он удивил тем, что собрался и навьючил поклажу за считанные секунды. Иванов подумал уже, что недооценивал этого русского аристократа- По крайней мере, он не был похож на полоумного хандрящего искателя смерти.

Они пустились вскачь. Хашим ехал впереди. Одному Богу известно, как они различали дорогу в густом подлеске среди коварных каменистых троп - просто им некогда было размышлять. Изрядно намучавшись, они добрались до небольшой горы, нависающей над главной дорогой, и вовремя: группа чеченских воинов приближалась к ним на полном скаку.

Хашим соскользнул вниз по склону, держа винтовку а изготровку, и остановил четырех всадников.

- Приветствую вас! - сказал он по-татарски. - Как дела? На кого сегодня охотитесь: на дичь или гяуров?

Четверо чеченцев подозрительно смотрели на него и молчали.

- На юг не ездите, там патрули. Хашим бросил пакетик табака ближайшему из стоявших. - Держи. Не хочешь отведать? Ружья вам нужны? У меня есть отличные штучки, захвачены у казаков... - Он сделал условный сигнал своим спутникам. Иванов и князь неловко съехали тем же путем и стали за карачаевцем.

Вы, изменники..., - мрачно проговорил один их чеченцев, поднимая на них винтовку.

Как ты можешь говорить так о человеке, у которого сожгли деревню, а теперь он вынужден бедствовать? Человек делает то, к чему его вынуждают. Стреляй в меня, незнакомец, это будет лишь благо для меня. Но не сомневайся в моем ружье, если ты сделаешь это. Один или двое из вас умрут вместе со мной. Верно хозяин? Иванов и его товарищ подняли глаза,

- Совершенно верно, - сказал Иванов по-чеченски. - Делай, как говорит мой человек.

Другой чеченец рассмеялся, глядя на Хинтима.

- Мы не собираемся убивать тебя, побережем пули для гяуров. Ну давай, Шрам, показывай свои ружья. Только клади их на землю да скажи друзьям, чтобы бросили свои.

Чтобы подтолкнуть собеседников, он швырнул свой кама прямо под передние копыта лошади Хашима, заставив ее попятиться. Хашим не дрогнул в седле, он крепче сжал колени, и кобыла успокоилась. Затем он спрыгнул на землю, положил ружье и спокойно закурил трубку.

- Желаете их испробовать? - небрежно спросил он.

Двое из чеченцев спешили, остальные их прикрывали.

- Дай-ка мне свой, Тадеуш, - крикнул Хашим по-русски, обернувшись и подмигнув князю Василию.

Быстро сообразив, тот достал карабин из своей коллекции за спиной, приблизился к Хашиму и положил оружие к его ногам.

- Двадцать рублей оно мне стоило, - пробормотал он по-польски. Потом вернулся и занял место рядом с Ивановым, который высился, как скала, держа палец на спусковом крючке.

Оружие произвело на горцев большое впечатление. Все четверо шагнули вперед и начали жадно его осматривать. Хашим отвязал от седла мешок со своим арсеналом бросил его на землю.

- Вот, у нас есть еще. Есть у вас друзья поблизости? Может сторгуемся, а?

Чеченцы начали быстро, перебивая друг друга, обсуждать предложение. Иванов изо всех сил напрягал слух, как и Хашим, хотя со стороны это было, конечно, незаметно. И вот Иванову впервые повезло: он понял с какой целью эти молодые чеченцы тронулись в путь - они получили приказ о боевой готовности, который был передан по всей округе. Они направляются в деревню, где, по-видимому, назначен общий сбор вовек. В разговоре упоминался какой-то предводитель, мулла. Иванов изо всех сил старался сохранить невозмутимое выражение лица, услышав это. Однако из последующих слов выяснилось, что это уже не шейх Мансур бьет в боевые барабаны. Речь шла о другом известном здесь человеке, о каком-то старом мулле.

Один из чеченцев выступил вперед и объявил Хашиму об их решении:

Мы отведем вас к нашему вождю. Если вы люди честные, он купит у вас немало оружия. Но, чтобы мы были уверены, что вы не готовите нам подвоха, мы возьмем в заложники вот его. - Они указали на князя, который безмятежно улыбался, не понимая ни слова.

- Ну что ж, годится, - согласился Хашим, перемигнувшись с Ивановым и получив согласие. Князь Василий еще не догадывался о происходящем, однако спокойно дал себя связать и обезоружить, а лошадь его один из горцев взял под уздцы. Иванов оценил его сообразительность и мужество, но его мучили сомнения, не делают ли они роковую ошибку, приняв эти условия. Если бы не уверенность и спокойствие Хашима, он никогда бы не согласился расстаться с оружием. Его солдатская натура не могла с этим смириться.

Всем троицам завязали глаза и везли час, а может два куда-то все время вверх в глубь Чечни. Было страшно ехать вот так, не ведая дороги, доверившись первым встречным. Каждый раз, когда лошадь неожиданно спотыкалась или шарахалась в сторону, они чувствовали это на спинах и поясах.

Наконец, они с огромным облегчением услышали обычные звуки деревенской жизни. Пахло дымом, послышался детский смех и собачий лай.

Чьи-то сильные руки грубо стащили князя Василия и Иванова с коней и втокнули в дом. Они очутились в комнате, где было почти невозможно продохнуть от гари. Здесь, видимо, на открытом огне коптили мясо, заготавливая его на зиму. Чеченцы сняли повязки с их глаз и оставили пленников в коптильне.

- Надеюсь, Хашиму можно верить? - прошептал князь.

Иванов кивнул:

От него требуется хорошо сыграть свою роль. Он знает прекрасно, что если чеченцы заподозрят обман, нас всех прикончат.

Должен признаться, я ожидал, что нас убьют еще там, - ответил Васильчиков. - Интересно, долго еще меня не развяжут?

Иванов промолчал. Он напряженно вслушивался в голос Хашима, доносившийся снаружи.

Вдруг где-то совсем рядом раздался шорох. Они обернулись, как по команде, и увидели старика, лежавшей) рядом. Казалось, он спал. Однако его скрюченные ревматизмом пальцы покоились на курке ружья, такого же древнего, как он сам.

Тем временем, Хашим разливался соловьем перед каким-то чеченцем с темным лицом, который проворно перебирал оружие с оценивающим видом.

Мы дадим вам шесть козлиных шкур, не больше, - заключил Куэр. Это была его деревня и он считал себя вправе поторговаться.

Шесть?! Нет, нет! Это мало для моего хозяина! - возразил Хашим.

Слушай, ты, грязная карачаевская свинья... Ты только по имени мусульманин. Ты для себя ищешь выгоды? Аллах запрещает это! - Куэр толкнул его в грудь.

Почему выгода? Просто достойная цена. - Хашим начинал уже сожалеть, что взялся играть

< эту неблагодарную и опасную роль в совсем небезобидном спектакле. - Ружья-то эти не мои, а вон того германца. С ним и разговаривай. Он мой хозяин. А я что?

Иванов услышал эти слова и решил прийти на помощь Хашиму. Что было сил он начал кричать из своей темницы.

- Нам говорили, что чеченцы честные люди, правоверные мусульмане! У меня много ружей... очень много. Да, чтоб я еще приехал! Да ни за ~ что на свете!

Куэр выволок его из амбара. Затем схватил за ворот и поставил перед собой на колени.

- Вонючий ублюдок! Убийца! Ты шныряешь между мертвыми и крадешь их ружья! - напустился на него Куэр.

Иванов знал чеченский не настолько хорошо, чтобы понять эту речь. Он не понял бранные слова, но уловил суть сказанного.

- Каргинск! Да, да... Полно убитых русских. Он ухватил Куэра за руку, будто поздравляя

С таким подвигом. В этот момент с площади прокричали имя Куэра. Он швырнул Иванова снова на землю.

- Придется подождать. Нас созывает мулла.

- Прекрасно, прекрасно... Мы присмотрим за ружьями. Ничего страшного. Может быть, нам дадут немного поесть?

Иванов и карачаевец сели на землю и наблюдали, как на площадь подъезжают и спешиваются несколько десятков вооруженных мужчин. Мальчики-подростки брали лошадей под узды и уводили в конюшню. Куэр остановил одного из них - его звали Лич - и велел принести Хашиму с Ивановым котелок кукурузной каши и остаться возле них, не спуская глаз с незнакомцев.

Про князя Василия словно забыли. Он все сидел в прокопченном сарае в обществе молчаливого старика на куче не выдубленных шкур впадая временами в глубокую задумчивость. Васильчиков из всех сил уперся во что-то подошвами и постарался повернуться так, чтобы через небольшую щель в деревянной стене посмотреть, что творится снаружи. То, что он увидел, возбудило его любопытство. Его взору открылся ряд аккуратных построек, из крыш которых столбом валил дым от очагов, однако вся панорама была до обидного мала. К месту сбора, находившемуся в дальнем конце площади, направлялись рослые люди. На плечах у них висели ружья и карабины, в грудь украшали перекрещенные ленты с патронами, что придавало им весьма грозный вид. Они рассаживались кругом, в центре которого восседал внушительного вида человек в чалме - их глава. Когда все были в сборе, он поднялся и начал долгую монотонную- речь.

Невдалеке пленник заметил группу женщин, собравшихся под широким раскидистым деревом. Они тоже сидели кругом, держа детишек на коленях. Как ни старался князь Василий различить хоть слово в чеченской речи, ему это никак не удавалось: все они сливались в какое-то мерное журчание и, как ручьи впадают в могучую реку, так и звуки соединились в гулкое монотонное бормотание муллы. Это раздражало его ужасно. Речь муллы напоминала пение псалмов или молитв. Все это ошарашивало русского аристократа.

Казалось невероятным, что это сборище нищих по сути людей, эти крестьяне сдерживали продвижение на юг русской императорской армии. До сих пор Василии слышал лишь, что чеченцы - непокорные воры и дикари. Однако сейчас происходило нечто, чего он не мог уразуметь, впервые в жизни чужая жизнь так сильно захватила его.

Между тем Иванов опустошил котелок с кашей и принялся соблазнять охранявшего их мальчишку горстью сушеного мяса из своего походного мешка. Бедный мальчик был голоден, о чем говорили темные круги под глазами, однако он был послушен приказу старших и не нарушал долга. Иванов бросил пластину мяса в его сторону, на нее тут же набросились собаки, а Лич даже не шевельнулся. Иванов подвинулся вперед и - попробовал снова. Хашим знал, что мальчик должен сидеть смиренно, чтобы не навлечь на себя гнев со стороны своих.

Из-за лая собак и пения женщин Иванов никак не мог расслышать, о чем говорил мулла. Если бы ему удалось подобраться к дереву, у которого находился их юный страж, он наверняка оказался бы в более выгодном положении. Он в третий раз бросил мясо, и кусочек упал прямо у ног мальчишки. Тот схватил его и отпрыгнул немного в сторону, к скале, в более укромное место, где можно было спокойно поесть, не выпуская чужаков из виду. Иванов улыбнулся одобряюще, прополз вперед и сел, поджав под себя ноги, как раз там, где только что находился Лич.

- Вкусно, правда? Вкусно. Давай, ешь.

Он прислонился спиной к стволу дерева и закрыл глаза, притворившись спящим. Хашим хмуро наблюдал за всем происходящим и не двигался с места.

Густой раскатистый голос муллы теперь был слышен гораздо яснее. Женщины прекратили пение и почтительно замолкли, слушая речь своего главы.

- Братья, я надеюсь, что большинство из вас знает причину нашего сбора. Многие из вас... недавно вернулись из Алди. Сегодня я получил срочное послание нашего великого Имама, да продлит Аллах его дни. Он благодарит всех, кто сражался рядом с ним под Каргинском...

...&го совсем не простое дело - выдворить с нашей земли неверных, братья мои. Это потребует многих жертв, и мы, жители горных селений, не должны уклоняться от выполнения своего долга!

Иванов был просто вне себя от радости, что судьба милостиво подарила им счастливую возможность попасть именно туда, куда нужно. Он обернулся на Хашима, и они обменялись понимающими взглядами. Хашим тоже уловил большую часть того, что сказал мулла, однако сохранял непроницаемый вид.

Между тем мулла продолжал свою речь:

- Великий Имам принял решение вновь атаковать Кизляр, причем немедленно. На этот раз будут собраны еще более значительные силы. Шейх Манеур намерен окончательно уничтожить там русский гарнизон... Он попросил меня, своего наиба, повести в бой- самые крупные отряды, какие только удастся собрать... Я поручаю своему сыну Хамзету вести эти войска.

Все это время Иванов старался не смотреть в сторону муллы. Ему отчаянно хотелось видеть этого человека, запомнить его лицо, однако, если он даст сторожащему их мальчишке хоть малейший повод заподозрить, что он слушает муллу, - беда. Поэтому Иванов сидел с закрытыми глазами, не вкдя ни муллы, ни Хамзета, которого назначили полководцем.

Если б он открыл глаза, то заметил бы надменный, тяжелый взгляд муллы, устремленный то на Хамзета, и на его шурина Ахмета. Это поручение ложилось на Хамзета тяжким бременем, но он, покорный сын, не смел перечить отцу.

Голос муллы все лился и лился, не умолкая:

- Хамзет может высказаться, если захочет. А пока я призываю вас должным образом подготовиться и явиться в следующую пятницу сюда, на эту площадь, во всеоружии, Я прошу вас известить об этом всех, кто не смог присутствовать сегодня. Известите своих деревенских старейшин и всех чеченцев в горах об этом великом джихаде.

Площадь хранила молчание.

- Есть ли у кого вопросы, братья? - спросил мулла.

Раздался голос какого-то зрелого мужчины. По тону Иванов почувствовал, что говорит человек опытный, переживший немало баталий: речь его была точной, краткой и без ненужных красот и комплементов - как у генерала Комарова.

Можно мне, мулла? Выходит, день нового сражения уже известен? Не слишком ли скоро, через месяц после похода на Каргинск?! У некоторых наших парней еще не зажили раны!

Пойми Эльдар, - начал мулла, - вы все должны уразуметь великий Имам стремится нанести мгновенный удар, чтобы застать неверных врасплох. Мы не должны позволить им собраться с силами, получить подкрепления и обрести прежнюю мощь. Эти вопросы не нам решать. Имам знает лучше, когда выступать.

Мужчины начали шумно переговариваться. Иванов рискнул зевнуть и открыл глаза. Он увидел, как, бурно жестикулируя, на ноги поднимается человек, огромный и мощный, словно бык. Это его звали Эльдар. Его черная накидка была подшита зеленым. Его темное лицо походило на кору дуба.

- Я скажу за всех этих отважных людей, мулла. В назначенный день они все будут здесь, чтобы сражаться рядом с Хамзетом. Можешь в этом не сомневаться. Да хранит нас Аллах!

Все встретили ревом одобрения эти слова. Иванов повернул голову, чтобы взглянуть еще раз, но тут вдруг кто-то навалился на него, забив рот кляпом. Это был, конечно же, славный чеченский воин Куэр. Он победно упер колено Иванову в спину.

~ Тебе сказано было сидеть у амбара! Ты не дезертир, ты шпион!

Иванов как-то сразу обмяк. Он передернул плечами и указал на кляп: как можно оправдаться, если рот закрыт? Куэр вынул кляп.

- Тебе нужны ружья? - хладнокровно сказал Иванов. - Это твоя война, не моя. Отдай шкуры, и мы тут же уберемся. Неприятности мне не нужны. На своем веку я уж достаточно пролил крови...

Иванов произнес свою речь твердым голосом, но внутри все трепетало! Конечно, он хотел жить, получать чины. Он не мыслил себя без армии.

Верно, в его жизни было немало смертей, а теперь видно, их будет гораздо больше... Куэр сильно пихнул Иванова.

- Презренный трус. Не нравится убивать! На, забирай свои шкуры и ползи отсюда, пока мулла не осквернил о тебя свой взгляд.

Иванов не мог поверить собственному счастью. Он подхватил шкуру и заковылял к тому месту, где сидел Хашим. Протянул руку, чтобы взять одно из ружей.

Куэр наступил ему на кисть.

- Ты же сказал, что больше не хочешь убивать! Я правильно понял? Поэтому оставь здесь все ружья. Ты слышишь меня? Все!

Иванов не стал спорить. Он медленно поднялся и кивнул Куэру:

- Хорошо, юный воин. Хорошо. Отлично. Пошли Хашим. А где наш друг Тадеуш?

Не спеши, - прервал его Куэр/ - Ты сказал, что ружей у тебя еще много? Твой поляк пока останется здесь как заложник, пока ты не привезешь их сюда... Не беспокойся, за оружие получишь шкурами так же щедро, как сейчас.

У Иванова пересохло во рту. Комаров с него живого снимет шкуру, если они вернуться без Васильчикова.

Но... но он не говорит по-чеченски. Оставь карачаевца, если так нужно. - Он указал на Хашима.

Карачаевца? Да я презираю этого изменника! Нет уж, я лучше приберегу твоего бессловесного поляка. Если ты не вернешься, его легче будет продать-

Иванов хотел еще спорить, но увидел, что к ним с места собрания направляется небольшая группка воинов. Один из них пристально вглядывался в него. Иванов провел грязной рукой по своему бледному лицу в надежде, что его черты трудно узнать. Чутье

подсказывало, что он уже где-то видел этого небольшого человека с неприятной и слов ной стертой внешностью. Было бы безумием оставаться здесь до рассвета.

- Что ж, удачи тебе, чеченский воин. Скоро увидимся! Я привезу ружья, и мы еще поторгнемся. Через три дня.

Иванов повернулся, поглядывая по сторонам в поисках своей лошади, стараясь не выдать волнения. На его счастье улыбающийся Лич вышел из-под деревьев с двумя поводьями в руках.

- Спасибо, дружище. - Иванов бросил Личу мешочек с солью, вскочил на лошадь, и они с Хашимом на полном скаку припустили из деревни.

В то время, как мужчины, вернувшиеся с собрания вслед за Куэром, восхищенно рассматривали оружие, Ахмет с Мурадом задержались по просьбе муллы, чтобы продолжить разговор. Кабардинцы сели напротив, а Хамзет - справа от отца.

Что не весел, Ахмет? Я вижу, тебя одолевает какая-то тревога, - спокойно начал мулла. - Говори, не таясь. Мы - одна семья.

Я не хочу никого обидеть, мулла, но... мое последнее сражение... наше последнее сражение... когда мы бились вместе с войсками Имама, стало просто..., как бы сказать помягче..., просто бедой для нас.

Мулла нахмурился и взглянул на сына, ожидая его реакции на слова Ахмета. Хамзет сидел с бесстрастным видом. Мурад тоже выглядел довольно спокойным.

Наконец Хамзет заговорил:

- Ахмет прав, отец.

Глаза у муллы были полузакрыты и он быстро перебирал четки, пытаясь скрыть раздражение.

Первым отважился высказаться Мурад. О, это был прирожденный дипломат! Видно, он точно был потомком нарта Батраза, который сладкими речами своими сумел добыть божественный котел для приготовления пищи.

- Мулла... Я с полным уважением отношусь к нашему предводителю, однако несмотря на все свое упорство и преданность делу, Имам не обладает талантом полководца, он не вождь в широком смысле этого слова. Наши потери под Каргинском вызваны вовсе не недостатком сил или храбрости у наступавших. Это произошло из-за того, что у Имама не было четкого плана действия. Наши не успели даже собраться, как русские нас атаковали. Большинство наших людей уцелели лишь потому, что прибыли позже и избежали огненного дыхания русских пушек...

Мулле было трудно слушать эту правду, если правдой было то, о чем здесь говорили. Но у него не было оснований не верить этим людям.

- Ах дети, дети... Что такое вы говорите! Это первый сражающийся Имам, великий голос Чечни. Он вовсе не мудр? Он не умеет воевать? Как вы можете говорить это, а я - слушать?

Вступил Ахмет:

- Даже для нас, неопытных, было ясно, что нельзя штурмовать крепость с налету, очертя голову. Наши старые ружья и мечи - ничто по сравнению с их пушками. Эти пушки поливают огнем головы чеченцев, разрывал их плоть, и пугая коней еще задолго до того, как: появится хоть один казак. Нельзя нам снова идти на Кизляр, это обернется еще большей бедой.

- Сможет ли Имам пережить еще одно поражение? Пойдут ли вновь люди за ним, если это случится? Вот чем мы встревожены, мулла... Мы выступаем не против Имама Мансура, а напротив, за него, - добавил Мурад.

Пальцы муллы нервно теребили четки.

- Ну и что вы предлагаете, Мурад, Хамзет, Ахмет?

Молодые люди помолчали, тщательно обдумывая ответ. Наконец, Мурад предложил:

- Мы знаем, как воевать малым числом, устраивать засады, мы сумеем нанести удар и скрыться в лесу. Это наш путь. Там, где проходим мы, казаки не смогут протащить свои тяжёлые пушки.

Хамзет рискнул согласиться:

Мы можем их таким образом здорово измотать, оторвать от основных сил, а потом обрушиться на них с нашими саблями. Ведь так мы одержали немало побед...

Другими словами, - вмешался Мурад, - мы должны навязать им наши условия, нападать, когда они менее всего ожидают нас, а не тогда, когда они ждут нас, чтобы прирезать, как жертвенных баранов.

Мулла был не на шутку раздражен. Понимая справедливость всего сказанного, он, между тем, в душе оставался приверженцем старых обычаев и любил открытый честный бой.

Но могут сказать, что тактика трусов.

Бесспорно, почетно умереть в открытом бою за правое дело. Но глупо умереть, не успев нанести врагу ответного удара, и по-моему, отнюдь не почетно.

Хамзет видел, как мучительно отец пытается сделать выбор: сберечь свой народ или поддержать великого предводителя, не взирая на потери.

- Отец, ну почему бы нам не предложить шейху свою тактику. Он собрал большие силы для главного сражения - это прекрасно. Но мы при этом будем самостоятельным отрядом и станем наносить удары по небольшим лагерям русских в районе Кизляра. Таким образом мы сможем парализовать значительную часть войск противника...

Мулла кивнул. Он почувствовал некоторое облегчение.

- Я так и сделаю. Думаю, нам не придется стыдиться этого плана. Хамзет, предложи мужчинам выбор: идти с шейхом или с тобой. - Он говорил резко, давая понять, что в душе остался при своем мнении.

Хамзет был расстроен тем, что они огорчили отца:

- Отец, если хочешь, я тоже пойду на Кизляр с Имамом.

Но мулла даже не посмотрел на Хамзета. Его взгляд был устремлен на другой конец деревни, где Куэр лупил какого-то неизвестного.

- Нет, не надо. Вам троим лучше держаться вместе. И никому ни слова, пока я не переговорю с Имамом.

Очевидно, разговор был закончен. Мулла встал и сделал знак остальным, что они свободны. Хамзет немного прошелся с Ахметом, потом вдруг взял его за рукав:

- Спасибо за поддержку, брат.

Ахмет улыбнулся и потрепал его по плечу:

- Когда-нибудь ты станешь великим полководцем. У тебя военный талант, как у Мурада.

Хамзет пропустил комплемент мимо ушей и придвинулся ближе:

- Я разговаривал с отцом насчет кабардинцев, воюющих на стороне русских.

- Он расстроился?

Нет, не думаю. Мне кажется, он и Имам знали об этом и раньше. Есть даже чеченцы и ингуши, которые продались неверным. Но самое главное то, что ты и Мурад - вне всяких подозрений. Он хочет, чтобы вы знали это.

Большое спасибо тебе, Хамзет, за участие. Это нас с Мурадом очень беспокоило.

- Мы - одна семья. И должны полностью доверять друг другу. Только так и никак иначе.

Ахмет взглянул на худощавое, напряженное лицо Хамзета. С каждым днем он все больше доходил на настоящего главу своего рода. Хамзе ту было очень просто заставить себя управлять, но у него был счастливый дар нравиться людям, которые охотно помогали ему. Ахмету было и радостно и грустно видеть это. Обретая бойцовские качества, Хамзет становился более жестким, расчетливым, но при этом менее тонким и мечтательным. Это еще одна их потеря, и если ее никто не замечал, это не значит, что ее не было вовсе.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Князь Василий с ужасом осознал, что его оставили одного у чеченцев. Он испытывал поистине адскую муку: душа его разделилась надвое. Одна половина готова была смириться и принять смерть, но вторая, после страданий в многочасовом плену, кричала о том, как хочется жить. У него не было цели в жизни, но и умирать он не желал. Отчаяние жгло сердце. Он размышлял, что же побудило его отважиться на это рискованное путешествие, и не мог найти вразумительного - ответа. Василий не мог понять, почему его спутники уехали так поспешно, даже не поговорив с ним. Скорее всего, они пообещали еще привезти оружие, так что его плен кончится через один - два дня.

Куэр так и не развязал его в тот день - вовсе, не из-за жестокости, а просто забыв о нем. Когда на следующий день мулла сурово спросил у него, кого это он бил во время собрания, Куэр рассказал о покупке ружей но том, что незнакомцы обещали еще.., и тут вдруг он вспомнил о заложнике.

- Сейчас, когда мы готовимся к важным событиям, мне совершенно не нужен здесь чужак, особенно гяур, - ворчливо проговорил мулла. - Думаю, что будет лучше переправить этого человека ' в более укромное место. Завтра я отправляюсь к Ахмету. Отвезем туда твоего заложника, так будет спокойнее. А там ему хватит дел, чтоб отработать еду.

Куэру пришлось не по вкусу поручение везти своего пленника во владения Ахмета, но он не смел ослушаться. Этот поляк может действительно стать настоящей обузой. По большому счету, Куэр не мог думать о чем-то еще, кроме джихада. Все остальное лишь раздражало его.

- Если позволите, я не поеду с вами, мулла.

- Можешь не ехать, - ответил тот, догадываясь о причинах отказа. Он смотрел вслед Куэру. Все же, как тоска сушит человека, гложет его изнутри, оставляя пустоту, способную породить иные, недобрые чувства...

Ранним утром следующего дня к мулле пожаловали давно ожидаемые гости. Коневод из Дагестана прибыл на рассвете с намерением осмотреть новую конюшню Ахмета. Он был старым знакомцем муллы, с которым тот в прошлом имел дела. Раджаб был аварцем, принадлежал к одному из многих племен, населяющих Дагестан, и слыл опытным коневодом, у него мулла, кстати, и купил того вороного жеребца, которого подарил Ахмету: Это был богатый торговец, прекрасно разбиравшийся в денежных делах, Раджаб со своим помощником Ури проделали долгий путь через самые высокие перевалы Кавказского хребта, избегая встреч с казаками. Конечно, они были наслышаны о волнениях в Чечне, и чеченцам они не были чужими. Жизнь должна продолжаться, невзирая ни на что, со всеми ее радостями и заботами: переездами, торговлей.

Раджаб хорошо говорил по-чеченски: Он ведь не раз бывал в этих краях по всевозможным делам.

Горю нетерпением увидеть плоды трудов твоего зятя, - произнес он, сердечно приветствуя муллу и почтительно кланяясь. - Мне повезло, что теперь у тебя есть родственник, с которым можно вести торговлю. Хорошие лошади - редкость в наших горах, а спрос на них растет, мой друг.

Да, чтоб воевать с неверными, нам нужны быстрые кони с крепкими ногами. - Мулла приветливо улыбнулся. - У Ахмета лучшие породы коней во всей Чечне. Тебе понравятся.

И вот, маленькая группа, состоящая из муллы, двух аварцев, слуги, мальчика Лича и заложника князя Василия, собрались на площади, чтобы отправиться к поселению Ахмета. Они позавтракали в доме муллы, сотворили утреннюю молитву и тотчас были готовы к отъезду.

Мулла удивился, увидев заложника с завязанными глазами и прикрученным веревкой к какой-то худосочной кобыле. Даже эта убогая одежда не могла скрыть его крепкого сложения и благородных манер.

Мулла спешил и обошел кругом князя, пристально разглядывая его. Васильчиков чувствовал, что что-то вокруг происходило. Он слышал шелест халата муллы и нервное постукивание четок в его руках. Потом послышались речь и еще один человек подошел к ним.

- Так ты, говоришь, польский дезертир? - спросили его по-русски, что очень удивило Васильчикова.

Князь кивнул. Если б он открыл рот, то, наверное, его бы стошнило от страха, душившего его.

У какого генерала служил? Комаров хорошо подготовил князя.

У Воронцова, - напряженно ответил тот.

Боже Праведный! Как ты мне отвечаешь? Васильчиков понял, что разоблачен. Он едва

мог произносить русские слова, не то что польские. Он высоко поднял голову, отважно приготовившись к худшему.

- Я не чистый поляк, - ответил он по-русски.

Мулла сразу, смекнул, что опустившийся польский дезертир не вел бы себя таким образом. И тут его осенило. Это был русский благородного происхождения, заброшенный на Кавказ волной имперской экспансии. Его лучше бы побережь, еще сослужит, службу.

К удовольствию Василия его развязали и сняли повязку с глаз. Раджаб в своей красивой -красной с золотым - накидке стоял, улыбаясь, перед ним.

- Меня зовут Раджаб, я аварец из Дагестана, - представился он по-русски, произнося слова медленно, но правильно. - Ты находишься в обществе муллы данной деревни.

- Я..., я... Тадеуш - поляк, дезертир, - выдавил из себя князь Василий, читая недоверие в глазах муллы, и замолчал.

- Поедешь с нами.

Группа двинулась вперед, и пленник испытал радостное облегчение, как только что помилованный. Он выпрямился в седле, к нему вернулась былая осанка истинно благородного человека, и он ехал легкой рысью рядом с остальными.

Если у муллы и были до этого какие-то сомнения в происхождении этого заложника, то его манера ездить верхом рассеяла их. Этот высокий статный человек был мужествен, но это не был воин. В седле он сидел высоко, по-европейски, как сидят обычно дворяне. Его руки были грязны, но они явно никогда не знали черной работы. Его волосы были аккуратно подстрижены. Безусловно, это был русский шпион. К своим он вернется рассказывать сказки, уж об этом-то мулла позаботится.

* * * * *

Цема застенчиво приветствовала своего отца. Ее беременность была уже заметна, поэтому отец смотрел на нее какими-то другими глазами, что еще больше сковывало ее. Не в первый раз уже она ощутила, как не хватает ей рядом матери, которой можно было бы доверить все на свете. Но рядом была подруга и наставница Медина, и Цема сумела принять гостей как положено.

Мурад на охоте. Он будет жалеть, что не встретился с вами, - сказала Цема. - Ахмет в загоне. А кто этот человек?

Заложник. Он не причинит вам вреда.

Мулла велел Василию спешиться и тот повиновался. Его любимая привычка надевать маску безразличия помогала ему прятать свои чувства.

Но внутренне он благословлял судьбу, которая подарила ему такое приключение. Ведь он оказался в самом центре Чечни, один из немногих русских, тем более своего

сословия, получивший возможность воочию увидеть, как живут эти дети гор. Для ученого, интересующегося философией и биологией, это была огромная удача. Ему хотелось бы узнать, каковы законы этих людей, живущих единым племенем, есть ли у них понятие о чести и какова их культура. Возвращаясь из Екатеринодара, он штудировал тетрадь с упражнениями по чеченскому языку, которой снабдил его генерал Комаров. Потом князь пытался практиковаться, приставал к карачаевцу и Иванову, однако чеченский язык оказался чертовски сложным, и ему так и не удалось добиться желаемых успехов. Это задевало самолюбие человека, свободно владевшего несколькими языками. Теперь князь Василий ужасно злился, что рядом нет переводчика.

Мулла общался с Васильчновым через Раджаба.

- Садись и подожди. Мулла просит передать, что ты будешь работать на Ахмета, хозяина этой усадьбы, пока не решится твоя судьба. Тебе повезло, польский солдат: здесь одна из самых лучших конюшен в округе... если ты, конечно, любишь работать с лошадьми.

Князь Василий подошел к ограде и присел у столба, стараясь привлекать поменьше внимания и не давать повода для враждебности со стороны своих неожиданных хозяев. Сам же он начал незаметно приглядываться ко всему окружающему. Он отметил скромность женщин, лукавые смеющиеся мордашки мальчишек, крутящихся вокруг гостей, - это были премилые создания, хорошо сложенные, с живыми блестящими глазами. Вообще эти люди меньше всего походили на диких и обездоленных. Эта семья, как и те, что он наблюдал в другой деревне, казалось на удивление жизнестойкой, с основательным укладом хозяйства. Он еще не представлял себе, что будет делать здесь, однако это поселение казалось Васильчикову менее враждебным, и он уже был чуть ли не доволен, что его оставят здесь.

Мулла и его спутники направились к загонам для скота и позвали Ахмета. Тот так усердно занимался с животными, что даже не заметил суеты, связанной с прибытием гостей. Услышав свое имя, Ахмет повернулся и быстро привязал к ближайшей ограде молодого жеребца. Он быстро подошел, дружески улыбаясь тестю.

Познакомься: мой добрый приятель Раджаб из Дагестана. Хочет, вот с тобой сторговаться.

Очень рад, Раджаб. - Он пожал руку коневоду и Ури. - У меня есть жеребята на продажу. Вот этому, например, скоро два года. До этого возраста л их не продаю.

Разумно, - кивнув Раджаб. - До двух лет они еще не могут показать себя должным образом.

Вместе с остальными мулла подошел к привязанному жеребенку, искренне восхищаясь им.

- Машаллах, действительно хорош! Точная копия родителя. Как думаешь, Раджаб?

Раджаб не спешил с оценками. Он легко перемахнул через ограду, бережно провел рукой по спине жеребенка, потрепал холку, опустил руку вниз и ощупал сухожилия передних ног. Жеребенок вскинул голову и гордо заржал, словно желал покрасоваться. Раджаб внимательно осмотрел его глаза и уши, потом отступил назад, чтобы оценить стати.

- Не к чему придраться, - сказал он наконец. Хотелось бы, чтоб был пошире в кости. Грудь могла бы быть покрепче... Но он, мне решительно нравится. Полагаю, это отпрыск того черного?

Ахмет сразу понял, что это и есть тот аварец, который прислал черного как смоль жеребца, принятого Ахметом в подарок от муллы. Все эти разговоры про кость и грудь были лишь уловками приценивающегося к жеребенку опытного торговца.

- Да, именно так. Черный слабоват на жеребцов. До сих пор все больше кобылки.

Раджаб скрестил руки.

- Он мне нравится, - заключил он. - Когда-нибудь он сам может стать хорошим производителем. Будет ли мне позволено узнать цену?

Ахмет промолчал, соблюдая правила приличий. Вместо него заговорил мулла с какой-то особой гордостью:

- Раньше, когда Ахмет лишь начал заниматься разведением лошадей, жеребят у него можно было купить по любой цене. Но теперь среди коневодов в этих горах нет никого, кто мог бы сравниться с Ахметом с Кубани. Здесь лучшие лошади во всей Чечне... Однако, прежде чем говорить о цене, может быть, вновь взглянем на его родителя?

- Конечно, если это несложно устроить.

- Совсем несложно. Сейчас я выведу его, - сказал Ахмет, направляясь в конюшню.

Раджаб повернулся к мулле и сказал, как бы по секрету:

- Я хотел бы. купить еще двух кобылок, кроме жеребца. Надеюсь, ты поможешь мне договориться, друг мой.

Мулла улыбнулся и крикнул Ахмету:

- Ахмет, сегодня вечером я жду вас с Мурадом к себе на ужин в честь моего дорогого гостя Раджаба...

Ахмет обернулся и кивнул, улыбаясь. Он был доволен. Мулла сделает все возможное, чтобы поддержать его начинание. Ужин превратится в отличный праздник. Мулла был человеком мало общительным, поэтому приглашение к его столу было очень почетно для любого нового жителя деревни.

Цема подала им освежающие напитки в небольших стеклянных стаканчиках, отделанных серебром, на подносе филигранной работы. Позабывшись о гостях, она направилась к пленнику.

Только сейчас он почувствовал, как сильно его мучат жажда и голод.

Он ожидал увидеть в ее манерах, в ее поведении какие-то дикие повадки. Однако Васильчиков сразу отметил, как свободно и непринужденно она двигалась со своим немаленьким животом, это обычное дело для примитивных народов. Если ее приодеть, она будет даже красавицей, Васильчиков учтиво поклонился и пробормотал благодарность по-польски. Цема внимательно взглянула на него.

- Ты хотел бы что-нибудь поесть? - Она помогла себе жестами. Васильчиков благодарно кивнул.

- Поесть. Да. Спасибо, пани.

Через несколько минут один из мальчиков притащил ему миску с кукурузной кашей. К удивлению князя и пища, и питье были вкусно приготовлены и поданы в красивой посуде. Каша не отдавала прогорклым маслом или гнилым зерном. Подкрепляясь, Васильчиков наблюдал, как горцы беседуют, стоя у лошадей, и вновь удивился тому, как схожи их мимика и жесты с теми, что можно наблюдать на рынке в Петербурге, у рядов с живностью.

Жеребчик был очень хорош. Этот говорящий по-русски покупатель был тонким знатоком лошадей, судя по тому, как он осматривал его. Но самое поразительное заключалось в том, что этот замечательный арабский скакун появился на свет в хозяйстве какого-то Ахмета... Васильчиков даже слегка присвистнул. Этот Ахмет был большим мастером разводить коней, ничего не скажешь. Лучше этого жеребчика Васильчиков еще не видывал коня. Два жеребца, отец и сын, заржали и воинственно поднялись на дыбы. Чеченец умело развел их по сторонам.

- Машаллах! Машаллах! - бормотали гости довольно, а потом мулла обошел вокруг жеребца, поднимая руки в благословляющем жесте, ограждая его от сглаза и всяких напастей. Сама по себе эта сцена произвела на князя большое впечатление. Ярко расцвеченный золотым и красным наряд дагестанского купца, простая черно-белая одежда муллы и сочная голубизна черкески хозяина-коневода - все это великолепно смотрелось в лучах ослепительного горного солнца. У горцев были поджарые атлетические тела людей, привыкших к суровым, но отнюдь не примитивным условиям жизни.

Князь Василий вспомнил своих страдающих подагрой знакомых в столичных салонах, и у него невольно стали напрашиваться некоторые романтические сравнения. Однако он тут же вернулся к реальности, отдавая себе отчет в том что в его положении невозможно испытывать зависть или симпатии к этим людям, ведь это разбойники и убийцы без всяких принципов и морали. Васильчиков решил, что эта вспышка симпатии порождена страхом: он был их пленником, их власть над ним невольно заставила его восхищаться ими. В любой момент они могли косо глянуть на него и решить прикончить на месте... Пленник пытался с привычных позиций разума оценить собственное ощущения.

Между тем Раджаб любовался царственной осанкой, своей бывшей собственности.

- Да славится Аллах! Какой чудесный конь! Он так возмужал... и стал много лучше, чем я ожидал. Полностью оправдывает свою родословную. Ты, Ахмет, должен помнить, что & твоих руках почти полное подобие аравийского Саглаии. Тебя можно поздравить, мой друг. Обычно они бывают серой или белой масти. Но черная - большая редкость. И большая ценность.

Ахмет поднял свой кубок и пожелал дагестанцу всех благ, выразив признательность за его слова. Ах, если б отец мог видеть его сейчас... Ахмет - умелый воин, признанный коневод и будущий отец Он стал как раз таким, каким хотел видеть его родитель. Однако близких нет рядом и ему придется самому гордиться собой, не ожидая похвал от кровного родственника. Ахмет молча помолился, чтоб души его родителей блаженствовали на небесах, покинув свои замерзшие сплетенные тела.

Мулла и Раджаб вернулись к своим лошадям.

- До вечера, Ахмет. Можете захватить с собой женщин. Да, еще одно... Он низко нагнулся в седле. - Этот заложник, скорее всего, русский шпион, а не польский дезертир, как он заявляет. Заставь его работать как следует, но корми хорошо. Позже он мне понадобится.

Ахмет почтительно поклонился, и гости тронулись в обратный путь. Затем он повернулся и посмотрел на заложника более внимательно. В его глазах Ахмет прочитал вызов и страх одновременно. Ахмет подошел к ограде, где сидел Васильчиков.

Меня зовут Ахмет. А тебя?

Тадеуш.

Тадеуш? Хорошо. Вставай, Тадеуш, и следуй за мной.

Ахмет повел его в конюшню, где и храпел крупный жеребец. Машинально Васильчиков поднял руку и принялся что-то приговаривать по-русски, чтобы успокоить разбушевавшегося коня, как он сделал бы в своей богатой конюшне в России. Потом вдруг опомнился и начал более громко болтать по-польски всякую всячину.

Теперь Ахмет отчетливо различал шипящие звуки речи гяуров, однако он совершенно не был способен отличить польский язык от русского.

- Выведи его. Привяжи вот здесь и вычисти денник. То же самое сделаешь у остальных, -коротко приказал Ахмет, вручая князю метлу и указывая на кучи навоза.

Васильчиков не был простаком и сразу понял, какой реакции от него ждали. На лице его изобразился ужас.

Ньет! Ньет! - начал протестовать он. - Солдатский пленник не есть раб...

Если не будешь отрабатывать еду, станешь голодать. Ахмет очень наглядно объяснил ему это с помощью жестов.

Васильчиков решил подчиниться. Рассудок подсказал, что если он будет послушен, его оставят в покое и он сможет раздобыть весьма полезные Сведения. Эх, если бы еще все его существо не протестовало против самой мысли о черной работе, столь унижительной для него.

Он видел, как мальчик-слуга повел еще одну лошадь в дальний угол конюшни. Надо будет пообщаться с ним, он может научить хотя бы нескольким необходимым чеченским

словам. В любом случае это заточение временно. Без сомнения, Иванов скоро явится сюда с оружием, и весь этот кошмарный спектакль прекратится.

Вздыхнув, князь Василий взял в руки метлу и принялся за работу. Время от времени Ахмет проходил мимо, проверяя не сбежал ли заложник.

К вечеру все тело князя ныло и требовало отдыха, спина разламывалась, а ноги подкашивались даже тогда, когда он просто стоял. Никогда еще он не изнурял себя так физически, он опасался, что может заболеть, от переутомления.

На закате Цема принесла Васильчикову еду: он не ел с утра, когда его накормили кукурузной кашей. Пленник бросил совок, и, почувствовав слабость в коленях, опустился на землю. Цема ничего не стала говорить, осторожно поставила поднос с едой и фруктовым соком недалеко от него и удалилась.

Васильчиков запустил пальцы в котелок, не обращая внимания на то, что они были перепачканы навозом. Откуда-то издали раздались призывные звуки и монотонное пение. Он догадался, что наступило время вечерней молитвы. На некотором расстоянии от него мужчины собирались под раскидистым грабом. Князь Василий опустошил котелок с отварной кукурузой и мясом, выпил сок и растянулся прямо на земле, не заботясь об одежде. Он не мог припомнить, когда еще еда доставляла ему столько удовольствия. Измученный, Васильчиков мгновенно заснул. Позже, когда совсем стемнело, к нему подошел мальчик-слуга и с опаской подергал за рукав. Князь вздрогнул и проснулся. Мальчик что-то пробормотал и дернул снова. Кряхтя при каждом движении, Васильчиков поднялся и последовал за своим провожатым в помещение для работников.

У него уже была, привычка засыпать под открытым небом. Это началось во время их совместного путешествия с Ивановым и Хашимом. Он должен был спать рядом с другими людьми, храпящими, сопящими, а то и пускающими газы во сне. Но то была просто экспедиция, где он был полноправным участником, мог защищаться и пользоваться должным уважением своих спутников. Здесь же ему кидали циновку в угол и никто не обращал на него внимания.

Однако сильнее, чем тяжкий труд, сильнее, чем страх смерти, князя тяготили отверженность и несправедливость. Порой ярость и негодование вскипали в нем с такой силой, что он едва сдерживался, чтобы не сбросить Личину и не закричать во весь голос, требуя горячей воды, чистого белья и особого помещения. Его прошлое, романтические грезы о Чечне были смыты волной гнева человека, который перестал быть личностью и стал вещью, эти люди так сильно отличались от него. В них не было ничего от цивилизации, это просто какой-то рой насекомых. Васильчиков поглядел вокруг. Кроме него в комнате были еще семеро мужчин и подростков - все смуглые, узколикие. Они крепко спали, и в лунном свете видны были шрамы на их теле, узловатые пальцы, черные провалы приоткрытых ртов. Такими они казались еще страшнее. Одежда их издавала тяжелый запах. У мальчишек слюна бежала изо рта. Какой-то старик, видно сильно простуженный, хрипло кашлял. Время от времени у кого-нибудь пробегала по телу судорога, как бывало у его охотничьих собак в усадьбе. Кстати, туда князь жаловал не слишком часто: очень уж раздражала его тупость тамошних крестьян - Эти люди вот так, день за днем, будут заниматься лошадьми, роясь в навозе, равнодушно жевать пищу, редко переговариваясь между собой и уж совсем не обладая способностью мыслить. Животное прозябание... и вот он сам теперь опустился до подобного существования.

Бежать было совершенно невыносимо. Они устроят охоту на него и подстрелят через несколько часов, если, конечно, дикие звери не растерзают еще раньше. Васильчиков решил ждать. Но что если Иванов не вернется за ним? Князь впал в глубокое уныние, не надеясь уже на то, что бывшие спутники появятся тут, чтобы спасти его. Жить здесь рабом было еще страшнее, чем умереть.

* * * * *

В то самое время, когда князь Василий ожидал неминуемой смерти, Иванов с Хашимом остановились на ночлег в предгорьях и ломали голову над собственными бедами. Они довольно благополучно добрались до этого места, утром собирались определить путь на станицу. Но тут возникали некоторые трудности. Когда они уезжали, было решено, что Иванову не следует брать с собой каких-либо отличительных знаков или документов на случай, если его тело или вещи попадут в руки противника. Ему сообщили лишь пароль для русских военных подразделений, если таковые встретятся на их пути. Он надеялся, что Им с Хашимом удастся благополучно въехать в станицу, не получив при этом пулю благодаря их экзотическому маскараду.

- Может быть, Хашим, нам надо поискать где-нибудь казачий патруль, я объясню им, кто мы такие, и потом их офицер обеспечит нам надежное сопровождение...

Эта беседа происходила в чаще леса недалеко от долины реки Сунжи. Два дня они почти ничего не ели, потеряли много сил и были неразговорчивы.

- У нас нет ружей, буркнул Хашим. Иванов закусил губу. Собственно, у них было два кинжала да добрый кусок веревки, соединяющий их.

- Надо попробовать. Это наш единственный выход. Нужно известить Суворова о том, что шейх Мансур готовит новую лобовую атаку на Кизляр. Потом, там еще князь Васильчиков...

Хашим фыркнул. Он мало верил, что князь сможет выжить будучи заложником у чеченцев.

Они дали неделю, чтоб доставить оружие. Потом они его убьют.

Я помню, не забыл, - раздраженно ответил Иванов. - Мы должны сделать все, чтобы этого не случилось.

Им, можно сказать, повезло. В связи с подготовкой крупного наступления на Кизляр всех дозорных чеченцы сняли с горных постов и послали вниз, на равнину. Поэтому Иванову с Хашимом почти не грозила опасность нарваться на другой чеченский отряд. Но это означало, что им придется углубляться дальше в предгорья, прежде чем они встретят казачий разъезд.

Рано утром следующего дня двинулись по узкой тропе вниз и тут вдруг услышали характерные звуки - это двигалась колонна казачьих войск. Лошади тащили по камням полевую пушку. Этот звук не спутаешь ни с чем. Вскоре они разглядели и саму колонну, растянувшуюся по соседней тропе всего лишь за полверсты от них.

Это не про нас, - мрачно сказал Хашим.

Перед ними должен быть дозорный отряд или разъезд, - уверенно заявил Иванов. Он лучше карачаевца знал военные правила. Обгоняя колонну, они примерно с час мчались вперед и вот, наконец, выехали на тропу, на которой вот-вот должны будут показаться дозорные. Они спрятались в кустах на обочине. Очень скоро и впрямь показались два всадника, направляющиеся в их сторону.

- Давай-ка попробуем, - сказал Иванов не очень уверенным голосом.

Как только всадники поравнялись с ними, они выскочили из кустов перед оторопевшими казаками. Хашиму удалось стащить с лошади того, что был ближе, и они оба покатались на землю. Карачаевец оказался наверху, занеся над «жертвой» свой внушительный кама. Второй казак сумел ускользнуть от Иванова, и теперь он разворачивался, выхватив ружье и готовясь стрелять.

- Не стреляй! - закричал по-русски Иванов. - Я - посланник императорской армии! Адъютант Иванов из штаба генерала Комарова!

Казак, совсем молодой и, видно, отчаянный, продолжал держать ружье наготове. Он видел, что у нападавших не было огнестрельного оружия.

- Хорошо придумано! Брось кинжал. Скажи своему кунаку, чтоб отпустил солдата. Я пристрелю вас обоих, если у него на шее будет хоть царапина!

- Если не поможешь нам, пойдешь под трибунал! У меня очень ценные сведения. Немедленно доставь меня к старшему офицеру.

Иванов стоял прямо и говорил уверенно. Глаза его горели. Казак немного замялся, затем Выстрелил вверх.

- Стой, где стоишь, любезный. Сейчас подъедет патруль. Расскажешь им свои сказки.

Четыре человека замерли в молчании. Иванов с напряжением прислушивался, ожидая патруля.. Хашим взмок. Его положение личного слуги Комарова не могло служить надежной защитой в этой ситуации, и он больше рисковал жизнью, ожидая опасности со стороны обеих воюющих сторон. Он невысоко ценил князя Василия, которого считал слабым и никчемным, и лишь подчиняясь воле своего хозяина - генерала Комарова, сопровождал его человека в этой поездке, но вот понятие о долге было у него весьма расплывчатым.

Издалека донесся ровный топот - приближался патруль. И тут откуда-то слева Иванов расслышал шум какого-то другого скачущего отряда, числом явно меньше казачьего, но двигавшегося быстрее. В панике он стал всматриваться в кусты по обеим сторонам от дороги, ожидая увидеть второй патруль. Внезапно он понял, что происходит: чеченцы устроили засаду на колонну.

- Слезай! - заорал Иванов казаку, что возвышался над ним в седле с гордым видом, но град пуль заглушил его голос. Он был тут же поражен свинцом и упал навзничь, из фуди хлестала кровь. Бормоча молитвы, Хашим упал на Иванова, прикрывая его собой. Как только завеса пыли вокруг них сгустилась, он оттащил раненного адъютанта в канаву около дороги, сам лег сверху и затих. Патрульный рванулся вперед, чтобы поднять своего товарища, однако атакующие действовали весьма проворно. Как только казак вытянул вперед руку, два горца мелькнули перед ним и один молниеносным движением отсек ее. Следующий удар сабли пришелся по шее тому, кто лежал на земле. С глубокой раной он повалился назад и захрипел. Одна из пуль отколошила от скалы и заставила его замолчать.

Еще один горец проехал мимо, заметив Хашима, лежащего в канаве.

- Я возьму винтовки, ты бери лошадей! - крикнул он. Хашим был ошеломлен, но тут же сообразил, что его приняли за своего. Посмотрел на Иванова. Никаких надежд. Адъютант был уже мертв или находился при смерти. Карачаевец выбрался из канавы, схватил поводья казачьих лошадей и быстро ретировался.

* * * * *

Чудесен летний рассвет в горах... Ахмет поднялся еще час назад, едва посветлело небо, задолго до восхода солнца. Проверив надежность своей кольчуги и забив патронами газыри на черкеске, он принялся смотреть на "бледный золотистый диск .солнца, медленно встающий над высочайшим горным хребтом. Солнце не слепило, не испускало палящего зноя, а поднималось величественно, как огромный щит. По мере того, как свет его усиливался, менялись ; цвета всего ландшафта долины - лугов, деревьев, окружающих построек. Его дом никогда еще не 'выглядел таким мирным, родным и дорогим, стоило за него сражаться, как сейчас. Его выхолненные лошади стояли в конюшне, дети Мурада крепко спали... Это был роковой день для Кизляра, день последний решительной схватки, день великой мести, о которой так пламенно говорил шейх Майсур.

В дом стали проникать звуки, говорившие о том, что из соседних селений подъезжают мужчины, собираются, готовясь к выступлению. Цема приветливо встретит их, подаст большие деревянные кружки с молоком, а потом проводит добрым напутствием. Ахмет вышел из дома в . поисках Мурада и наткнулся на собственную жену. Она улыбнулась ему своей нежной мудрой улыбкой. У них уже было время попрощаться, и он лишь слегка коснулся пальцами полоски голубого шёлка, обмотанного вокруг шеи

под бешметом. Цема вновь улыбнулась. Недавно она отрезала от : - Своего свадебного наряда две полоски ткани, чтобы сделать эти талисманы, которые должны принести удачу. Один из них Ахмет повязал себе на шею, второй же Мурад обещал передать ее брату перед отъездом.

Ахмет направился к конюшням, чтобы вывести свою лошадь и проверить на месте ли заложник. Зайдя туда, он увидел, как тот числит его оседланную кобылу. Случайно глянув на его руки, Ахмет заметил, что все они были в кровотокающих ранах и ссадинах.

- Я уезжаю на время. Ты тут работай на совесть. Слушайся управляющего. Понял?

Заложник понял.

- Да! Да! пробормотал он, кивая головой. Потом Ахмет сделал неожиданную вещь: взял

руки Васильчикова и повернул юс ладонями вверх. Обе ладони были покрыты лопающимися багровыми волдырями. Секунду Ахмет помолчал, потом сказал что то одному из своих слуг. Он посмотрел князю Василию прямо в глаза с таким видом, будто по руке его прочитал разгадку какой-то страшной тайны.

Князь Василий, конечно, догадался в чем дело. Ведь у него были нежные руки человека, который до згой недели никогда в жизни не занимался тяжелой работой. Польский дезертир не мог бы иметь таких рук. Единственное, что ему оставалось, так это не отводить взгляда и, набравшись наглости, играть свою роль до конца.

Ахмет улыбнулся. Это была едва заметная улыбка, но нервы князя Василия были так напряжены, что он не сдержался и ухмыльнулся в ответ. Одному Богу известно, что может произойти с человеком, отправляющимся на смертельную схватку с могущественной Кубанской армией ^Фельдмаршала Суворова. Что означала эта мимолетная улыбка, которой обменялись враги, не имеющие возможности обменяться словами? Именно сейчас, когда оба они, может вскоре встретят смерть?

Ахмет думал в сущности о том же самом, и именно плачевное положение этого заложника заставило его смягчиться.

Подошел слуга и подал Ахмету котелок с какой-то неприятной на вид мазью. Ахмет размешал содержимое и обильно смазал каждую руку князя Василия, затем согнул пальцы над снадобьем и знаками пояснил, чтобы тот еще раз приложил его вместе с повязкой перед сном.

Васильчиков был так удручен событиями последних дней, что готов был разрыдаться. Такого с ним не случалось уже много лет. Ахмет ушел, а князь Василий присел под стенкой конюшни, с трудом сдерживая слезы боли, досады и какого-то странного ощущения собственной незначительности, что было для него непривычным.

Добровольцы собирались возле загона для скота, сгорая от нетерпения выступить в поход на Кизляр. День возмездия наступил. Многие из мужчин еще не сняли повязки с ран, полученных у Каргинска. Было и немало выдавших виды ветеранов былых сражений, которые уже не думали вновь браться за оружие, однако, потеряв братьев или сыновей в недавней битве, решились на этот шаг.

Ахмет знал, что Мурада пригласили на совещание к мулле и Хамзету для уточнения последних деталей перед выступлением. Время шло, росло волнение среди людей. Ахмет посчитал присутствующих. Вышло сорок восемь человек, включая его самого и Мурада, который пока не появился.

Наконец, Мурад выехал из-за скалы, которая, как щитом, прикрывала вход в поселок. Он быстро приблизился к Ахмету, едва не наехав на него и низко нагнулся, чтобы сообщить, видимо, что-то важное. Сзади на почтительном расстоянии следовали три чеченца из деревни, где жил мulla, среди них был Эльдар.

- Плохие новости. Мне надо поговорить с людьми..., - выдохнул Мурад.

Он повернулся к толпе, притихшей в ожидании:

- Я только что от мullы. Два наиба приехали с поручением от Имама Мансура, чтобы сопровождать отряд из нашей деревни. Произошли изменения, они касаются всех

нас. Отряд Хамзета пойдет вместе с основными силами Имама на Кизляр. Все уже согласилось с этим решением.

Цема от неожиданности выпустила из рук большой кувшин молока, и он разбился, ударившись о камень. Белое пятно стало расползаться по изумрудной луговой траве.

Мужчины начали бурно обсуждать это известие, ведь все они считали, что должны будут действовать как самостоятельный, хотя и вспомогательный отряд.

Между тем Мурад продолжал твердым голосом:

- Мулла предлагает каждому из вас сделать выбор: идти с Хамзетом на Кизляр или присоединиться ко мне с Ахметом и участвовать в налетах отдельно.

Затем он указал на трех почтенного возраста мужчин, приехавших вместе с ним:

- Эти люди прибыли, чтобы узнать о вашем решении. Вы - свободный народ и беззаветно преданы родине, в этом никто не усомнится, какой бы выбор вы ни сделали,

Ахмет был потрясен. Он не выдержит повторения резни под Каргинском. Нагнулся, сделав вид, что поправляет снаряжение. Сейчас бы он не смог подойти к Цеме и утешить ее, так как был не в силах скрыть свои истинные чувства, а ему не хотелось, чтобы она испытывала такую же боль. Ахмет видел, как она поспешно ушла в дом и затворила за собой дверь - чтобы ничего больше не слышать.

Ати, самый старший в группе, оглядел окружающих:

- Ты водил нас во многие походы, Мурад. Мы полностью доверяем тебе и желаем остаться в твоём отряде. Я говорю от имени всех, кто здесь есть. Прав я или нет?

Воины дружно выразили согласие. Эльдар и его спутники кивнули в знак того, что поняли их выбор.

- Да поможет вам Аллах, братья! – громко воскликнул Эльдар своим зычным голосом. - Удачного дня тебе, Ахмет с Кубани, и тебе, Хапца!

Всадники развернулись и помчались назад, чтобы сообщить мулле о принятом решении,

Ахмет все смотрел им вслед.

- Что там произошло? Почему все изменилось? - спросил он у Мурада.

Мурад сокрушенно покачал головой:

- Приехали эти наибы со специальным посланием от шейха - и мулла не устоял. Я знаю, что он согласился неохотно... Правильно ли мы поступаем вообще? Может быть, следует присоединиться к Хамзету?

Ахмет на этот раз был тверд:

- Ну уж нет! Я уверен, что мы все правильно делаем! Не надо ни в чем себя винить, и другие не обвинят тебя, что бы не случилось. Мы дали людям возможность свободного выбора. Большого Мы не могли сделать! Сами по себе мы перебьем казаков не меньше, а, может, и больше... Нечего терять время, пора выступать.

Ахмет не оглянулся даже на свой дом. Он звал, что дверь его не откроется, пока поселок не опустеет. Лишь после этого Цема выйдет и возьмется за свою будничную домашнюю работу, будто это самый обычный день, будто вовсе не ее муж и брат только что уехали на кровавую сечу:

За всем происходящим Васильчиков наблюдал из конюший. Он не мог уловить подробностей, Однако понял, что готовится крупный поход на Кизляр. Всю прошлую неделю он внимательно прислушивался к тому, о чем болтали между собой другие работники, и, благодаря своей способности к языкам, уразумел, что у Ахмета с Мурадом есть какой-то свой план. Но он так и не мог понять, какой именно.

Князь допускал, что это будет толковый, продуманный план. Оба они были людьми неглупыми и отважными. Чувство растерянности и страха постепенно покидало князя Василия. К нему хорошо относились, недурно кормили, если он хорошо работал. В то утро Васильчиков видел, как люди вставали на колени возле лошадей и молились. Он был восхищен такой самоотверженностью и решимостью защищать свою землю, не щадя живота своего... Потом они вскочили в седла и помчались прочь. Выглядело это

великолепно. Впереди скакал Ахмет, и на шее у него развевалась полоска голубого шелка. Кто-то издал громкий боевой клич, и князя Василия будто молнией пронзило. Его нервы были натянуты, как струна. До сих пор ни что еще не впечатляло его так сильно. Он испытывал зависть к этим людям, стоящим на грани жизни и смерти, но готовым отдать жизнь за свободу.

Слуги и жены воинов дружно махали вслед удаляющемуся отряду, пока он не скрылся из глаз.

Дверь дома Ахмета открылась, и Василий увидел, как вышла Цема. Она направилась к тому месту, где разбился кувшин с молоком. Подошла, остановилась, намереваясь, видимо, собрать черенки. И тут вдруг Цема заплакала. Василий почувствовал, как что-то шевельнулось внутри. На него произвели сильное впечатление выдержка и сдержанность этой горянки, ее умение скрывать свои чувства. И еще князь жалел эту женщину. Раньше он бы не поверил, что способен на такое.

* * * * *

О генерале Комарове могли болтать разное, но вряд ли кто-нибудь посмел бы отрицать его способность мыслить быстро и здраво. Если бы не его предприимчивость, полковнику Пьери не удалось бы столь тщательно подготовиться к обороне Кизляра. Пьери вынужден был признать, что Комаров весьма тонко разбирается в политике и чувствует себя как рыба в воде в предложенных обстоятельствах - не то что его начальство. Указания ему шли прямо от фельдмаршала Суворова, однако он знал, что все эти решения приняты не без влияния Комарова. Он также хорошо знал о причинах по которым Суворов, давал ему шанс продвинуться по службе. Не единожды Пьери горько пожалел о своих неосторожных репликах в адрес Суворова, которые он позволял себе когда-то в Астраханском гарнизоне, но он был приятно удивлен отсутствием у Суворова злобной мстительности сейчас, когда тот принял командование. Пьери дали не одну, а две возможности искупить грехи. На этот раз шейх Мансур не ускользнет от него. Конечно, нелепо слать донесения Суворову в Екатеринодар, а не Комарову, находящемуся непосредственно на Линии, однако Пьери еще докажет свою благодарность Александру Васильевичу, когда захватит, наконец, неистового Мансура живым или мертвым. Пьери надеялся, что это поможет получить генерал-бригадира, а то, гляди, и место Комарова.

Пьери, проехав верхом вдоль оборонительных сооружений Кизляра, придирчиво следя за ходом подготовительных работ, - за них он лично отвечал. Пушки на равном расстоянии устанавливали вдоль крепостных стен, и при каждой состоял наряд бомбардиров. Самые умелые артиллеристы находились впереди, возле бойниц, за ними стояли сменные и заряжающие. Полковник тщательно осмотрел арсенал и решил, что боеприпасов вполне хватит на день активного боя. Вечером же, полагал он, кавалерия сможет успешно выполнить свою задачу - смести с равнины всех оставшихся там противников, у которых достанет еще глупости сопротивляться. Специальный казачий отряд должен будет окружить шейха и отрезать ему все пути к отступлению. План выглядел весьма привлекательно.

Физически полковник Пьери не выглядел столь внушительно, как генерал Комаров. Где-то в дебрях его незнатного и потому мало изученного рода маячил итальянец, женившийся на русской. В результате Пьери унаследовал довольно субтильное телосложение южанина, черные горящие глаза и болтливый язык. Время шло. Недолго отсидев в Астраханском гарнизоне в компании Суворова, он вдруг сделал блистательную карьеру. Над ним уже не подшучивали: Пьери откровенно выражал свою ненависть: к французам особенно, а заодно и ко всем без разбору нациям, проживающим к югу, западу или востоку от русских границ. Это был классический пример того, как человек старается стать своим на чужой земле, яростно защищая ее обычаи и интересы. И вот настал его звездный час. Еще один шаг - и в высших военных кругах он получит заслуженное признание. Битва при Кизляре сделает ему имя.

К заветной цели Пьери шел напролом, не останавливаясь ни перед чем. Неистовое честолюбие утраивало его энергию, Кизляр - это только начало. Кавказская кампания открывала широкие просторы для личного выдвижения. Он ехал вдоль укрепления, томясь от внутреннего напряжения, словно зверь в клетке. Кровь так и бурлила в жилах, а ум обострился, как это случается в критические моменты жизни. Белоснежной перчаткой Пьери провел по своим черным шелко вдетым усам: он знал, что его вряд ли считают красавцем, однако старался выглядеть всегда безупречно аккуратным и подтянутым офицером. Тем не менее, он был щеголем более в собственном воображении, чем в реальности.

Все пребывающие подразделения Пьери заводил внутрь кизлярских укреплений, тем самым заставляя горцев как можно ближе подходит к крепости. Это было непростым делом. Все уже прибыли, кроме отряда черноморских казаков, от которых не было никаких вестей. Это очень тревожило Пьери. До этого они располагались лагерем на окраине Каргинских лесов. «Какого черта они задерживаются?» - сердито буркнул он, направляясь к северной крепостной стене.

Отсюда было видно, как внизу, на улицах города-крепости, бессмысленно толкутся эти веч но мешающие обыватели. Они были напуганы и осыпали проклятьями горцев, крупные силы которых уже скопились на равнине перед Каргинском, и их можно было различить даже издалека. Пьери презирал местных горожан. И то сказать: в мирное время все они с охотой яшались с горцами, но как только надвинулась тень войны, с такой же охотой примчались к русским искать защиты.

Пьери собрал офицеров в штабе для последних распоряжений накануне баталии. Трудно было предположить, когда горцы могут начать атаковать.

- Сначала пусть артиллеристы поработают. Я не допущу никаких нарушений нашего плана, - говорил Пьери. - Затем пустим густо кавалерию, она и докончит дело. Есть ли в крепостных стенах слабые места?

Отозвался один из старших офицеров:

- Южная стена слишком тонка, Ваше превосходительство. Если чеченцы атакуют нас с двух сторон, я бы посоветовал выдвинуть туда шестую казачью роту.

Пьери одобрительно кивнул. Однако капитан, высказавший свое мнение в двух словах, был явно намерен продолжать. Пьери принадлежал к тому типу командиров, которые поощряют инициативу своих подчиненных, умеют разжечь в них честолюбие. Он знал, когда нужно управлять самому, а когда передавать бразды другому. Его уважали, боялись, и, следовательно, он держался несколько особняком.

-Что еще? Продолжайте, капитан.

- Еще одно соображение. Каргинскому отряду может не хватить времени для полного отхода без поддержки. Может быть, следует послать кавалерийскую группу для прикрытия?

Полковник Пьери на секунду задумался, его глаза потемнели, он весь погрузился в размышления. Главным в поступивших от Суворова секретных данных было известие о том, что шейх собирается лично стоять во главе атакующих сил.

- Нет, думаю, не стоит, - заключил он. - Я не хочу, чтобы кавалерия в начале боя отходила слишком далеко. Пусть каждая лошадь будет и крепости наготове, чтобы вовремя окружить шейха. На этот раз он не должен ускользнуть.

Прекрасно, Ваше превосходительство, -удовлетворенно отозвался капитан.

В этот момент где-то" совсем рядом заиграл горн, его сильный и ясный звук наполнил штабную комнату. У каждого офицера кровь вскипала от этого звука: птица-слава бросала им свой клич.

Пьери начал энергично отдавать приказы, его голос звенел, как новый клинок:

- Укрепите южную стену. Наши пушки смотрят на восток, перетащите две из них на южную сторону. Проследите лично.

Офицеры начали расходиться. Снаружи, на ступеньках, ведущих к бойницам в стенах крепости, сидел на корточках карачаевец Хашим и наблюдал за солдатами, бегущими к своим боевым позициям. Он размышлял о неугомонных чеченцах, захвативших князя Васильчикова как заложника в обмен на ружья. Однако имея чеченцы хоть тысячу заложников и тысячу ружей, им не устоять против пушечных залпов, которые обрушатся вскоре с кизлярских стен на глупые головы непокорных. И он тоже внес свою лепту, хоть и малую в дело разгрома горцев, беспокоясь, разумеется, в первую очередь о себе.

Непросто понять Аллаха. Не зря священники говорят: не спрашивай у Него о воле Его...

* * * * *

Юный доброволец Лич старательно полз вперед на животе, чтобы посмотреть, что там их ждет. Он аж вспотел от напряжения и чувства ответственности за порученное дело. Он убежал из деревни и присоединился к группе Мурада. Хотя Куэр и не разрешил ему участвовать в бою, Мурад позволил мальчишке остаться и назначил лазутчиком - разведывать позиции казаков в лесу.

Мурад с Ахметом повели свой отряд в Каргинский лес и принялись за поиски лагерей противника. Без сомнения, там, за лесом, на равнине перед Кизляром, уже начался бой. Даже на расстоянии в несколько верст от крепости чувствовались верные признаки сражения: в небе не было ни одной птицы, и весь лес примолк, будто затаился.

Мурад и его люди, укрывшись, за холмом, с нетерпением ждали возвращения Лича. Иногда доносились глухие раскаты далекой канонады и многих стало одолевать чувство вины - почему они не на поле битвы.

Что-то долго его нет, - озабоченно произнес Ахмет. Мурад посмотрел на товарища с не меньшей обеспокоенностью. Видимо, не нужно было посылать мальчишку одного.

Подождем еще немного и отправим двух человек следом.

Не успел он договорить, как откуда ни возьмись появился запыхавшийся Лич, прокраившийся с ловкостью лисицы- Рукой он показывал в направлении дальнего конца леса.

- Они все там, на открытом месте! Вроде бы собираются передвинуть лагерь, или, может быть, отправляют куда-то отряд.

Мурад с сомнением выслушал его слова. Лич был, конечно, смышлен, но еще так юн.

- Объясни точнее. Они уже на конях? Готовы к походу?

Лич набрал побольше воздуха, собираясь с мыслями.

- Нет. Они бегают, собирают поклажу... Повозки уже готовы. Запрягают, седлают лошадей.

Мурад одобрительно кивнул:

- Молодец, парень.

- Подходящее время для атаки, - сказал Ахмет. - Как думаешь, Мурад?

Тот согласился.

- По коням!

Он обратился к отряду с краткой речью:

- Мы совершим быстрый набег на лагерь. Рубите казаков, которых достанете саблех. Прочешем лагерь насквозь - и сразу уходим в лес. Никаких остановок, никаких задержек! У нас одна задача - внести смятение в их ряды, сорвать планы. Они не ждут нас, поэтому мы должны налететь быстро и быстро исчезнуть, чтоб они не успели зарядить ружья. Ясно?. Никакой стрельбы, только сабли.

Мурад повернулся к Личу:

- Оставайся здесь. Куэр не разрешил брать тебя в бой, он очень рассердится, если узнает, что ты убежал с нами. Мы должны вернуть тебя домой целым и невредимым. Слышишь меня?

Лич кивнул. Ему хватило и того, что разрешили разок пошпионить. Сердце еще бешено стучало и колени подгибались от слабости.

. Чеченцы двинулись в путь молча. Лошади пофыркивали, осторожно ступая по склону. По мере приближения к лагерю они сами ускоряли шаг без напоминания шпорами, спешили, предчувствуя близкую схватку. Мурад уже отчетливо видел внизу лагерь противника. Описания Лича были абсолютно точны. Это будет стремительный и яростный налет. Чеченцы выхватили сабли и, как лавина, обрушились на русских со склона холма. Казаки были захвачены врасплох, единственное, что они успели расслышать, это нарастающий гул от топота множества неподкованных горских лошадей.

Сидя в чаще леса, Лич не слышал грохота боя. Он всюду напрягал слух, но лагерь был слишком далеко. Стояла мертвая тишина, но он знал, что эту тишину запомнит на всю жизнь.. Воображение рисовало ему ужасные сцены смерти, но Лич понимал, что налет был успешен, так как не донеслось ни одного выстрела. Эта тишина означала, что дрались на саблях: чеченцы пронесли по лагерю, рубя всех на своем пути. Лич сидел спокойно, ожидая, когда его соплеменники, обгаренные кровью врагов, вернутся на взмыленных лошадях.

Однако, прямо противоположное творилось у стен кизлярской крепости. Несмолкаемый грохот пушечных залпов оглушил воинов шейха Мансура. Уже не чувствуя страха, словно загипнотизированные градом огня со всех сторон, горцы все мчались и мчались вперед, накатывая волна за волной на укрепления русской твердыни. Они вздымались и падали.., будто мощной океанский вал чудовищной силой сбивал их с ног. Но они все катились и катились с неиссякаемой, энергией. Казалось, что армия Имама - это не отдельные люди, силы которых небезграничны, а единой живой организм, в котором воплотилась вся мощь отчаявшегося народа.

Полковник Пьери наблюдал за происходящим через отверстия бойниц:

- Они все лезут... несмотря на огненный вал. Поразительно.

Он поднес к глазам полевой бинокль.

- Это, должно быть шейх Маясур. Вон тот, на белом коне... Вы видите его, граф Бакунин?

Граф Бакунин, партнер адъютанта Иванова по карточному столу, был специально переведен со своим подразделением из Екатеринограда в Кизляр накануне битвы. Его впечатлял вид кровавой сечи, однако сам он был очень рад, что его оставили при штабе Пьери, а не бросили на линию огня. Вся долина, открывающаяся взору, являла собой сущий хаос.

Пьери нравилось окружать себя молодыми аристократами. Граф Бакунин был наделен той грациозностью и изящной непринужденностью манер, которым сам он втайне завидовал.

Бакунин поднял свою подзорную трубу. Земля была сплошь покрыта телами убитых и искалеченных людей, силуэты всадников вырисовывались вдали.

- О, да он почти у нас в кармане! - воскликнул Бакунин, будто наблюдал охоту на зверя. Пьери умиляло это ребяческое невежество своего подчиненного. Лишь он, опытный Пьери, мог читать поле боя, как книгу, и он знал, что шейха Мансура захватить будет отнюдь не просто. А необстрелянный воробей вроде этого самоуверенного графа не способен осознать масштабы этой резни. Ничего, он скоро постигнет эту науку...

Какой-то рядовой казак подбежал к ним, энергично отсалютовал, хотя на голове у него отсутствовала шапка и рукав кафтана был порван:

- Ваше превосходительство, прибыл от майора Кузнецова из Каргинска. Мы подверглись нападению конного отряда горцев и... майор сказал, что он задержится на несколько часов.

Пьери резко повернулся:

- Что?!

Граф Бакунин нахмурился:

- Говори точнее, солдат. Кто напал? Какими силами?

Посыльный начал сначала:

Большой отряд чеченских всадников атаковал нас, когда мы уже собирались выезжать сюда, к крепости. Они внезапно напали... Много убитых... Мне приказали ехать к Вам и доложить об этом, Ваше превосходительство.

Вас что, взяли в клещи? - в голосе Пьери звучали удивление и гнев. - Вас там окружили?

В ответ на сердитый вопрос полковника прозвучало:

- Не могу знать, Ваше превосходительство. Господин майор сказал лишь, что на закате он будет у северной стены.

Граф Бакунин раздражал Пьери своей бесцеремонностью.

- Кузнецов подождет дотемна, чтобы прикрыть отступление... Обычный маневр, - заключил он уверенным голосом.

Пьери был вне себя от гнева, тщетно пытаясь взять себя в руки:

- К черту -«обычный маневр»-! Он мне нужен здесь сейчас, а не после наступления темноты! Сражение закончится через пару часов, а у меня недостаточно кавалерии, чтобы завершить дело! Нельзя вновь упустить имама... Давай, Бакунин, скачи, и вели моим штабным офицерам садиться в седла. Нужно сделать все возможное.

Получив приказ, граф Бакунин резво сбежал вниз по ступеням и вскочил на коня.

Пьери, ехавший во главе колонны, громко крикнул:

- Передай приказ прекратить артиллерийский огонь через десять минут!

Он вытащил клинок и остановился, ожидая, пока откроют ворота крепости. Выехав наружу, указал саблей на Бакунина, желая, чтобы остальные офицеры услышали его шутку:

- Ставлю на недельное жалование, граф. Сегодня Вам посчастливится вытащить туза!

Красавчик Бакунин, искусственный в карточной игре, поднялся в стремях. Пьери заразил его жаждой победы.

- Именно так, Ваше превосходительство! Десятка или брошу все, уйду в монастырь!

Группа офицеров направилась к краю поля битвы. Лошадь Пьери шла немного впереди, прядая то влево то вправо, яростно грызя удила. В ней боролись разные инстинкты: бежать вперед, преследовать врага, но в то же время запах крови пугал ее.

Графа Бакунина также охватило внезапное смятение, ибо от земли поднимался резкий тяжелый запах - смесь запахов крови, лошадиного навоза, рвоты и пороха.

Тут вдруг Бакунин заметил молодого чеченца ' привлекательной наружности в окружении своих соратников. Он лихо рубил налево и направо

сверкающей на солнце саблей. Бакунину бросилось в глаза, что на шее у этого чеченца трепетал голубой шелковый платок, его черкеска была разодрана шрапнелью. Без сомнения, этот чеченский командир был ранен, но, тем не менее, он то и дело приподнимался в стремях и боевым криком призывал своих воинов вновь идти на смертельный приступ. Бакунин поднял ружье и начал целиться. В этот момент чеченец издал страшный боевой клич, от которого кровь стыла в жилах. Палец графа замер на спусковом крючке. Он прикрыл глаза и попытался заставить себя выстрелить.

Однако он не успел сделать этого по собственной воле. Как раз в этот момент прогремел последний пушечный выстрел, ядро просвистело у Бакунина над самой головой, и он самопроизвольно дернул пальцем. Ружье выстрелило, сильно отдав в плечо. Бакунин не удержался и упал с лошади. Потом поднялся, выругался, нашел свое оружие и вновь забрался в седло.

Чеченец, в которого он стрелял, куда-то исчез. Рядом зияла большая воронка. В ней, Баку нин и нашел его, неподвижного лежащего лицом вниз с неестественно вывернутыми конечностями. Подле лежала его лошадь, из развороченного бока у нее торчали сломанные ребра.

- Буду считать за двоих, - решил Бакунин, лихорадочно пристегивая штык. И порыве необычно сильного возбуждения он помчался вперед, чтобы прикончить еще одного чеченца, который был явно оглушен и ковылял к своей лошади. Бакутин с размаху всадил в него штык. Тот вскинул руки, вымолвив лишь одно слово «Хамзет!», и рухнув вниз, в воронку, прямо на тело своего, отважного командира.

Граф Бакунин мог быть доволен этой войной. Вскоре он вернется в свое поместье, прихватив оружие и боевые трофеи, развесит их на стенах самого большого зала и будет с красочными подробностями рассказывать гостям об этой дьявольской битве у Кизляра и о падении шейха Мансура.

Откуда знать ему, что, теща свое мелкое тщеславие, он поднял руку на одного из лучших сынов чеченского народа! Останься Хамзет жив, он стал бы славным главой своего рода, серьезным и умным, пылким и мужественным, искренним и справедливым - он никогда не позволил бы убить человека без серьезных оснований. Хамзет верил, что жизнь всякого человека священна, ибо сам Аллах создал его в единстве мысли и дела. Он чувствовал, что высшая сила руководит всем, что делает человек, и это восторгало его. Возможно, Аллах, любя Хамзета призвал его к себе, чтобы он не страдал, видя великое падение нравов и разрушение устоев, которые вскоре охватят весь Кавказ.

* * * * *

С наступлением темноты Мурад с Ахметом проводили взглядом остатки разгромленного казачьего отряда, что стоял под Каргинском. Казаки поспешно ретировались, растворяясь в ночи.

У чеченцев уже не было сил преследовать гяуров. Они уже атаковали их несчетное число раз. После каждой атаки чеченцы разворачивались, описав дугу, и нападали вновь.

Результаты такой тактики были налицо. Все повозки были поломаны, более двух третей живой силы противника оказалось перебито или полностью обезврежено. Было захвачено много оружия и боеприпасов.

Всю ночь отряд Мурада двигался стремительно, чтобы как можно дальше оказаться от Каргинска. Возможно» Мурад с Ахметом опасались, что победоносные русские войска, завершив баталию под Кизляром, начнут преследование, ибо они были уверены в полном разгроме армии имама. Они не говорили этого своим людям, но это было и не нужно. К полуночи лощины кавказских предгорий стали заполняться молчаливыми хмурыми всадниками - это были уцелевшие воины шейха Мансура. Многие из них немало дней потратили на дорогу, чтобы добраться до священного места сбора праведных сил. И вот минул день страшной разгромной битвы... Всю ночь они спешно отходили от Кизляра, были страшно измучены и смятены духом.

Обычно чеченцы, встречаясь на дороге, громко приветствуют друг друга, теперь же они опускали глаза и поплотнее закутывались в бурки. Под звуки страшного эха жестокой битвы оставшиеся в живых горцы возвращались по домам.

Мурад и Ахмет знали, что поступили правильно. Имам проиграл битву. Везде, где бы они не останавливались, чтобы помочь другим чеченцам, слышали от них одно и то же: «Знаете, ведь он ушел... Мы видели, как ему удалось скрыться. Шейх Мансур вне опасности, хвала Аллаху!»

Ахмету хотелось заткнуть себе уши, чтобы не слышать этого. «Хвала Аллаху!» Последний раз он произнес эти слова, когда узнал, что Цема беременна. Теперь же они воплощали неиссякаемое стремление к сопротивлению, и на душе его была свинцовая тяжесть. К вечеру следующего дня отряд Мурада встретил людей из армии Хамзета, они

отдыхали у горного ручья, возвращаясь домой. В жаркие летние дни горные речки особенно полноводны: тают снега и льды, покрывающие вершины. Раненные воины опускали лица в быстрые волны, пытаясь освежиться. Ахмет и Мурад спешили и направились, ведя лошадей под узды, к большому дереву, у которого отдыхал Эльдар, развалившись, словно огромный черный медведь. Вокруг него лежали Куэр, Арсби и Айдемир. Заметив среди подъезжающих мертвенно бледного Лича, который едва не спал, сидя в седле, Куэр вскочил на ноги. Одним движением он стащил мальчишку с лошади и перенес на лужайку с мягкой травой, как раз рядом с Эльдаром.

Эльдар провел рукой по волосам мальчика. У того было осунувшееся лицо, под глазами заплыли глубокие тени, кожа казалась прозрачной... Но он был жив.

Эльдар печально глянул на Мурада и Ахмета:

- Хамзет погиб.

Друзья были ошеломлены.

Эльдар смочил губы водой, чтобы было легче говорить.

- Его подкинуло и разорвало, будто на вулкане, у меня на глазах. Прямое попадание. Немного что осталось для похорон...

И тут произошло невиданное: глаза -Эльдара увлажнились, и слезы покатались по щекам.

Мурад повесил ружье на шею лошади и склонил голову. Он вдруг почувствовал, что не может шевельнуться от усталости, а, может быть, от прилива отчаяния? Подняв глаза, Мурад заметил, что Ахмет удаляется, его верная Кара послушно бредет следом.

- Ты куда?

- Поеду вперед. Мне нужно быть дома до того, как эта страшная весть дойдет до Цемы. Я должен быть рядом.

Мурад порывисто обнял друга:

- Храни тебя Аллах.

Ахмет горько улыбнулся, словно сомневаясь, есть ли вообще в этом мире Бог. Их глаза встретились на секунду, в них было страдание. Два кабардинца, живущие на чужбине в Чечне, горевали о чеченском воине.

Провожая взглядом Ахмета, Мурад услышал голос Эльдара:

- Случилось непоправимое. Нам нужно лучше делать такие дела. Иначе не останется ни одного чеченца, чтобы продолжать борьбу.

Мурад подумал, что это очень возможно. Он лег на землю возле нагретой солнцем скалы и заснул.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Князь Мисостов Сараби был человеком самоуверенным, но предусмотрительным. Оба эти качества ему были очень кстати; он являлся главой одного из процветающих адыгских племен Великой Кабарды, чьи владения охватывали благословенные зеленые долины, лежащие между Тереком к востоку и Кубанью к западу. Сараби очень гордился известностью и славой родных земель. Там текли реки, красота которых воспевалась в легендах - Малка, Баксан и Чегем. Они величаво несли свои воды через изобильные пастбища и плодородные поля от кавказских гор, окружающих богатырь Эльбрус, к самому могучему Тереку. В разгар весны, когда таяли снега на вершинах, в предгорьях появлялось бесчисленное множество ручейков, питающих реки. Это извечное обновление природы неизменно радовало сердце князя, ведь именно земля, напоенная водой, обеспечивала его народу достойную, сытую жизнь.

Между тем, это завидное положение заставляло его быть начеку. На протяжении столетий уже эта земля служит домом для адыгов из Великой Кабарды, но это не означает, что враги при случае не попытаются оспорить их право жить тут. Князь Сараби

знал, что кабардинцы пришли сюда с Кубани сотни лет назад и поселились в этих мирных долинах, чтобы заниматься исконным делом - земледелием и животноводством.

Легенды, слышанные им в детстве, рассказывали о свирепых великанах и джинах, населявших горы, образующие природную границу их земель на юге. Однако другие предания повествовали о жестоких битвах с ордами кочевников татаро - монголов, с племенами, населявшими негостеприимные степи, лежащие к северу.

Отец князя считал своим долгом рассказать сыну историю родной земли. Такие воспоминания позволяли ему, кабардинскому князю, как следует знать собственную родословную и впитать традиции своего народа. Однако главным уроком, который хорошо усвоил князь Сараби, было искусство компромисса. Потрясения и катаклизмы той далекой эпохи, когда кочевники и оседлое население долин жили в постоянном страхе, ожидая налетов и грабежей, стали меньше тревожить людей, когда русские князья начали добиваться союза с князьями кабардинскими. Не кто иной как «князь Всея Руси» Иван Васильевич, русский царь Иван IV, прозванный Грозным, в 16 веке женился на кабардинской княжне Марии, дочери Темрюка, и обратил ее в православную веру. На некоторое время наступило благодатное затишье, однако после смерти Ивана Грозного в Москве, кажется, забыли о далеких союзниках. Кабардинцы попали в зависимость от крымских ханов, обложивших их данью, и им пришлось вновь сражаться за свободу...

Постепенно российские властители распространили свое влияние на южные степи. Петр Великий основное внимание уделял Каспию и Азову. Во внешней политике России все отчетливее проступало стремление к покорению Кавказа. Наивысшей точки активности эта политика достигла при Екатерине II. Она подчинила себе Крым, превратив правивших там ханов в своих марионеток. Теперь же она занималась созданием укрепленной «оборонительной линии», защищающей южный предел ее владения. Впрочем, было очевидно, что Кубанская армия будет двигаться вперед, сметая все на своем пути... Все, что будет оказывать сопротивление. Однажды адыги попробовали это сделать. В 1779 году. Последствия были ужасны. Их земля стала плоской, как лепешка. Негде было спрятаться, некуда бежать, разве только в горы, но кабардинцы не были горным народом. Как смогли бы они ужиться с воинственными горцами, фанатичными чеченцами? С какой стати чеченцы уступят пришельцам свои земли, когда у тех предостаточно своих? Единственный выход - это компромисс.

Первые уроки дипломатии они получили, столкнувшись с завоевателями: «Если твой сосед могуществен, найди в себе силы и мудрость подружиться с ним или хотя бы наберись терпения для мирного соседства». Князь Сараби хорошо запомнил эти слова, не раз говоренные его отцом.

Таким образом Сараби и кое-кто из других кабардинских князей достигли соглашения с екатерининскими генералами. За право свободного передвижения по их землям русские обязались платить небольшую пошлину, а за кабардинцами оставили право носить оружие и сохранить традиционные формы правления, правда, с незначительными изменениями. Со своей стороны мисосты, как и некоторые другие племена, не совершали нападений на русские обозы. В крайних случаях споры решались обменом заложниками, которых называли аманат.

Для подтверждения своей преданности России они, как и другие кабардинские племена, были обязаны поставлять имперской Кавказской армии определенное количество самых умелых воинов. Некоторых кабардинских князей или их сыновей приглашали учиться в военных заведениях в России, и по окончании они получали соответствующее звание из рук самой императрицы.

До сего дня князь Сараби пытался относиться ко всему этому как к вынужденным мерам, необходимым для выживания. Молодые кабардинцы, попав в русскую армию, немало страдали от грубых и невежественных сержантов. Однако, по иронии судьбы, подобный опыт был скорее полезен самим мисостам. Кабардинцы, отслужившие в российской армии, возвращались домой яростными противниками русских, которых нена-

видели. Ни о каком сближении не могло быть и речи. Вместе с тем они понимали, что любое открытое неповиновение или вызов, брошенный России, приведет лишь к разрушению их зажиточных хозяйств, опустошению плодородных земель - ведь они расположены на самой границе с Россией, не имеющей естественной природной защиты. В таких условиях сотрудничество было гораздо выгоднее противостояния. Подобная политика требовала искусства дипломатии, и кабардинским князьям пришлось овладеть им. В результате они прославились как самые большие дипломаты на всем Кавказе.

Им было что терять. Многовековые занятия земледелием превратили их земли в самые плодородные на всем Кавказе. Там было много воды, хорошая почва, минералы, густые леса, тучные стада. Они жили мирно, имея полный достаток во всем. Однако по мере создания знаменитой российской Линии и они начали ощущать притеснения. Князю Сараби очень не хотелось, чтобы его или другие племена открыто конфликтовали с гяурами, однако это становилось уже неизбежным.

В один из последних дней августа князь Сараби, вождь мисостов, пригласил к себе всех знатных людей, уорков племени. Пока гости собирались в его роскошно убранном доме, хозяин внимательно рассматривал их. Нынешнее лето выдалось не из легких. Русские проходили через их территории гораздо чаще, чем раньше, направляясь к верхнему течению Терека, где лежали земли чеченцев. Кампания по «усмирению» горцев, как любил выражаться фельдмаршал Суворов, грозила перерасти в настоящую войну, которой не видно конца. Никто из кабардинских князей не хотел бы оказаться между воюющими сторонами - русскими и чеченцами. Князь Сараби не был исключением.

Проницательный взор Сараби остановился на группе оживленно беседующих мужчин. Все они были в богатых черкесках, кабардинских сапогах из мягчайшей кожи самой лучшей выделки. Держали они себя очень независимо, гордо, даже высокомерно. Многие из них по традиции перебирали четки, но выходило это у них как-то элегантно-небрежно, как у людей, более привычных к отвлеченным беседам, чем к самоотверженному газавату. Этим они сильно отличались от своих непримиримых воинственных соседей - чеченцев.

Сараби обвел взглядом доставшиеся ему в наследство ружья, кинжалы, кольчуги, шиты, седла... Все это богатство было любовно развешано по стенам, украшенным персидскими коврами. В комнате витали сладостные ароматы, которые издавали курильницы и разбрызганная повсюду розовая вода. Он был готов отдать все лишь бы его оружие всегда сверкало, а наряд был свежим и благоухающим, не запачканным кровью и не пропахшим конским потом. Впрочем, возможно, не все уорки придерживались такого же мнения.

- Я созвал вас на меджлис по очень важному поводу, - начал князь Сараби. - К нам поступили сведения о неожиданном союзе, между кабардинским князем и горными чеченцами. Все это может иметь для нас немалое значение. Поэтому я попросил бы вас внимательно выслушать то, о чем сейчас сообщат.

Он сделал знак молодому воину, ожидающему в дверях гостиной, и затем попросил одного из уорков:

- Давай его сюда, Ханаф.

Ханаф сказал что-то своему соплеменнику.

- Это Касай, родственник моей жены с реки Малка, представил юношу Ханаф. - По его словам, человек, которого он видел, является сыном князя Хацца, и что он уже несколько лет живет в горах и воюет на стороне чеченцев.

- Можно ли было определить, сколько кабардинцев было с этим человеком? - спросил один из пожилых уорков.

- Нет, это неизвестно, - ответил Ханаф. - Касай был с ним очень недолго.

Князь Сараби казался заинтересованным.

- Расскажи-ка нам, юный Касай, поточнее, как все это произошло. Ты был один, когда встретил того человека?

Касай внимательно слушал вопрос, пытаясь казаться бодрым, однако было заметно, что синяки и раны, полученные им в схватке с Мурадом, еще доставляют ему много неприятностей, а боль в ребрах дает себя знать при каждом резком движении. Это был симпатичный молоденький парнишка, невысокий, но ладно сложенный.

Да, мой князь. Мы столкнулись на поле боя, точнее в Каргинском лесу. Он сбил меня с лошади и мы дрались врукопашную. Когда он меня ранил, я, кажется... э-э-э... громко выругался по-адыгски... Он тут же отпрянул и начал разговаривать со мной.

«Громко выругался»... Хм! князь представил себе, какой поток непотребств выдал этот юнец в ту минуту. - Да, мы, мисосты, умеем высказаться как следует.

Присутствующие сдержанно рассмеялись.

Продолжай, - сказал князь Сараби, чтобы восстановить тишину.

Я сказал ему, что я кабардинец - мисост и что мы состоим на службе в Кавказской армии. Он назвал свое имя: Хапца Мурад. Он сказал, что он сын князя и живет с чеченцами.

- Он точно воевал на стороне чеченцев? - спросил другой уорк.

Да, конечно. Мы видели, как подошел большой отряд и они участвовали в сражении. Позже я узнал от товарищей, что в тот день именно они спасли шейха Мансура от плена.

Но ты не знаешь, были ли все в этом отряде также кабардинцами?

Нет... Я не знаю этого.

Уорки переглянулись между собой, обдумывая услышанное, однако все промолчали. Вновь заговорил князь:

- Что еще можешь вспомнить? Он не сказал, почему воюет на стороне горцев?

Перед тем, как ответить, Касай усиленно напряг память.

- Да... Он выразился непонятно. Он сказал, что находится там по тем же дурацким причинам, что и я... Но не растолковал, что это за причины.

Князь Сараби немного помолчал, размышляя над этими словами:

- Еще что?

- Больше ничего, князь. Он помог мне сесть на лошадь и отправил к нашим позициям.

Князь мягко улыбнулся, глядя на Касал. Он заметил, как уорк Ханаф с облегчением перевел дух, выслушав этот рассказ еще раз. Его губы слегка двигались: он шептал благодарственную молитву Аллаху, радуясь, что родственник его жены попал в руки благородного и разумного человека, Хапцы Мурада, а не ослепленного яростью чеченца.

- Спасибо, парень. Иди с миром, - сказал князь.

Касай поклонился и вышел из помещения. Тот пожилой уорк, что говорил первым, выразил, кажется, общее мнение:

- Такой Намис, такое поведение в разгар битвы, заслуживает самых высоких похвал в адрес Хапца. Я хорошо знаю его отца, его воспитание пошло впрок сыну. - Старик остановился, чтобы прочистить горло. Остальные уорки внимательно слушали. - Мне кажется, я знаю ответ на тот вопрос, что ты ставишь перед нами, мой князь. Этот Хапца Мурад несколько лет назад покинул Терек. Разное говорили про него, предполагали даже, что он погиб. Но я почему-то уверен, что, живя в горах, Мурад ни от кого не зависит. Если бы он действовал по указке чеченцев, мы бы услышали об этом раньше. Все же он - кабардинский князь, и все, что он делает, так или иначе сказывается на всех нас.

Старик замолчал. Все выжидательно смотрели на князя. После некоторой паузы он заговорил, обращаясь к уорку Хаиафу.

- Думаю, было бы неплохо, если бы вы с этим парнем отправились на Терек, к отцу этого Мурада. Возьмите с собой подарки в знак нашей признательности за то, что его сын вел себя в бою, как настоя!пий адыг. Мне кажется, Мурад живет там вполне самостоятельно. Если это действительно так, то старый князь будет очень рад услышать такую вест!ь. Ведь это не пустяк - вернуть отцу потерянного сына. Я уверен, что после этого они тут же пошлют людей, чтобы вернуть Мурада домой.

Князь сделал паузу, желая выслушать других, однако те молчали.

- Если же дело обстоит не так, как мы думаем, придется собрать Совет князей и серьезно обсудить опасное развитие событий. Это касается других кабардинских князей этих мест. Надеюсь, вы получите ответ на этот вопрос.

Ханаф поднялся и поклонился учтиво:

- Сделаю это с большим удовольствием. Сейчас же начну готовиться в путь.

Все единодушно поддержали князя Сараби. Уорки уважали его за то, что до сих пор ему удавалось удачно лавировать в общении с русскими и уберегать своих людей от разорения. Возможно, в голове князя зрел уже хитроумный план, и они были уверены в его успехе.

* * * * *

Ахмет очень волновался за Цему. Известие о смерти брата стало самой большой трагедией ее жизни. Положение осложнилось еще и тем, что невозможно было доставить домой его тело и похоронить по обряду. Тела других были вывезены, но Хамзет лежал слишком близко к стенам крепости.

Ночью Цема плакала на груди у Ахмета.

- Постарайся взять себя в руки, - шептал он ей. - Постарайся ради ребенка. Хамзет был бы рад видеть его здоровеньким.

- Что толку, если он вырастет и его убьют?! Ахмет крепко обнял ее. Такие мысли были ей

несвойственны. Он, конечно, ожидал, что горе будет велико, но все же надеялся, что Цема сможет обрести душевное равновесие, оправившись после первого удара.

Однако беспокойство не оставляло его. После сражения под Кизляром Цема решила, что ей лучше оставаться пока в доме отца, в своей деревне, хотя их собственная усадьба была более безопасным местом на случай вылазки русских. В деревне было очень много раненых, изувеченных под Кизляром, и это создавало особое напряжение. В течение недель повсеместно были слышны громкие стоны мужчин, страдающих от сильной боли при перемене повязок или мечущихся в бреду, когда дело уже совсем плохо и тело начинает гнить заживо. Некоторые стонали во сне, заново переживая ужасы недавнего сражения.

Наступили трудные времена. Стоял конец сентября, пора было убирать, урожай и нередко женщинам приходилось орать на себя мужскую работу в поле. Многие из них плакали, убирая хлеба или погоняя лошадей, вращающих молотилку. Женщины закрывали лицо руками и рыдали, когда на глаза им попадалось что-то из домашнего обихода, к чему недавно прикасались руки их погибших любимых мужей и братьев; починенный заборчик, ловко сплетенная веревка или любовно вырезанная детская колыбелька.

Пожилые женщины, неспособные уже работать в поле, выхаживали раненых. Казалось, тревога была разлита в самом воздухе.

Мулла сидел возле Цемы, которая заботливо ухаживала за Ати, тем самым говорящим по русский разведчиком, который вернулся в деревню несколькими днями позже остальных, пылая в лихорадке. Сознание едва теплилось в нем. У него в спине засел заряд крупной картечи. У Ати не было ни жены, ни родственницы, которая могла бы ухаживать за ним. Он всегда был одинок. Домой он вернулся только благодаря лошади, которая инстинктивно нашла дорогу назад.

- Никакого улучшения? - спросил мулла дочь.

Ати пребывал в глубоком забытии, его дыхание было медленным и трудным. Цема постоянно меняла мокрую тряпку у него на лбу, чтобы уменьшить жар.

Он еще повоюет... Если это ты имел в виду, отец.

Мулла поджал губы, чтобы сдержаться от резких фраз.

- Цема, такова воля Аллаха.

Цема повернула к нему бледное, измученное от бессонных ночей лицо.

- Неужели, отец? А, может быть, твоя воля? Хамзет был мечтателем. Он стал воином ради тебя, а не ради Аллаха. Аллаху он возносил молитвы. Во имя Аллаха он был счастливейшим человеком в деревне и любил всех нас.

Мулла наклонил голову и вышел. Что толку объяснять женщине значение слова «джихад», самопожертвование, если даже эта женщина - собственная дочь? Что женщина может знать о страданиях мужчины? Однако на сердце у муллы лежала тяжесть. Он бесцельно шел через площадь пытаясь побороть боль от огромной утраты, бередившую душу. Ему становилось страшно, когда он на секунду допускал, что в ее словах была правда.

Придя за Цемой, Ахмет нашел муллу погруженным в размышления. Он постучал, прося разрешения войти.

Позвольте, мулла?

Говори, сын мой.

- Цема хочет и дальше ухаживать за ранеными, но я не думаю, что ей следует сейчас этим заниматься. Она слаба, а это еще больше угнетает ее. Боюсь, как бы она не заболела. Нам нужно подумать о ребенке...

Мулла помолчал. Некоторые из человеческих чувств были ему непонятны. Например, это. Наконец, он заговорил.

Ценю твое беспокойство Ахмет. Согласен с тобой. Я поговорю с Ханифой и потом мы вернемся к этому.

И еще... - Ахмет понизил голос. - Что делать с этим русским?

Васильчиков в это время ждал за дверью. Было ясно, что он не собирается бежать, однако ведь и менно Ахмету было поручено обеспечить его безопасность, а за нее он сейчас не мог поручиться. При виде его чеченцы могли вспыхнуть яростью и отыграться на нем, мстя за смерть брата или другого родственника.

Князь Василий хорошо понимал, что в тот день может решиться его судьба. В деревню с Ахметом он приехал с чувством сильного беспокойства, гадая, что может произойти дальше. Он не знал о бойне под Кизляром, однако догадывался, что горцы потерпели сокрушительное поражение. Некоторые мужчины из поселения, где жил Ахмет, не вернулись домой.

За те недели, что князь Василий провел в плену, он сумел выработать в себе какое-то странное хладнокровие и внутренний покой. Конечно, это не была мудрость божественного откровения, о котором Он мог только мечтать, а нечего более земное и обыденное. Мысленно он отдал себя в руки судьбы и постепенно обрел удивительную ясность ума и трезвость мысли. Привычные вещи обретали новый смысл, и он чувствовал, что сама эта безыскусная жизнь пьянит его, как крепкое вино.

Каждый его день начинался с ароматов свежего горного воздуха. Князь вставал и смотрел в окно, чтобы узнать, какая погода на дворе: то ли тепло, то ли ночью ударили заморозки. Восход солнца - всегда событие. Гигант лениво встает над горами, заливая их чернеющие отроги потоками света, и человек сразу чувствует, как он мал и слаб под этими вечными бездонными небесами. После этого князь Василий обувался и накидывал бурку, слушая как слуги монотонно, нараспев читают утреннюю молитву. В эти минуты он чувствовал себя неловко, ибо не мог присоединиться к ним.

Здесь он лопал в положение, когда любой шаг, любое действие казались наполненными философским смыслом. Но это не были отвлеченные заумные понятия из трактатов по философии, ботанике или анатомии. Он сам, своим телом, нервами, мозгом испытывал высокое напряжение жажды жизни, страха и надежды.

Физически он окреп, и работа в конюшне не казалась ему уже такой тяжелой. Импровизированные уроки чеченского языка продолжались, но требовали немалого напряжения: это был дьявольски сложный язык, и перед Василием встала нелегкая

лингвистическая задача -разобраться в том хаосе звуков, который извергали его соседи по бараку. Кроме того, у него было два прекрасных собеседника - Ахмет и Мурад. Первый - человек прямой и понятный, второй -более гибкий и сложный. Мурад был примерно одного с ним возраста, явно благородного происхождения, весьма -умный, но уж очень скрытный. Ахмет был упрямый, но честный. Оба они без памяти любили свои семьи, что поражало Васильчикова. Зачастую мужчины затевали беседы, произнося какие-то другие, непонятные слова. Князь Василий догадывался, что они другого клана или племени, чем остальное население поселка, но не мог еще определить их происхождения.

Васильчиков поднялся и сделал несколько осторожных шагов от ворот дома муллы. Где-то совсем рядом послышался стон человека, страдающего от боли. Князь остановился, пытаясь определить, откуда он доносится. Цемы в это время не было дома, она ушла помогать ухаживать за ранеными. Он узнал это от других работников. Васильчиков давно не видел ее и соскучился уже по красивому лицу этой женщины, тем более, что он с интересом следил, как протекает ее беременность. Он приблизился к соседнему дому, который, судя по звукам, служил лазаретом!

То, что он увидел внутри, потрясло его. В одной комнате лежало человек десять, и было несомненно, что еще множество раненых лежит по своим домам и за ними ухаживают родственники. Здесь же находились те, у кого не было семьи или те, кто добрался лишь до этой деревни, не сумев одолеть всего пути домой.

У одного из мужчин бок был разорван осколком. Ему оторвало руку, мясо отошло от костей. Он был без сознания, бинты на нем запеклись от крови.

Другой приподнялся и повернулся, бормоча что-то в бреду. У него явно был жар. Князь Василий почувствовал ужасный, тяжелый запах, исходящие от этого человека: гангрена пожирала его ногу, раздробленную шрапнелью.

Двое или трое мужчин лежали лицом вниз с большими гноящимися ранами на спинах и плечах. Князь обратил внимание на то, сколько человек были изранены картечью. Кизлярские пушки сделали свое черное дело. Цема стоял на коленях перед одним из раненых, пытаясь влить жидкую кашу в его бесчувственный рот. Каждый раз, когда она приподнимала ему голову; тот начинал кричать.

Две пожилые женщины, ухаживающие за ранеными, взглянули на неожиданного посетителя, когда тот вошел, но тут же равнодушно отвернулись, продолжая свое дело.

От нестерпимой вони он едва сдерживал тошноту, но другие чувства заставили его забыть о ней, и Васильчиков буквально затрясся от гнева. Это было естественным откликом на все то, что он увидел в горах за последние несколько недель. И вот наступил момент откровения! Эти люди совершенно не представляли себе могущества России - и именно поэтому она не имела права вот так безжалостно и равнодушно уничтожить их. В благородном порыве чеченцы ринулись, в неравный бой, словно средневековые рыцари, хотя не были оснащены для современной войны. Русские знали это и выбрали метод массового уничтожения.

Хуже всего было то, что горцы не станут его слушать, если даже он попытается объяснить им, какая сила стоит за этой, уязвимой на первый взгляд, передней Линией. Две сильные воли сплелись -в железный узел, который можно только разрубить. Трагедия столь же великая, как велик сам Кавказ.

Князь принадлежал к тому типу людей, которые ничего не делают наполовину. Это был типично русский характер, способный на порыв, на беззаветную самоотверженность. И вот он, еще совсем недавно разочарованный во всем, скупающий денди, загорелся бешеным желанием помочь этим людям.

Цема вдруг уронила котел и упала без чувств. Васильчиков подбежал к ней, поднял и бережно уложил на соломенный тюфяк. Затем он пощупал пульс и ослабил застежку головного убора на шее.

Цема пришла в себя и, у видя склонившегося над ней пленника, в страхе закрыла лицо рукой.

Не бойся. Дыши глубоко. - Он так умело растирал ей руки, что Цема немного успокоилась. Она лежала спокойно. Васильчиков принес воды и приподнял ей голову.

Ты устала, потому что не ела..., - пленник говорил с ней на ломанном чеченском. - Голова всегда кружится, если... не кушать.

Он дружески улыбнулся. Говорил уверенно, хотя и с ошибками. С князя будто сползла его личина и это снова был опытный и талантливый врач.

Цема вновь опустилась на тюфяк, и тут ребенок начал толкаться изнутри. Это было заметно даже князю Василию. Он не мог удержаться от того, чтобы не выразить свой восторг. Цема вспыхнула от смущения, но Васильчиков помотал головой, как бы говоря: «Не стыдись, позволь тебе помочь».

- С Вашего позволения, сударыня..., - Васильчиков осторожно положил ладонь ей на живот, и его лицо озарилось радостной улыбкой.

Вот ножка! Л вот головка. Хороший ребеночек! - проговорил он, подбирая простые чеченские слова.

Слезы побежали из глаз Цемы. Она была так измучена, что не знала, смеяться или плакать. Тут князь Василий опомнился и отнял руку.

- Мои извинения, сударыня. Я не хотел Вас обидеть, а только помочь... Пожалуйста, я могу помочь... И мне нужно осмотреть этого человека...

Князь Василий повернулся к Ати и сдвинул повязку у него на спине.

- Боже мой! Какое-то кровавое месиво! Как, черт побери, он еще жив? - Васильчиков проворчал себе под нос по-русски.

В этот момент в комнату вбежал Ахмет и подскочил к Цеме.

- В чем дело? Почему ты плачешь? Он обидел тебя? - Он выхватил кама и замахнулся на Васильчикова.

- Нет! Нет! - крикнула Цема и расплакалась еще сильнее.

Васильчиков вскочил на ноги.

- Нет... нож... нет нож! решительно проговорил он и повернулся к Ати.

Ахмет не мог не заметить, что вид раненного Ати произвел на заложника сильное впечатление.

- Этому человеку нужна помощь. Нужен лекарь... Я - лекарь. Моя сумка... инструменты... вещи лекаря... Понимаешь? Врачевание!

Ахмет был поражен. Его заложник оказался русским лекарем!

- Все... людям... нуждаться лекарь... - сказал Васильчиков дрожащим голосом. - Мне нужно разрешить лечить этих людей. Вот этот... скоро умрет, если не отрезать ногу..., - Василий указал на раненого, у которого началась гангрена раздробленной ноги. Он быстро перебежал от одного раненого к другому, яростно жестикулируя, голос его становился громче. Ему уже не хватало чеченских слов и он прибежал к русским, чтобы усилить важность своей речи. Он крепко схватил Ахмета за руку, и умолял, и требуя одновременно.

- Нельзя тебе прикасаться к раненым без разрешения муллы. Пошли, Тадеуш, или как там тебя... Надо поговорить с муллой. Но сначала скажи мне, кто ты такой, или я выпущу тебе кишки. Ты меня понял? Ты - русский солдат?

Князь Василий секунду колебался, но потом решил на ответ:

- Нет, я не русский солдат. Я - русский лекарь. Приехал на Кавказ... просто гулять... не воевать... Просто русский лекарь. Сейчас должен делать работу лекаря.

Ахмет слегка улыбнулся. Делаеть успехи в чеченском, русский лекарь. Пошли.

- Пойдите! - вдруг сказала Цема. - Ты, гяур-врачеватель, покажи нам свое умение. Сделай что-нибудь для Ати. Тогда мой отец поверит тебе.

Ахмет и князь переглянулись.

- Она права. Давай, начинай.

- Пожалуйста.., но у меня отбирали мои вещи, когда я остался у вас.

- Сейчас принесу. - Ахмет одобряюще глянул на Цему и вышел. Отсутствовал он всего не сколько минут и вернулся с сумками князя Василия.

Васильчиков раскрыл чемоданчик хирургическими инструментами.

- Держите его, - резко сказал он.

Это была ужасная операция. Князь Василий увидел открытую лилово-синюю мышцу в спине у Ати, под которой что-то застряло, хотя женщины, как могли, постарались удалить из раны всю шрапнель, видимую их глазу. Князь знал, если в ране что-то осталось, начнется воспаление. В данном случае было именно так: кусочки металла покрытые сажей, засели глубоко в теле. Придется резать по живому, чтобы достать шрапнель с помощью специальных щипцов.

Во время операции Ати был в забытьи. Васильчиков остановился, чтобы вытереть пот со лба.

- Надо разбудить его. Нельзя так спать... плохо... опасно.

- Но так он ничего не чувствует. Так лучше,

- возразил Ахмет.

- Нет, он... сильно спать... плохо будет. Сердце может остановиться, если сильно спать будет. - Васильчиков очень старался, чтобы поняли его чеченский. Забывшись, он пробормотал по-русски: «В императорской армии человеку руку отрезают, - а он трубку курит. Вообрази себе это, мой друг..»

Князь похлопал Ати по лицу и растер руки, показывал Ахмету, что нужно делать. Затем он наложил швы на зияющую рану.

Ати вдруг вздрогнул и застонал, приходя в сознание.

- Так-то лучше, - лекарь сел на скамейку, вытирая испачканные кровью руки.

- Надо помогать тот вон человек... Мне надо отрезать его нога...

Ахмет посмотрел на него вопросительно, и князь Василии объяснил жестами. Ахмет понял.

- Сейчас нельзя, - ответил кабардинец. - Нельзя без разрешения. Подожди до завтра.

Пусть мулла сам посмотрит на все это.

Васильчиков понял, чего хочет Ахмет.

Но он может умереть ночью! - воскликнул рассерженно князь по-русски и показал жестами смерть. Ахмет кивнул.

- Если Аллах захочет, да, он может умереть, - сказал он вставая. - Ты здесь чужой и пришел под чужим именем, обманул нас. Ты - русский. Почему мы должны доверять тебе?

Князь Василий пожал плечами:

- Потому, что я могу помогать вам.

- Подожди здесь. Посмотри пока за Ати. Ахмет с Цемой пошли в дом муллы. Цема объяснила подробно, что произошло. Мулла крепко задумался.

Я не доверяю ему. Ты говоришь, он все время что-то записывает за тобой..

Да, - ответил Ахмет, - но он так учит наш язык. Он никогда, кстати, не спрашивал о сражении. Никогда.

Кроме того, отец, - заметила Цема, - он знает, как лечить людей. Это очень полезно для нас, особенно сейчас.

Мулла молчал. Ему трудно было примириться с мыслью о письменном языке. Сам он так и не овладел загадочным искусством грамоты, помнил лишь отрывки из Корана. Сам Пророк был неграмотным, и лишь Аллах наделил его способностью излагать Божественные откровения. Так сказано в самом Коране. Но пришли новые времена, и откуда-то набегали люди, умеющие читать и писать... Все это озадачивало муллу. Как можно было записать на бумаге грохот снежной лавины, несущейся с гор, или шепот листвы грабов, или звуки битвы двух туров на краю бездонной пропасти? Как крючками объяснить тишину, которую слушает чеченец» проезжая верхом через такие густые леса,

что днями не видит солнца? Эти звуки хранятся в душе, и каждый горец может выразить их словами, но как передать их значками? От этого может быть только вред.

- Что еще? О чем он тебя спрашивал?

- В основном, как я ухаживаю за лошадьми и о лекарственных травах. Он и сам в этом отлично разбирается, не говоря уже о врачевании.

Ахмет замялся, боясь, что его предложение будет слишком смелым.

- Разрешите, чтобы он полечил и остальных, мулла. Я уверен, он не желает нам зла. Я наблюдал за его работой, а я ведь и сам в этом понимаю толк. Должен сказать: он - умелый лекарь.

Мулла рассердился. Его ненависть к гяурам была так сильна, что Он испытывал к ним почти физическое отвращение. Допустить, чтобы руки неверного касались его соплеменников-мусульман!

- Отец, я верю, что этот гяур - хороший человек, - проговорила Цема дрожащим от усталости голосом. Мы потеряли столько славных воинов, и нам нужно сохранить оставшихся. Ати должен выжить. Но зачем же терять остальных? Есть, например, воин с раздробленной ногой... Мы не можем справиться со всем этим сами.

Мулла закрыла глаза и погрузился в раздумья. Потом он прямо и твердо взглянул на дочь:

- Думал, что мы можем кое-чему научить этого гяура, а выходит так, что он нас научит. Неисповедимы пути Аллаха.

* * * * *

Князь Григорий Александрович, генерал фельдмаршал Потемкин, покоритель Кавказа и Крыма, всемогущий фаворит императрицы Екатерины, удачно использовал Кавказ в своих целях. Однажды он услышал, как его назвали «воплощением мирской суетности. Это понравилось князю, и впоследствии он старался поступать таким образом, чтобы оправдать эту характеристику. В частности, он организовал свой штаб в Екатеринодаре на Кубани, Это была столица, оплот «хозяина Кубани, важнейший опорный пункт казачьих войск, сражающихся под российским флагом. Само имя этого города означало «дар Екатерины. Речь, видимо, шла о даре, преподнесенном царицей доблестному казачеству. Нынче же, благодаря успешным кампаниям, проведенным Потемкиным на юге, город начал бурно развиваться: всяческого рода чиновники, купцы, ремесленники хлынули сюда вслед за суворовскими и потемкинскими войсками и начали быстро обживать весь этот край.

Потемкин расположился в своем сверкающем белом дворце, который, впрочем, не мог и сравниться роскошью с его резиденцией в Царском Селе под Петербургом, Однако и этот дворец был вполне достоин самой царицы, случись ей прибыть сюда: Ранее, в походах, Потемкин жил в шатрах, драпированных внутри шелком, где благоухали тонкие ароматы и было множество драгоценной утвари. Теперь же все эти необходимые ему предметы обрели достойное пристанище и были расставлены на шлющих мраморных или мозаичных паркетных полах или развешены по стенам, венчающимся великолепными лепными с позолотой потолками в итальянском вкусе. Огромные зеркала отражали плотные, изготовленные из дорогих драпировок шторы, которые надежно защищали от слабого, но постоянного ветерка, веющего с заболоченных, кишущих насекомыми берегов Кубани.

Светлейший сел за стол, искусно инкрустированный агатами и лазуритами. На его плечи был небрежно наброшен халат на меху, на ногах - персидские туфли старинного образца с загнутыми носами. Рядом стоял его письменный стол, заваленный последними реляциями о ходе боевых действий. С довольным видом Потемкин перебирал пальцами

сверкающее содержимое шкатулки с драгоценностями, лелея свою заветную мечту. А хотелось ему, чтобы возлюбленная царица пустилась в путешествие по недавно присоединенным к ее короне южным владениям. Сюда, в Екатеринодар, Потемкин привлек торговцев вином, шелком, лавочников-армян» портных... Светлейший делал все, чтобы превратить Екатеринодар в процветающий русский город, чтобы навсегда канула в лету «станция Екатеринодар», что была лишь временным поселением на границе Российской империи. Если он не сможет обустроить все эти земли как следует, то просто велит своим архитекторам наделать фальшивых нарядных ораса дов, чтобы скрыть от глаз царицы убогие казачьи хаты. Весь этот сброд, который собрался в приграничных городах, Потемкин рассматривал как досадную помеху своим грандиозным планам. Ему хотелось, чтобы повелительница по достоинству оценила его труды по освоению этих земель, которые соединяют ее империю с христианской Грузией, совсем недавно объявившей о своем желании отдаться под покровительство России.

Фельдмаршал Суворов, командующий Кубанской армией, постарался здесь на славу, но все же Потемкин был не вполне доволен. Он мог быть уверен, что Екатерина будет на Кавказе в безопасности лишь в случае полной невозможности появления повстанцев на Линии. Но такой уверенности у него не было.

Что проку в постоянных жалобах Суворова на слабую дисциплину в армии, на невозможность продвижения из-за каждодневного прицельного огня вражеских стрелков, когда за каждую пядь приходится платить многими жизнями. Потемкин же считал, что слово «невозможно» в данном случае едва ли не равносильно слову «измена». Он хотел, чтобы на эту грязную работу нашелся умелый охотник, и ведь когда-то именно Суворов явился таким «охотником» в войне с ногайцами. Осень была в разгаре. Наступило самое подходящее с точки зрения Потемкина время для проведения камлания: все лето один за другим сюда шли по степным просторам караваны с боеприпасами и продовольствием. Именно сейчас солдаты будут лучше всего вооружены и накормлены.

Потемкин откинулся в кресле.

- Одеваться! - гаркнул он что было мочи.

В зале появилась целая толпа слуг, которые проворно освободили главнокомандующего от домашней одежды и принялись облачать его тучное тело в военный мундир. Светлейший сидел подобно Нерону, пока ему помадили и пудрили густую шевелюру, прикалывали на грудь сверкающие награды. Он хорошо знал цену внешности... «Испорченное дитя» Григорий мог целый день пить горькую вперемешку с шампанским, закусывая репой или упасть под стол и там продолжить сие с кем-нибудь из офицеров. Однако же, когда Потемкин был в полном генеральском облачении, его буйный нрав и страстную натуру выдавали лишь обкусанные до самого мяса ногти на руках.

- Полковник приехал?

Штабной офицер кивнул:

- Дождается аудиенции, Ваша светлость.

- Зови его сюда. Остальных тоже.

Офицеры мгновенно заняли свои места подле рабочего стола своего начальника. Светлейший, не мигая, смотрел на них своим недобрый глазом.

- Этот новый вызов горцев нельзя оставлять без внимания, - заявил Потемкин, непонятно к кому обращаясь. Штабисты сразу поняли, что он имеет в виду: последуют карательные действия.

Генералы Григорович и Петрович из Кубанской армии Суворова прибыли в ставку для доклада о действиях на восточном фланге Линии. Трудно было себе представить более блистательных и видных офицеров петербургской выделки. Затянутые в облитые золотом мундиры, в замшевых перчатках, с изысканными париками на голове, они являли собой образец офицеров старой школы, само воплощение респектабельности. Военная коллегия удостоила их генеральскими званиями- в ходе турецких кампаний 1770-х годов,

еще задолго до того, как Суворов получил продвижение по службе, тем более - прославился.

- Наше мнение таково, Ваша светлость, - отозвался Григорович, грузноватый пятидесятилетний ветеран многих заграничных военных кампаний.

- Ежели мы позволим этому новоявленному имаму собрать силы и вновь, не дай Бог, одержать хотя бы маленькую победу, то получим массовые беспорядки на присоединенных землях.

Петрович согласно кивнул и добавил:

- Судя по всему, он абсолютный профан в военном деле. Так что о батальном умении нам нечего беспокоиться, по крайней мере, судя по тем сведениям, что я имею.

Потемкин, старый вояка, хорошо знал, что таланты этих двух генералов весьма ограничены.

- Но он тоже учится на своих ошибках, - проворчал главнокомандующий.

В разговор вмешался Пьери, Он также постарался выглядеть на этом совещании как подобает. На нем был красно-зеленый мундир, лосины и безусловно высокие черные ботфорты. Этот наряд свидетельствовал о том, что он тщательно изучил «Полковое учреждение» Суворова, где скрупулезно были расписаны все детали: вплоть до кантов на лацкане, высоты стоячего воротника, размера обшлагов и угла треуголки. Потемкину нравилось такое прилежание.

- Ага, Пьери... Рад, что Вы смогли выбраться. Вот, хочу представить: генерал Григорович и генерал Петрович из Кубанской армии...

Пьери чопорно поклонился. Петрович, потомственный аристократ, дальний родственник семейства Шуваловых, стоящий по происхождению на голову выше всех здесь на Кавказе, узнал «карьерного офицера» и оскорбительно небрежно кивнул ему.

- Прежде всего, позвольте поздравить Вас с блестящей победой под Кизляром, - улыбнулся Потемкин. - Вскоре после того, как Вы прибыли туда, дела пошли на лад.

- Благодарю, Ваше высокопревосходительство!

- На манер многих генералов Пьери использовал московские формы обращения в подобных случаях. Это было по вкусу гляноодмандующему.

- Погодите благодарить. Я хвалю Вас за разгром противника с малыми потерями с нашей стороны. Но я был бы еще более удовлетворен, если бы Вам удалось покончить с этим самозванцем, именующимся шейхом Мансуром.

Улыбка исчезла с лица Пьери.

- Не буду сейчас подробно обсуждать допущенные ошибки. Я читал отчет. Самое главное для нас ныне - разработать план поимки этого Мансура и заставить горцев прекратить згу свою..., как ее, священную воину... джихад. - Потемкин криво усмехнулся. - Эти идеи очень опасны. Зараза может расиреотошпггся. Нам надлежит отсечь голову гидре - и все будет в порядке. Вы согласны, Пьери?

Пьери сразу почувствовал, насколько этот подход отличается от взглядов его генерал-бригадира. Комаров никогда не преследует противника на его собственной земле. Как повезло ему, что Комаров пока отсутствует. Возможно, им уже недовольны, хотя еще не отстранили от должности.

Пьери решил воспользоваться случаем:

- Безусловно, согласен с Вами. Если припоминаете. Ваше высокопревосходительство, в моем отчете я как раз и предлагаю эту стратегию.

Потемкин возвышался над своим столом, как скала.

- Так... Ну, и что же Вам нужно, чтобы завершить это дело?

- Я уже просил перебросить сюда еще один полк казаков с Волги. С такими силами я смогу обложить зверя в его логове и прикончить.

Генералы Кубанской армии выразили свое удивление. Потемкин неопределенно хмыкнул. Его реакция на слова соодедника всегда была непредсказуемой.

- Хм! Может быть, вот Петрович выделит Вам эти дополнительные силы?

Голова у Пьери закружилась от неожиданно открывшихся возможностей. Об этом он не мог и мечтать. Ему уже грезились лавры Суворова, полученные тем за истребление ногайцев.

- Таковой план я готов положить Вам на стол завтра утром, - быстро ответил он.

Потемкин блефовал. У него был, конечно, уже этот план. Он располагал всеми разведывательными донесениями генерала Комарова касательно шейха Мансура. Однако он собирался их использовать вовсе не так, как предполагал Комаров.

- Мы обсуждали уже эту идею. Мы знаем: он обосновался в горной деревне Алди. Ступайте же за ним туда - немедленно. Не позволяйте зализать раны. Ударьте изо всех сил и покончите с ним там же. И сразу его любимый джихад кончится пшиком... Согласны?

Пьери колебался лишь секунду. Он хотел удостовериться, что это серьезное предложение, а не испытание его политической благонадежности.

- Это и есть мой план, Ваше высокопревосходительство. Мои сомнения вызваны лишь тем, что это несколько противоречит теориям, по которым нас учили. Нельзя вторгаться в земли противника, если он имеет там некоторые преимущества...

Потемкин понял, что Пьери таким образом завуалировал просьбу о разрешении действовать вопреки планам своего командира. Генерал Петрович и сам не брезговал этим приемом, и сейчас он с удовольствием наблюдал, как молодой офицер бьется в тех же силках.

Потемкин вывел Пьери из затруднительного положения. Самолюбие русского аристократа было удовлетворено, но ведь этим нельзя одержать победы.

- Нечего толочь тут воду в ступе! Нам надлежит выступить против шейха Мансура уверенно и стремительно. Все необходимые приказы получите еще до отбытия в Кизляр. Я попрошу генерала Петровича немедленно направить в Ваше распоряжение казачий полк.

Петровичу пришлось почтительно склонить голову в знак согласия со словами главнокомандующего. Разве можно было сворить с человеком, владеющим тридцатью семью тысячами крестьян, миллионным состоянием, и даже солидной собственностью здесь, на Кавказе? Выше его стояла лишь Екатерина. Власть его была почти безграничной.

* * * * *

Этот поход стал настоящим кошмаром. Войска под командованием Пьери сначала продвигались к северу в сторону гор, огибая низины вдоль Терека. Наконец, они достигли густого леса у долины реки Сушки. В этих дебрях было так темно, что под деревьями не было почти никакой растительности, не было и птиц, кроме пронзительно кричавших соек.

Солдаты шли с полной боевой выкладкой, как положено в таких случаях. Один батальон послали вперед, другой прикрывал тыл. Каждый из них имел по несколько легких полевых орудий и пушки. Кавалерия, резервы, артиллерия и транспорт находились в центре под прикрытием стрелков-пехотинцев. Впереди основных сил, за арьергардом и во обеим сторонам колонны двигались волжские казаки. Самоубийственное расположение: как только колонна двинулась вперед через, казалось бы, пустынный лес, эти всадники неизменно попадали под огонь чеченских стрелков, сидящих на деревьях, и лишь сизые клубы дыма выдавали их укрытия.

В русской армии такое построение войск называли «марш колонной в ящике», и Пьери хорошо знал, что под «ящиком» подразумевали гроб.

Дорога так густо поросла колючим кустарником, со всех сторон людей поджидало столько неожиданных препятствий, что колонна двигалась чрезвычайно медленно. Было бессмысленно уже надеяться на неожиданное нападение на шейха Мансура. Слух о продвижении войск распространился по горам еще задолго до того, как они достигли

Терека. Со всех сторон чеченцы съезжались в Алди, чтобы защитить своего вождя, и немало специальных отрядов было послано навстречу колонне, чтобы заранее измотать ее. Пьери понимал, что горцы постараются максимально ослабить его еще до того момента, как он достигнет пункта назначения. Он сильно рисковал, углубляясь в районы, контролируемые горцами. Доберись до его берлоги», - повелевал. Потемкин. «Добей его в собственном логове», - приказывал Суворов. Что ж, он так и собирается сделать. Но никто не сказал, что сделать это будет просто.

Пьери вознамерился воплотить суворовский принцип жертвования огневой мощью раде увеличения скорости атаки. Он подберется к врагу как можно ближе, чего бы это ни стоило, а затем последует «сквозная атака».

Пьери приказал использовать сигвяльные горны для оповещения различных подразделений колонны о скорости движения, приближения противника слева или справа, о неотходности оттянуться назад и прикрыть тыл. Два дня у него ушло на то, чтобы менять сигналы не реже, чем дважды в день, так как чеченцы быстро запоминали их и брали на вооружение.

Вдобавок ко всем бедам начались дождь и туман. Пьери и его люди были постоянно промокшими. При переправе через горные потоки пушки постоянно вязли. Лопгади начинали хромать: они повреждали суставы, утопая в жидкой грязи. Требовалось вдвое увеличить число дозорных, которые разведывали дорогу к Алди. Некоторых чеченцев ловили и пытали, добываясь нужных сведений. Самые важные вопросы касались, естественно, местонахождения шейха Мансура.

По вечерам Пьери сидел, съезжившись, в своей палатке, рассчитывая, сколько времени еще уйдет на дорогу до Алди. Его войско двигалось с ничтожной скоростью шесть верст в день. При этом он ежедневно терял много людей. С такими темпами к моменту решающей атаки у него останется лишь половина состава.

Каждый раз, останавливаясь для привала, по сыпали татар на поиски убитых и раненых. Бывали случаи, когда Пьери приходилось из передней части колонны, уже разбивающей лагерь, срочно перебрасывать крупный отряд в ее арьергард, где в это время шел бой с внезапно напавшими чеченцами. Иногда татары возвращались из подобных вылазок с привязанной у седла головой убитого врага.

Уже в начале похода Пьери начал понимать, насколько прав был Комаров. Он никогда не решился бы на такую экспедицию, ибо сразу же просчитал бы ее тяжелые последствия. Однако Пьери не сомневался в своей способности покончить с шейхом раз и навсегда, несмотря на потери. За ним стояли мощные силы. Эта победа повысит его шансы на продвижение, и сбудутся, наконец, его мечты примкнуть к элите русской армии. Ставки были высоки.

- Удвоить караул в ночное время, - приказал Пьери. - Посты расставить в цепочку вокруг лагеря. И поставьте охрану у водопоя.

Последний приказ был вызван необходимостью охранять лошадей на водопое от чеченцев, которые повадились стрелять по ним, едва тех оставляли без присмотра.

Дозорным было велено вести себя очень тихо. Малейший шум, даже хлопок по комару, мог вызвать прицельный огонь чеченских стрелков. Это была война нервов.

Подъем производился в шесть утра, хотя было замечено, что чеченцы никогда не начинают стрелять до утренней молитвы. Однако сразу же после этой короткой передышки на русских со всех сторон обрушивался беспорядочный град пуль, летевших с тем особенным отвратительным визгом, который так ненавидели солдаты.

И вот однажды дождливым туманным утром колонна вышла на подступы к родному селению шейха Мансура. Это была маленькая деревушка, хорошо защищенная со всех сторон, наполовину она была прикрыта огромным утесом, нависающем над рекой Сунжей, очень полноводной в это время года и яростно бурлившей внизу. Саманные домики беспорядочно лепились друг к другу, карабкаясь вверх по скале. Теперь каждая крыша, служащая балконом соседа сверху, превратилась в огневую позицию, занятую

вооруженными защитниками. Пьери внимательно рассмотрел деревню в полевой бинокль. Картина была типичной: ни женщин, ни детей, ни животных не было видно. Чеченцы, скорее всего, спрятали их где-то повыше, в скалах.

- Ну что ж, ясно, - проговорил Пьери, закончив осмотр с противоположного берега реки. - Пехота возьмет на себя левый фланг, казаки атакуют с востока по моему сигналу. А сначала пусть поработает артиллерия.

Пьери приказал опытным бомбардирам "доставить два орудия на возвышенность у края долины и установить их там.

- Когда услышите звук горна, артиллерия прекратит огонь, - инструктировал Пьери свежий отряд волжских казаков, в обязанность которых входило поджечь все постройки, куда не угодили пушечные ядра. В деревне не должно было остаться ни одной целой щепки.

Пока армия Пьери разворачивалась для боя, туман рассеялся. Показалось яркое солнце, и оно будто развеяло завесу страха, отделяющую две армии готовых на все вооруженных мужчин. Начался артиллерийский обстрел, старались не пропустить ни одной постройки в центре деревни. Сначала пехотинцы стояли на противоположном берегу Сунжи, ведя прицельный огонь по людям на крышах, которые то и дело падали оттуда головой вниз. Как только представилась такая возможность, солдаты двинулись вперед с шашка ми наголо, едва сдерживая своих раненых, которые в порыве вскакивали с носилок и сгоряча бросались в речной поток. Шеренга за шеренгой неотвратимо наступали пехотинцы, пока, наконец, не овладели западной окраиной Алди.

На восточном фланге кавалеристы со стальными нервами пробивали себе дорогу через баррикады из повозок, стволов деревьев, бочек. Наконец, они добрались до центра деревни. Чеченцы хорошо подготовились к обороне, однако не мог ли остановить напора наступающих, численность которых преобладала во много раз. Но тут только Пьери понял, что чеченцы подготовили им сюрприз: в резерве у них томился в нетерпении большой отряд всадников. Они вдруг появились из окружающего леса, в зубах у них были зажаты уздечки. С двадцати шагов они открыли ураганную стрельбу из каких-то древних ружей. Затем закинули оружие за спины, выхватили сабли и бросились на казаков. Завязалась ожесточенная схватка, и казаки сильно пожалели, что так поспешно углубились в расположение противника. Юркие чеченские лошадки сильно выигрывали рядом с более крупными и неуклюжими казачьими конями. Из-за этого потери среди казаков увеличивались с невероятной быстротой. Казачью кавалерию на восточном фланге; фактически окружили и истребляли на глазах. Чеченцы дрались отчаянно: израненные, продолжали сражаться. Если правая рука была ранена, саблю брали в левую...

Полковник Пьери стоял возле пушек и наблюдал за этим боем, кусая губы и отчаянно ругаясь. Вдруг сквозь клубы дыма он заметил белую карабахскую лошадь шейха Мансура. Тот быстро мчался, подняв саблю над головой. На мгновение она мелькнула на ярком солнце... Теперь Пьери по крайней мере знал, где находится тот, ради ных действий.

- Трубач, сигнал отход и перегруппировку. Нужно окружить деревню.

Пьери хотелось, конечно, вернуться с минимальными потерями, но еще сильнее ему хотелось захватить Мансура. Живого или мертвого. Любой ценой.

Оставшиеся казаки вернулись на исходные позиции у края деревни и расположились для осады. Пушки вновь начали яростный обстрел, разрушал все, что еще уцелело в деревне. Канонада не прекращалась до вечера. Пьери не решался больше на кавалерийскую атаку. Неизвестно, что эти чертовы горцы для них еще припасли.

К ночи Пьери ходил мрачнее тучи. В Алди не осталось камня на камне, но и его потери были велики. Каждый третий казак был или убит или ранен, половина пехотинцев вышли из строя, а в артиллерийских расчетах катастрофически не хватало людей.

В лесу у Сунжи царило опасное безмолвие, и в этой ночной тишине далеко было слышно, как скрипят деревья и бурлит неугомонная вода.

Утром русские обнаружили, что вокруг деревни не осталось ни одного тела. Несомненно, что многие просто сгорели дотла. Тела, плывущие по реке вылавливали где-нибЧдь ниже по течению, чтобы потом захоронить. Раненых выгашили потихоньку женщины, старики и инвалиды. Сильный дождь поливал почерневшие от огня развалины: все, что осталось от Алди, от домов ее жителей.

Казачи обшарили все вокруг в поисках шейха или его людей, но все бесполезно. Битва закончилась, но где же шейх Мансур? Пъери бесило, что он не может с уверенностью заявить о смерти имама, и, тем более, не может предъявить его тело, чтобы отпраздновать это событие как следует. Однако он не должен показывать свою досаду другим. Теперь нужно подумать о благополучном возвращении назад. Пъери собрал офицеров.

- Растолкуйте людям, что мы одержали полную победу. Осталось только целыми вернуться на Терек с минимальными потерями и, что самое важное, не растеряв ружей и пушек. - Пъери явно храбрился. - Так что строимся в колонну, господа, и марш домой.

Присутствующие подавленно молчали. Сказывалась многодневная усталость, а также сознание того, по какой дороге им придется возвращаться. Павших похоронили в долине по обычаю и долго стояли, склонив головы, под проливным дождем. Больше всего русские боялись лесов, ибо там чеченцы имели явные преимущества.

В этот первый день возвращения войска Пъери покрыли менее трех верст пути. Чеченские стрелки не давали им покоя, а повозки вязли в грязи даже сильнее, чем по дороге к деревне.

Первую ночь они провели в глуши букowego леса. Лагерь разбили по классическому принципу: лошади и пушки в середине, охранники - по периметру. Команду из двадцати человек послали собирать топливо для костров. Вдвое больше пошли охранять их от невидимых вездесущих стрелков.

Никто из них так и не вернулся. Ожидая их, полковник Пъери, кажется, услышал крик совы, затем еще один. И еще. «Многовато*», - подумал он. Неужели это сигналы горцев? Внезапно до Пъери стало доходить, что происходит сейчас вокруг их лагеря, и рука его инстинктивно сжала мушкет. Леса были полны чеченцев. Еще раз он увидел всадника на белом карабахском коне. Серебряная сабля была поднята вверх к сверкала, хотя ни один лучик лунного света не проникал сюда. И тут ночную тишину разорвали воинственные крики мстителей и свист пуль. Это было последнее, что слышал полковник Пъери...

* * * * *

Перебиты? - Ахмет недоверчиво посмотрел на муллу. - Вы хотите сказать, что вся русская армия уничтожена?

Думаю, кое-кто удрал. А вот командиру их не повезло. Они звали его Пъери.

- Но это же крупная победа, мулла...

Мулла опустил глаза в раздумье, затем посмотрел куда-то в сторону мимо Ахмета.

- Гяуры будут считать это нашей победой. Но для нас, Ахмет, цена слишком велика.

Они стояли у ворот дома муллы, наблюдая, как возвращается последняя группа добровольцев, измученных и осунувшихся. Среди них был Куэр, черный от пыли с ног до головы. Он без отдыха проскакал весь путь, чтобы сообщить мулле о событиях у Сунжи. Теперь Васильчиков занимался его ранами. Эльдар стоял рядом, покачивая головой. Ему нравилось, что его сын проявил такую преданность шейху Мансуру, и отец был счастлив, что тот уцелел.

- Шейх Мансур вновь остался цел и невредим, - сказал Эльдар. - Хвала Аллаху за это. Но куда он отправится теперь? Нечего и надеяться вновь собрать чеченскую армию после таких крупных потерь.

Ахмет знал, что Эльдар совершенно прав. Есть же какой-то предел числу убитых и искалеченных для маленького горного народа за такое короткое время. Они уже приблизились к этому пределу, как и другие селения их района.

- Мурад все правильно говорил тогда, - сказал мулла с горечью. - Нам нужно воевать так, как мы умеем. Нам нечем ответить на пушки гяуров. Кизляр был ошибкой.

Ахмет почувствовал, как изменился тон муллы, совсем не то, что раньше. Ему пришлось так много пережить: потерял единственный сын и наследник, и при этом - никакого значительного результата.

Эльдар поднял глаза и кивнул одобрительно:

- Нам нужен вождь, который объединит все племена, и тогда мы сможем воевать с русскими на их территории, - заявил он. - Нам нечего и надеяться на победу, пока все эти горы не окажутся под властью могущественного имама, который будет править железной рукой. Который, не колеблясь, покончит с предателями или даже уничтожит целые племена, стакнувшиеся с врагом. Только так можно выбить русских из наших гор. Иного не дано

В то время, как они наблюдали за воинами, расходящимися по домам, в деревню въехал какой-то незнакомец, кавказец, одетый в богатую черкеску. Его безупречный костюм свидетельствовал о том, что его не было в Алди, да и в других сражениях за последнее время. Тем не менее, незнакомец держал оружие наготове.

Он спросил о чем-то у воинов, подъехал к дому муллы и спешился. Почтительно поздоровался по-татарски:

- Приветствую вас, братья. Меня зовут Хафица, я из Кабарды, - почтительно представился он. - Я приехал в поисках одного моего соплеменника, который живет в этих горах. Его зовут Хапца Мурад... Вы слышали о таком?

Мулла приветливо поздоровался с ним. То же сделал и Ахмет, улыбнувшись:

- Я тоже кабардинец, с Кубани. Добро пожаловать. - Он говорил по адыгски, и незнакомец радостно обнял его, безошибочно распознав кабардинское произношение. Мулла заговорил с гостем по-татарски:

- Я мулла этой деревни. Да, твой родич живет здесь. Мой зять Ахмет проводит тебя к нему. Ты приехал один?

- Двое моих спутников отдыхают тут неподалеку. Мы не решили ехать все вместе, чтобы не слишком беспокоить вас после таких потрясений.

- Ничего страшного, мы рады вас видеть. Наши беды не сказываются на нашем гостеприимстве.

Можешь приводить своих спутников, я буду рад видеть вас в любое время, тепло отозвался мулла.

- Кабардинцы в моем доме всегда желанные гости.

- Хафица поблагодарил муллу и повернулся к Ахмету:

- Буду признателен, если ты проводишь нас к Мураду. У нас срочное дело. С нами один из старейшин нашего рода.

- С Вашего разрешения; мулла, я отвезу гостей в наш аул, - сказал Ахмет. - С ними приехал один из уорков, это, наверняка, посланец отца Мурада.

Мулла улыбнулся и кивнул одобрительно, затем вновь обратился к Хафице:

- Пожалуйста, дорогой гость, привези сюда своих спутников, окажи честь моему дому вашим визитом. Не можем мы держать благородного кабардинца за околицей.

Хафица расплылся в улыбке:

- Теперь я понимаю, почему Мурад предпочел поселиться среди таких чудесных людей, вроде Рас, мулла. Я передам приглашение нашему старейшине, и мы, безусловно,

воспользуемся им, но в другой день. Однако сейчас, с Вашего позволения, мы отправимся к Мураду. Дело не терпит отлагательства.

- Не стану вас задерживать, дорогие гости. Буду ждать вас в моем скромном жилище. Езжайте с миром.

* * * * *

Вернувшись домой, Цема немного успокоилась. Как и предсказывал Васильчиков, сейчас, в середине беременности, ее состояние стало более устойчивым, чем несколько недель назад. Хотя мысли о Хамзете по-прежнему не покидали ее, все же ей было легче не видеть ежедневно столько крови и страданий, Ахмет был вдвойне благодарен судьбе за то, что она не видит, как возвращаются воины из Алди и не слышит их рассказов об этой ужасной бойне.

- У них замечательные лошади, - проговорила Цема как-то рассеянно, подавая Ахмету ужин.

- У гостей Мурада?

Да. И сами они одеты так красиво. Такие черески и мечи. И чудесные лошади.

- Кабардинские. Хорошая порода. Интересно, зачем они пожаловали...

- И я об этом думаю, - Цема вся светилась любопытством.

В дверях появился Мурад:

- Хватит жевать! У меня гости, и Медина всю накрывает на стол. Пошли, пошли, нельзя заставлять гостей ждать.

Цема подскочила в нетерпении узнать все поскорее. Ахмет озорно ухмыльнулся:

- Гости у тебя. Чего ж ты меня беспокоишь? Мурад прямо опешил:

Пошли быстрее, не дури. Они ждут. Цема, вразуми своего шального мужа!

- Ахмет, я удивляюсь тебе! - воскликнула Цема. - Возьмем ужин с собой! - Она мгновенно схватила тарелки со стола и соорудила веселую гримасу.

- Ну что ж, почему бы и нет, - проворчал Ахмет. - Не каждый день мне предлагают поужинать дважды. Ты знал этих людей раньше?

Это Хапча, из моей деревни. Я подозреваю, что их послал мой отец, но они пока не признаются. Старшего зовут Темиркан, это советник моего отца. Важная фигура, и он не отправился бы в путь без серьезной причины.

Ахмет вошел в дом приятеля. Мурад катил чай из старинного русского самовара и подал Темиркану - он явно выделялся среди своих спутников. Внешность старейшины несколько озадачила Ахмета: его кожа была темнее, чем у других, чем вообще у кого-либо из кабардинцев, которых он видел в своей жизни. Ахмет предположил, что этот человек - балкарец. Существует много тюркских национальностей, их представители мирно живут среди кабардинцев. Некоторые из них весьма преуспели, и ничто не препятствует им занимать высокие должности. Большинство из них переняли язык адыгов. На вид Темиркану было немного за сорок, он был крепкого телосложения, с тонкими чертами лица, на котором читались ум и благородство. Кончики седящих усов закручивались вверх, что прибавляло ему импозантности. Хапча был самым молодым и самым разговорчивым. Улыбка редко исчезала с его лица. Это был непоседливый и щеголеватый кабардинский юноша, более всего ценивший ловкость, сноровку и приятную внешность. Говорил он легко и свободно на любую тему. Он немного напомнил Ахмету словоохотливого Васильчикова, это были люди одной породы. Третий гость был, наоборот, молчалив и говорил лишь когда спрашивали. Он показался Ахмету воинственным нартом - скупым на слова и бдительным защитником старейшины.

После недолгой паузы, когда пили чай, Темиркан обратился к Ахмету:

- Отец Мурада - великий князь Кабарды. Князь Хапча.

- Я так и думал, - сказал Ахмет, - но я прощаю его.

Темиркан внимательно посмотрел на Ахмета. Шутка понравилась ему: она говорила о близких отношениях этих людей. Мурад лишь с улыбкой покачал головой.

- Наш князь уже немолод - да хранит Аллах его дни - и можно понять его желание поговорить последние годы в кругу всех своих друзей.

Ахмет слушал эти слова и внутренне поражался тому, что можно, оказывается, жить в согласии с природой, постепенно рассчитывать наперед свои земные дела, не боясь, что все это может прерваться в любой момент.

Между тем Темиркан продолжал:

- Когда Мурад исчез, мы думали, что это ненадолго. Потом, не найдя его, очень опечалились. Можете представить себе нашу радость, когда мы получили весть о нем... - Он с улыбкой повернулся к Мураду. - А рассказал о тебе тот мисост, которого ты отпустил.

У Мурада было непроницаемое выражение лица, он чувствовал смятение. Первым заговорил Ахмет:

- Если позволите, Тхамата... Не знаю, что на сердце у Мурада, но могу сказать одно: если бы у чеченцев были уорки и князья, как у нас, кабардинцев, они бы давно выбрали его князем.

Гости внимательно слушали его. Между тем, Ахмет продолжал, несмотря на растущий комок в горле:

- У чеченцев он самый толковый советник, решительный и мужественный воин. У него замечательная семья и прекрасные дети. Я не знаю, что еще мужчине нужно.

Наступила пауза, потом Темиркан нашел, наконец, нужные слова:

- В этой жизни мужчине нужно еще одно – такой друг как ты, Ахмет с Кубани!

Хафица улыбнулся Ахмету:

Мы только сейчас начали ощущать трудность этой задачи.

Однако, мы должны повторить волю его отца, - настаивал Темиркан, - и убедительно просим Мурада хорошенько это обдумать. Ну а мы воспользуемся твоим гостеприимством, Мурад, пока ты не примешь решения.

Мурад поднял голову, на его лице было по-прежнему какое-то неопределенное выражение:

- Я очень рад видеть вас в моем доме. Благодарю за доброе расположение. Мы все с удовольствием разделим ваше общество.

Ахмет внимательно следил за Мурадом, но не мог даже приблизительно угадать ход его мыслей. Он не представлял себе жизни в этих горах без Мурада и его семьи. Это была трудная минута, болезненная для Ахмета.

* * * * *

Светлейший князь Потемкин сидел, сгорбившись за своим столом. Легкий ветерок с Кубани шевелил бумагами и раздражал его. Это был отчет о том, что произошло с войсками Пьери. Потемкин сердито прижал листки кулаком и громко выругался. Потом он закрыл лицо руками, пряди седеющих волос свисали меж пальцев.

Генералы Петрович и Григорович стояли рядом немыми свидетелями его печали. Из единственного глаза Потемкина текли слезы, и крупное тело иногда содрогалось от рыданий. Главнокомандующий оплакивал эту гюльшую потерю. Его охватила глубокая скорбь, и только водка могла развеять его печаль. Никто из генералов не хотел бы участвовать в предстоящей оргии - а это будет непременно оргия. Легенды ходили о невероятных способностях Потемкина отдаваться и горю, и питию.

Генерал Петрович не без лгобопытства, украдкой, разглядывал Светлейшего. Возможно ли, чтобы человек, будучи персоной такой величины, испытывал чувство вины? Нет. Сожаления, может быть, но не вины. А, между тем, такая судьба постигла

Пьери именно с его благословения. Потери были слишком велики, как ни взгляни. Кому-то придется отвечать за это.

- Осмелюсь заметить..., - пробормотал Петрович.

Потемкин не пошевелился.

- Осмелюсь заметить, что мы добились все-таки большего, чем изволил предполагать Ваше высокопревосходительство. Этот головорез Мансур вместе с кучкой своих последователей, судя по всему, переместился куда-то к западу. Нам гораздо легче будет следить за действиями горцев на западе, где они сейчас находятся, чем в центре Кавказской гряды.

- Действительно, - поддержал Григорович, -он не продержится долго среди черкесов здесь, на западе. Они не так терпимы к смутьянам, как чеченцы.

Потемкина словно прорвало:

- Армия разлагается. Вы знаете это. Я знаю это. Суворов прав. Казармы кишат паразитами не хуже, чем тюремные казематы Петербурга. Черт бы их побрал! Ничего, я еще развернусь!

Живой силе в России нет числа, Ваше высокопревосходительство, - вкрадчиво вставил Григорович. - Стоит ли беспокоить Ее Императорское Величество без крайней на то нужды? Предоставьте Суворову завершить это дело.

Григорович говорил все это с видом человека, привыкшего заставлять других делать за себя грязную работу, кем бы они ни были. Он как бы забывал о собственной причастности к этим событиям, к развалу армии. Ведь многие знали, что сам он разбогател на военных поставках, и что все его офицеры здорово поживились, проявляя чудеса мошенничества и ЮДьяокрадства.

Конечно, здесь есть вина Комарова, - продолжал размышлять вслух Григорович.

Комарова? - Потемкин вскинул свою львиную голову.

Он был начальником Пьери. И без сомнения, плохо подготовил операцию.

Послушайте, Григорович, Вы знаете не хуже меня, что генерал Комаров никогда бы не повел свою бригаду к Алди.

Не повел бы, В том-то и беда. Он не старался диктовать условия, позволял горцам управлять ситуацией. Слишком затянул. На мой взгляд, с Алди нужно было покончить еще в июле.

Потемкин поднялся и отдал приказание секретарю:

- Передайте мои наилучшие пожелания начальнику штаба и уведомяте его, что я приказываю отозвать генерал-бригадира Комарова.

Потемкину стало легче. Он заставит Суворова как следует прочистить юг, чтобы летом следующего года Екатерина смогла совершить свое грандиозное путешествие, венцом которого должен стать смотр черноморского флота в Крыму. Это будет вершиной его славы. Суворов должен воскресить память о Полтавской битве, которук» славный предшественник царицы, Петр Великий, некогда выиграл, разбив шведского короля Карла Двенадцатого. А теперь его, Потемкина, черед отличиться. Никто в Москве или Петербурге не должен сомневаться в военных талантах Светлейшего.

* * * * *

Местное общество на Линии ожидало, что графиня Софья с мужем предпочтут тихо расположиться в Константиногорске, чтобы избежать унижения в Екатеринограде. Регулярно туда под усиленной охраной отправлялись раненые для поправки здоровья на целебных источниках, причем результаты подобного лечения весьма впечатляли. Это была маленькая крепость, названная в честь великого князя Константина. Лишь так Комаровы могли спасти свое лицо. Графиня Софья могла бы объявить, что для

скорейшего выздоровления мужу необходимо полечиться на минеральных водах, недавно обнаруженных под Пятигорском, у склонов горы Маі пук, к северу от Терека. Там был прекрасный воздух, а казаки практически утомили этот край.

Однако графиня Софья рассказывала всем правду: они с мужем уезжают в Петербург. Скоро просочились и известия о причинах отъезда. В обществе считали, что Комарова обвинили в массовой гибели войск полковника Пьеры в ходе похода на Алди и за это удаляют с Кавказа.

Графиня Софья не сомневалась, что мужа просто сделали козлом отпущения. Эта история могла стать первой помехой в его доселе безупречной военной карьере, и это само по себе ставило под сомнения обвинения такого рода. Будучи человеком честным, Комаров покидал Кавказ, не увозя с собой груды награбленного добра, что делали, как правило, другие офицеры. Возможно, и это обстоятельство освободило графиню Софью от необходимости вилить и изворачиваться. Не в ее характере было показывать спину при поражении, и, кроме всего прочего, она старалась как можно дольше затянуть свое пребывание здесь, поблизости от гор, в надежде получить хоть какую-то весточку о кузене князе Василии.

Князь Василий был человеком слишком находчивым, умным и жизнелюбивым, чтобы легко расстаться с жизнью. Как бы подло и предательски не действовали власти в отношении ее мужа, графиня не могла смириться с тем, что ее счастливая жизнь на Кавказе кончится полным поражением. Она верила, что горы в конце концов вернут Василия обратно.

Между тем, Российскую армию всю раздирали интрига, падение нравов было повсеместным. Даже Суворова столько лет продержали в глухом Астраханском гарнизоне безо всякой надежды на продвижение. До графини дошли сплетни, будто причиной этого было его слишком настойчивое желание развестись с неверной женой! Императрице потребовалось немало времени, чтобы простить ему этот скандал, тем более, что жена Суворова приходилась дальней родственницей ее всемогущему фавориту Потемкину. Рано или поздно Комарову воздадут должное, но это произойдет, скорее всего, тогда, когда падет сам всесильный Потемкин - так же стремительно, как и вознесся. Этот час придет...

Однажды утром Софья с Комаровым сидели на веранде, попивая кофе. Наступал еще один суматошный утомительный день, который они проведут, хлопоча об упаковке и отправке наиболее ценного имущества. Эта возня будет прерываться лишь короткими визитами офицеров, забегающих попрощаться.

Послушай, друг мой, не вмешивайся в домашние дела. Я все это устрою сама, - раздраженно бросила графиня Софья.

Давай, давай... Постарайся только, чтоб отсюда до Тифлиса каждый горбатый армянин не смог поживиться благодаря тебе.

Раньше ты что-то не жаловался на мои хозяйственные таланты, - спокойно ответила графиня.

У тебя был помощник - Хашим! Кроме того, я шел тогда в гору и мог рассчитывать на более толстый кошелек, чем сегодня.

Перестань хандрить. Как только мы вернемся в Петербург, ты сможешь повидать своих друзей и поправить положение. Хватит, я не хочу вести подобные разговоры.

Наступило тягостное молчание. Комаров был в ярости от того, как с ним поступили и печалился, потеряв своего Хашима. Софью же раздражало его мрачное расположение духа. Нет, она не позволит унынию взять верх: ей казалось, что это уменьшит шансы на спасение Василия, а ведь он был единственным из ее семейства, кто видел ее жизнь на Кавказе, чувствовал, как счастлива была она здесь. Ей очень нужно, чтобы он выжил, чтобы это чувство приобщенности к Кавказу сохранилось и осталось их общей тайной. Мысль о возвращении в Петербург была ей отвратительна. Вновь ей придется окунуться в эти бесконечные условности, отирание ближнего своего в стремлении подняться как

можно выше по аристократической лестнице: существовало четырнадцать степеней знатности русской аристократии, означенных в изрядно потрепанной «Бархатной книге»: десятки князей Голицыных, могущественные и захудалые роды Нарышкиных... В общем, чем быстрее муж получит новое назначение, тем будет лучше для них обоих.

Эта напряженная тишина во время утреннего завтрака была прервана приездом торговца-армянина Артюняна. Он нравился Софье: в нем была какая-то разбойничья удаль. Иногда он втайне от мужа ссужал ей деньги для покрытия карточных долгов.

- Слышали новость? - проговорил он, низко наклоняясь, чтобы поцеловать графине руку. - Говорят, шейх Мансур атаковал крепость Наур, и потерпел поражение, хотя гарнизон крепости был слаб. Еще одна оплеуха горцам! Уверен, что к зиме его войска разбегутся.

Комаров взглянул на него с сомнением:

- Возможно. А возможно, и нет. Он может обратиться за помощью к туркам. Они то всегда рады подлить масла в огонь на Кавказе. Не сомневаюсь, что мы еще услышим об этом Мансу-ре.

- У меня есть новости и поприятнее, Ваше превосходительство...

- Молодец, Артюнян. Выкладывай.

- В Кизляре я отыскал кое-кого. Вам будет приятно встретиться с этим человеком... - Артюнян подошел к двери и подал знак. Откуда ни возьмись, появился грязный, оборванный Хашим. Он не решался даже войти на веранду, не убедившись прежде, что старый хозяин не обрушит на него свой гнев. Так и стоял, теребя шапку в руках и не смея поднять глаза.

- Боже праведный! - ахнул Комаров. - Где же ты пропадал?!

Хашим был мрачен, и у него для этого были основания, о которых вскоре и поведал Артюнян:

- Похоже, полковник Пьери содержал его в Кизляре под стражей. В железах, увы. Долго не мог уразуметь, кто он такой - шпион или как раз наоборот. Я смог замолвить словечко за него только после этой резни и гибели самого полковника. Никто более им не интересовался. - Артюнян закашлялся, будто не ставил себе в особую заслугу освобождение Хашима, стараясь в то же время дать понять, что за эти труды надо бы и отблагодарить.

Графиня Софья повела себя как безутешная мать, потерявшая ребенка. Дрожа от гнева, она подбежала к Хашиму и принялась дубасить его по голове:

- Что, потерял язык?! Говори! Где мой кузен? Где он?!

Хашим упал на колени, закрыв голову руками и продолжая безмолвствовать.

Оставь его! - крикнул Комаров, загоразивая собой карачаевца.

Она не желает тебе зла, - заговорил он с ним по-татарски. - У нее горе, сам понимаешь. Ну вставай же, старый пес...

Хашим продолжал смотреть на него, будто ничего не понимая, и Комарову пришлось силой поставить его на ноги:

- Ступай на кухню.

Хашим еле таскал ноги от боли. На щиколотках у него были явственно заметны красные ссадины от кандалов.

- Вы были правы, мадам, - Комаров взглянул на свою супругу. - Вы можете прекрасно обойтись и без Хашима. Я планирую отъезд на четырнадцатое октября и отдаю все сборы в Ваши умелые руки.

Комаров двинулся вслед за Хашимом, чтобы наедине спокойно поговорить с ним обо всем. Приходя в себя, Софья поняла, что перегнула палку и обидела мужа, подняв руку на его самого старого слугу.

Артюнян вертелся под ногами, стараясь как можно лучше воспользоваться этой домашней стычкой.

- Позвольте, Ваше сиятельство, - тараторил он, т я могу помочь с лошадьми... И вам, конечно, потребуются меха. Вы едете так поздно, по дороге вас застанут метели...

Продолжая пить кофе, графиня Софья дала армянину возможность вволю наболтаться и нахвастаться. Она слушала его вполуха, ожидая когда вернется супруг. Вдруг Артюнян замолчал. Софья прослушала его последние слова и смутилась:

- Что? Что Вы сказали? Простите меня... Я так расстроена из-за кузена...

Артюнян наклонился вперед и заговорил с важным видом:

- Хашим рассказал мне, что князя Василия чеченцы оставили у себя в качестве заложника, а их с Ивановым отправили за оружием. В обмен на это оружие горцы обещали отпустить Вашего кузена... Но на обратном пути они попали в засаду. Иванова застрелили. Это очень, очень опасно..., -он сокрушенно покачал головой, ведь Мансур все время держит горцев в возбуждении...

У графини Софьи упало сердце. Страх и гнев смешались в ней. Чеченцы считались самыми кровожадными среди всех горских племен. Они не только постоянно беспокоили русские патрули, но и все время воевали между собой самым жестоким образом.

- Это военные секреты! Помалкивай, Артюнян, не то я донесу на тебя кому следует.

Артюнян опешил. Как она может быть такой неблагодарной?

- Я только хотел довести до Вашего сведения..., - заикаясь, пробормотал он, но Софья оборвала его.

- Спасибо. Теперь я попрошу Вас удалиться. Артюнян поклонился и вышел. Софья видела,

как они с мужем уехали, чтобы продолжить, видимо, беседу за обедом. Комаров решил наказать ее, держа в неведении. Софья принялась за поиски карачаевца. Сейчас он был ей очень нужен, поэтому она старалась успокоиться, чтобы поговорить с ним по-хорошему.

Хашим спал в конюшне на охапке сена. У него был какой-то болезненный, измученный вид.

Комаров, видимо, накормил его и угостил доброй бутылочкой кахетинского вина.

- Проснись, - графиня толкнула Хашима носком туфли-

Хашим открыл один глаз.

- Можешь не вставать, - коротко проговорила она. - Я хочу просто поговорить.

Если б он посмел усмехнуться, она рассердилась бы пуще прежнего. Хашим хорошо знал, что згой краткостью и сдержанностью Ее сиятельство признает, что побила его зря.

Софья присела на бочку.

- Ты... Я видела, как ты гадаешь иа четках. Сделай это для меня, Хашим. - Она бросила к его ногам тяжелый, приятно зазвеневший кошелек. - Я уверена, что князь Василий еще жив. Скажи, что ты видишь.

Хашим уселся поудобнее и достал четки, состоящие из сорока одной голубой бусины.

- Ваш родственник был смелым человеком. Комок подкатил к горлу Софьи. Как и все

остальные, Хашим думал, что Василий погиб.

Чтобы развлечь ее, Хашим сел, скрестив ноги, и принялся бормотать заклинания над ладонями, согнутыми ковшом. Потом он бросил четки, которые раскатились по твердой земле, сгрудившись в маленькие кучки.

- Ну что? спросила Софья властно.

По лицу Хашима можно было понять, что результат произвел на него впечатление. С четками не шутят. Картина получилась ясная и однозначная.

- Вижу серьезную болезнь, - пробормотал он будто нехотя -

- Ты хочешь сказать, что мой кузен жив, но болен? Но где же он? Ради Бога! - Софья трясла карачаевца за рукав.

Хашим был очень измучен, у него все болело, и он был вовсе не расположен к подобным играм, однако, очевидность предсказания заставила его забыть о своих бедах. Хашим понял, что не осмелится поведать все даже такой настойчивой и властной русской женщине. Тем более, что большая часть предсказаний вовсе ее не касалась. Бог так распорядился, что в жизни мужчины есть пять самых главных вещей: продолжительность жизни, его поступки, жилище, путешествия и успехи. Четки дают лишь намек, только намек на эти общую схему. В данном случае схема получилась точной.

Здесь большие страдания. Страдания же еще грядут. Два человека принесены в жертву ради этого дела. Один спасся. Вот, это я, - он указал на одну бусину, откатившуюся от остальных.

Какого дела? Какая жертва? Что за чушь ты городишь! - воскликнула Софья и ударила по бусинам. - Брось их снова.

Хашим улыбнулся, потому что отлично знал, что этот же смысл будет передан в другой форме. Так оно и вышло.

- Этот человек потерян для Вас, госпожа.

- Потерян! Потерян! Ты имеешь в виду, что он не мертв?

То, что было мертво, ожило, и то, что было живо, умерло. Здесь вот крест. Это перекресток дорог. А вот и я. То, что было потеряно, нашлось. Ничего иного не могу Вам сказать.

Полная чушь! Он не умер! Не желаю этого слышать! - Графиня Софья повернулась на каблуках и ушла к себе. Но Хашим продолжал рассматривать бусины, ибо в них он видел демонов смерти, и ему хотелось узнать, желает ли Бог, чтоб он спасся вновь.

* * * * *

После того, как чеченцы похоронили обезглавленное тело Арсби, погибшего в Алди, что-то сдвинулось в душе Цемы. До того дня она была против переезда в Кабарду.

Мурад упорно повторял, что не оставит Ахмета одного. Этот человек стал ему ближе брата, ему и его детям. Он сказал об этом Темиркану и предложил пригласить Ахмета в Хапцей в качестве знатного кабардинца, каким тот является по происхождению, иначе он, Мурад, останется здесь, в горах. Темиркан легко, с радостью согласился на это условие. Однако, затруднения возникли вовсе не с Ахметом, а с его женой Цемой. Ахмету не хотелось давить на нее, он и сам не был вполне уверен, что его судьба будет связана с адыгами. Цеме же решение об отъезде принесет боль.

Церемония похорон всегда была самой скорбной у горцев. В этом году смерть собрала особенно тяжелую дань. Лошадь Арсби по традиции отвели к мулле. Тот поклонился:

- Эту кобылу я передаю Куэру, - проговорил он. - Они были боевыми товарищами... братьями по оружию. Эта кобыла по праву принадлежит ему, пережившему битву в Алди, а не мне.

Куэр взял кобылу под уздцы и повел похоронную процессию из деревни.

Местом погребения Арсби стала большая поляна в грабовой роще. Там был холм, в котором покоился прах славных воинов прошлого. Тело Арсби завернутое в белую материю, положили лицом к Мекке. Рядом легли его седло, кама, лучшая кольчуга и лучшие сапоги, в которых Арсби танцевал в час веселья.

Куэр затянул старинную чеченскую похоронную песнь:

«О, ты настигла меня, горячая и быстрая пуля, несущая смерть,

Но я презираю тебя, как рабу недостойную...

Ты же, черная земля, которую топтал и рыл мой боевой конь.

Ты сослужишь мне службу, укроешь могилу мою.

Ты холодна, как и я, и я был твой Бог и Хозяин...

Быстро тело мое погружается в землю, но душа отлетает на небо быстрее еще..»

Когда могилу зарыли, мулла принялся нараспев произносить молитвы из Корана и других древних священных книг, которых он сам никогда не читал, но отрывки из которых по традиции хранил в памяти. Время создания этих книг терялось в седой древности. Возможно, их привезли люди, что воздвигли крест на горе у деревни, где любил сидеть и молиться Хамзет. А, может быть, их завезли в горы купцы, что оставляли здесь серебряные и золотые монеты. Никто этого не знает, древние книги стали столь же привычными и обыденными на этой земле Кавказа, как зимние снега, лесные пожары или обнаженные клинки.

Когда толпа стала расходиться, Цема приблизилась к мулле:

- Отец, я не могу оставить тебя одного здесь, среди гор. Ахмет понимает мои чувства.

Мулла умиротворяюще положил руку ей на плечо:

- Цема, я потерял твою мать, твоего брата, я не хочу терять и тебя. Дочка, живи там, где будет лучше всего для тебя и моего внука. Твой муж - хороший человек, пожалуй, лучший из всех. Не лишай его радости соединения с соплеменниками. Он кабардинец, среди них ему будет лучше всего.

- Но как же твои внуки, отец? Ты так и не порадуешься на них...

- Ты говоришь так, будто Кабарда неслыханно далеко отсюда. Нет, дорогая. Бог даст, приеду навестить внуков. А если не будет войны, они и сами смогут погостить у меня.

Ахмет стоял на почтительном расстоянии от них и подошел, лишь когда мулла кивнул ему.

- Ахмет, сын мой... Ты был близок нам всем, как любой чеченец. У вас семья. Цема поедет с тобой в Кабарду, ибо знает, что так будет лучше для вашего будущего. - Мулла посмотрел на дочь глазами, полными слез. - Ты привезешь их всех ко мне в гости, когда, наступят лучшие времена.

Ахмет почтительно кивнул. Он не мог ничего выговорить: слова застревали у него в горле. Видимо поэтому, Цеме самой пришлось сказать последнюю фразу, в которой она как бы напоминала Ахмету, что самое главное для них - семья, со всеми заботами и хлопотами.

- Нам нужно спешить, чтоб ребенок смог родиться у Терека, - взволнованно произнесла она и взяла Ахмета за руку.

Ахмет поднял глаза на муллу.

- Спасибо за благословение, - было заметно, какие сильные чувства он переживает.

Молодые пошли в аул, чтобы обсудить свои планы с Мурадом и посланниками его отца.

На поляне, у свежей могилы Арсби, остались молчаливо стоять мулла и деревенские старейшины, погруженные в свои мысли. К ним подъехал Куэр. Он сидел на лошади Арсби, держа на поводу свою собственную, навьюченную оружием и продовольствием.

- Отец, - сказал он, опускаясь на колени перед Эльдаром. - Ты знаешь, что я скажу тебе. Месть остается мне.

Куэр решил покинуть горы. Он найдет шейха Мансура и последует за ним на край света, если это понадобится. Станет его гонцом и оруженосцем. Его преданность делу борьбы была абсолютной. Казалось, что эта страсть и есть для него сам смысл жизни. Ни пуля, ни клинок не остановят его, как не остановили Хамзета и Арсби.

Эльдар стоял перед коленопреклоненным сыном, готовый расстаться с ним навсегда, но слез не было в его сухих воспаленных глазах. На секунду его благословляющие руки легли на голову сына, потом он вдруг распахнул свои одежды.

- Имя мое - Орел! Говорят, если тень орла осенит голову мужчины, он обретет царство. Пусть это пророчество сбудется для тебя, Куэр. Ступай, сын, благословляю тебя...

Мулла и Эльдар стояли рядом, наблюдая за удаляющимся Куэром. Когда-то они думали породниться, соединив сердца Куэра и Цемы. Теперь же оба потеряли своих сыновей и, может быть, никогда не увидят внуков.

Литературно-художественное издание
Мухадин Иззет Кяндур
КАВКАЗ

Историческая трилогия
Заведующий редакцией В. Н. Котляров
Технический редактор Л. И. Прокопенко
Л. Р. № 010238 от 27.04.92

Подписано к печати 12.10.94. Формат 84х108 Бумага типографическая №-2.

Гарнитура школьная модернизированная. Печать офсетная.

Усл. п. л. 17,64. Уч.-изд.л. 15,75.

Тираж 10 000 эк. Заказ № 2840.

Издательский центр «Эль-Фа»

Полиграфкомбината им. Революции 1905 года

Мининформпечати КБР

360000, г. Нальчик, пр. Ленина, 33

Мухадин Иззет Кандур родился в Аммане, в Иордании. Родители его кабардинцы. Подростком он отправился в Соединенные Штаты, где окончил историческое отделение Ирлхэмского колледжа.

Затем он изучал экономику и международные отношения в Клермонтском университете (Калифорния), и по окончании ему были присвоены степени магистра наук, по международным отношениям и доктора философии. Работал Мухадин Кандур в сфере бизнеса в транснациональных компаниях Нью-Йорка и Лондона. В начале семидесятых он четыре года был в Голливуде сценаристом и продюсером-режиссером.

М.И.Кандур - автор нескольких крупных научных исследовательских и двух опубликованных романов: «The Skyjack Affair» и «Rupture». Последние двадцать лет Кандур совмещает бизнес и творчество, занимаясь консультативной деятельностью в Лондоне и работая над телевизионными документальными программами.

В настоящее время проживает в Аммане.